СОВРЕМЕННИКЪ,

ЛИТТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

АЛЕКСАНДРОМЪ ПУШКИНЫМЪ.

ПЕРВЫЙ ТОМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ГУТТЕНБЕРГОВОЙ ТИПОГРАФІИ.

1836.

СОВРЕМЕННИКЪ.

I.

СОВРЕМЕННИКЪ,

ЛИТТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

АЛЕКСАНДРОМЪ ПУШКИНЫМЪ.

ПЕРВЫЙ ТОМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ГУТТЕНБЕРГОВОЙ ТИПОГРАФІИ.

1836.

Что пируетъ Царь великій
Въ Питербургѣ-городкѣ?
Отъ чего пальба и клики
И эскадра на рѣкѣ?
Озаренъ ли честью новой
Русской штыкъ, иль Русской флагъ?
Побѣжденъ ли Шведъ суровой?
Мира ль проситъ грозный врагъ?

Иль въ отъятый край у Шведа
Прибылъ Брантовъ утлый ботъ,
И пошелъ навстрѣчу *дѣда*
Всей семьей нашъ юный флотъ,
И воинственные внуки
Стали въ строй предъ старикомъ,
И раздался въ честь Науки
Пѣсенъ хоръ и пушекъ громъ?

Годовщину ли Полтавы
Торжествуетъ Государь,
День, какъ жизнь своей Державы
Спасъ отъ Карла Русскій Царь?
Родила ль Екатерина?
Имянинница ль Она,
Чудотворца-Исполина
Чернобровая Жена?

Нѣтъ! Онъ съ подданнымъ мирится;
Виноватому вину
Отпуская, веселится;
Кружку пѣнитъ съ нимъ одну;
И въ чело его цалуетъ,
Свѣтелъ сердцемъ и лицомъ;
И прощанье торжествуетъ
Какъ побѣду надъ врагомъ.

Отъ того-то шумъ и клики
Въ Питербургѣ-городкѣ,
И пальба и громъ музыки
И эскадра на рѣкѣ;
Отъ того-то въ часъ веселой
Чаша Царская полна,
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

ИМПЕРАТРИЦА МАРІЯ.

Въ Февралѣ нынѣшняго года здѣшняя Столиц
была свидѣтельницею публичныхъ экзаменовъ, про
исходившихъ въ Императорскомъ Воспитательном
Обществѣ Благородныхъ Дѣвицъ по окончаніи кур
са ученія.

Благо, распространяющееся по Россіи съ каж
дымъ выходомъ воспитанницъ изъ Институтовъ, со
стоящихъ подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ Госу
дарыни Императрицы, поистинѣ неоцѣненно. Умъ,
сердце и характеръ (слѣдственно *весь человѣкъ*) пер
воначально развиваются единственно по внушеніям
женщины, которую Провидѣніе облекло и властію
и силою и удобностію возращать попроизволу е
рожденіе. Въ исторіи всѣхъ знаменитыхъ людей уп
минается о первомъ, могущественнѣйшемъ вліяні
матери: а первыя впечатлѣнія не всегда ли рѣшат
будущую судьбу нашу?

Воспитанницы, оставляющія нынѣ благословенный пріютъ своего дѣтства, вступили въ него еще при покойной Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Онѣ послѣднія изъ тѣхъ, которыя въ этомъ заведеніи осчастливлены были привѣтомъ *Незабвенной.* Преемница высокихъ Ея чувствованій и добродѣтелей, Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна, награждая отличившихся благонравіемъ и успѣхами въ наукахъ, освятила торжественный обрядъ сей трогательнымъ воспоминаніемъ Той, Которая завѣщала Ей все драгоцѣннѣйшее для Своего сердца. Слабость здоровья не позволила Государынѣ Императрицѣ ѣхать въ Смольный Монастырь. Воспитанницы привезены были въ Зимній Дворецъ, и Ея Величество Сама изволила украсить ихъ вензеловымъ именемъ покойной Императрицы.

Такимъ образомъ еще разъ это священное имя слезами умиленія привѣтствовать будутъ и въ тихихъ семейныхъ убѣжищахъ и на веселыхъ праздничествахъ, это имя, которое, въ теченіе сорока лѣтъ, является у насъ залогомъ чистоты нравственной и лучшей образованности прекраснаго пола. Съ нынѣшней эпохи, Императрица Марія, въ великомъ дѣлѣ воспитанія юношества, какъ Лице *присутствующее*, сокрывается отъ насъ: но Она никогда не сойдетъ съ своего поприща, какъ Лице *дѣйствующее.*

Въ разныхъ заведеніяхъ, пользовавшихся неусыпнымъ Ея надзоромъ, сколько тысячь молодыхъ о-

собѣ обоего пола образовалось въ продолженіе сорока лѣтъ! И преимущественно воспитаніе дѣвицъ, столь тщательное и во всѣхъ отношеніяхъ примѣрное, во сколькихъ семействахъ утвердило добрые нравы и настроило души къ новой прекрасной жизни! Въ каждомъ изъ нихъ Императрица возрастила три поколѣнія. Если бы хоть одно изъ чистыхъ началъ Ея ученія не привилось къ первому, оно еще могло подѣйствовать надъ вторымъ и несомнѣнно утвердилось въ третьемъ. Теперь половина Россіи благороднѣйшими своими чувствованіями одолжена единственно Ей. Свѣтлая жизнь наша, домашнія удовольствія, вкусъ, господствующій въ избранныхъ обществахъ, лучшія потребности ума и лучшія движенія сердца, все это Ея созданіе. И все это сдѣлалось уже необходимою стихіею нашей жизни. Никакія обстоятельства невластны теперь остановить и даже измѣнить этого нравственнаго направленія.

Въ Исторіи нѣтъ лица, которое бы по всѣмъ отношеніямъ можно было сравнить съ покойною Императрицею. Супругъ Ея и два Сына, одинъ за другимъ, были Самодержцами при жизни Ея. На этой высотѣ земнаго величія, соприкосновенная къ власти, Она въ своей Особѣ явила міру изумительный примѣръ смиренномудрія. Избравъ для Своей дѣятельности законный кругъ, Она не переступила за предѣлъ его. Въ непосредственное вѣдѣніе Свое Она приняла одну только часть управленія, которая требовала не холодной администраціи, но сердечнаго

участія, нѣжнѣйшей попечительности, гдѣ все зависѣло отъ ангельскаго терпѣнія: и три царствованія Она была только *Министромъ Благотворительности.*

У насъ много частей въ государственномъ управленіи, разными лицами, въ разныя эпохи, доведено до видимаго совершенства. Но исключительно одну назвать можно законченною. Въ ней все должно сохраниться въ томъ видѣ, въ какомъ оставила ее Императрица Марія. Устройство заведеній для образованія женскаго пола ни въ чемъ не требуетъ улучшенія. Поверхностные только судьи, не входящіе во всѣ подробности этого дѣла, не умѣющіе обнять его со всѣхъ сторонъ, могутъ оставаться при своемъ сомнѣніи. Молодая особа, вышедшая изъ какого нибудь Института, состоящаго въ вѣдѣніи Государыни Императрицы, въ полномъ смыслѣ снабжена уже всѣмъ, чего потребуетъ будущая жизнь ея. Знатная и богатая украситъ кругъ свой; бѣдная обезпечитъ себя, или принесетъ помощь въ семейство родителей; одаренная талантами, смотря по своему состоянію, развила ихъ или для блеска, или для пріобрѣтенія житейскихъ выгодъ; не получившая отъ природы отличныхъ способностей обучена всѣмъ рукодѣліямъ, необходимымъ для женщины. Однимъ словомъ: возраженія исчезаютъ, когда сообразишь безчисленное множество поступающихъ въ заведенія сіи, безконечную разность въ состояніяхъ и способностяхъ этихъ лицъ и равенство ихъ правъ на одинаковое воспитаніе, возможность спо-

собовъ, опредѣляемыхъ для содержанія заведеній, и наконецъ общій выводъ изъ этого многосложнаго дѣлопроизводства. Юношество, воспитывающееся въ другихъ заведеніяхъ, получаетъ хорошія начала, но при поступленіи въ свѣтъ часто не находитъ въ своихъ познаніяхъ самаго необходимаго. Только счастливыя обстоятельства или особенное вниманіе къ положенію своему ускоряютъ его над лежащее совершенствованіе. Въ одномъ мѣстѣ не достаетъ разнообразія свѣдѣній, въ другомъ осно вательности, въ третьемъ удобопримѣняемости. Здѣс все возможное предупреждено. Полный объемъ пред метовъ не въ противорѣчіи съ бережливостію вре мени; теорія не препятствуетъ изученію практиче скому; удаленіе отъ свѣта не закрываетъ жизни Одно и тоже лице, наканунѣ видѣнное въ пріют воспитанія, плѣнительное простосердечіемъ своим и дѣтскою заботливостію, на другой день являетс въ блистательномъ кругу Двора, или частнаго мно голюднаго общества, или мирнаго семейства: везд оно изумляетъ васъ благородствомъ, пристойности и непринужденностію. Воспитаніе такого достоин ства здѣсь только и видишь.

Покойная Императрица, возложивъ на Себя мно готрудныя обязанности, съ благоговѣніемъ испол няла долгъ Свой. Въ продолженіе всей жизни Ея н одно обстоятельство не заставило Ее уклониться отъ постоянной дѣятельности, или ослабить е стремленіе. Переходя постепенно отъ одного улу шенія къ другому, расширяя кругъ благотвореній

годъ отъ году мужая, такъ сказать; въ опытахъ, Она достигнула наконецъ до этой мудрости въ начинаніяхъ Своихъ, которая возвела Ея учрежденія на высшую степень совершенства. Сіи памятники прекрасной души Ея носятъ одинъ характеръ простоты и величія: надобно только вступить въ эти заведенія, чтобы вы поняли присутствіе мысли Царственной и спокойной. Все идетъ свободно и вѣрно, какъ въ Природѣ. Обозрѣвая ихъ, невольно чувствуешь себя перенесеннымъ въ отдѣльный міръ, въ которомъ и малѣйшая часть сохраняетъ всѣ признаки цѣлаго: такъ они организованы стройно и своеобразно. Но чтобы достигнуть до этой окончательности, надобно было Создательницѣ Самой каждую пружину поставить на ея мѣсто, внимательно и долго наблюдать общее движеніе, и все предусмотрѣть въ будущемъ.

Внѣшнее устройство ничего еще не значитъ въ сравненіи съ нравственною жизнію, которая господствуетъ въ сихъ учрежденіяхъ. Императрица постигнула величайшую тайну, какъ властвовать сердцами подчиненныхъ Своихъ. Въ духѣ истинно христіанскомъ Она образовала царство любви, которая въ каждомъ сердцѣ составляла одно главное побужденіе. Другими средствами не возможно было и дѣйствовать успѣшно на избранномъ Ею поприщѣ. Для физическихъ занятій легко придумать все: и правила, какъ устроить ихъ, и формы, какъ ихъ повѣрять. Надъ душею нѣтъ власти, кромѣ силы душевной. Въ этомъ убѣжденіи Императрица всякое

лице, вступавшее въ область попечительности Ея, признавала равно достойнымъ Своего вниманія. Подъ Своимъ начальствомъ, на всѣхъ степеняхъ, Она желала видѣть такихъ людей, которыхъ дѣятельность была бы лучемъ Ея центральной дѣятельности. Она низходила къ каждому изъ нихъ и освящала его сердце тою любовію, которая все одушевляла въ кругу Ея благотворительности. Она изучила человѣка во всѣхъ его возрастахъ, подъ вліяніемъ всякой страсти, во всякомъ состояніи, во всѣхъ отношеніяхъ: не было примѣра, чтобы кто нибудь изъ подчиненныхъ Ея не предался всей ревности къ исполненію долга, къ какой только онъ способенъ былъ по душѣ своей. Въ Ея сферѣ должность и счастіе значили одно и тоже. Пусть сообразятъ, какая внимательность со стороны Особы, столь высоко поставленной Провидѣніемъ, потребна была къ самымъ мелкимъ обстоятельствамъ частныхъ людей, чтобы никогда и нигдѣ не измѣнить симъ правиламъ. Если бы возможно было собрать въ одно цѣлое разнообразныя черты умилительно-трогательной Ея попечительности о каждомъ лицѣ, которое состояло въ какомъ нибудь къ Ней отношеніи, эта картина человѣколюбія, благости и мудрости была бы орошаема сладкими слезами всего человѣчества.

Отъ того превосходство Ея заведеній состоитъ не въ строжайшемъ исполненіи формъ сравнительно съ другими, но въ духѣ дѣятельности. Каждое изъ нихъ, какъ благословенное семейство, цвѣтетъ внутреннимъ счастіемъ: всѣ въ немъ единодушно стремят-

ся къ общей цѣли, любятъ свой долгъ и не могутъ не уважать другъ друга: они уравнены вниманіемъ, оживлены признательностію; имъ неизвѣстны никакія побудительныя мѣры, кромѣ тѣхъ, которыя умѣетъ избирать одна чистѣйшая любовь. Надобно возвыситься до Ея самоотверженія, надобно, подобно Ей, одну святую добродѣтель поставить закономъ для всѣхъ дѣйствій своихъ, чтобы столько тысячь людей сосредоточить на одномъ нравственномъ чувствѣ и убѣдить ихъ въ его превосходствѣ предъ всѣми другими побужденіями. Легко удовлетворить требованіямъ формы. Если этимъ масштабомъ измѣрять будемъ совершенство, сколько найдемъ процвѣтающихъ учрежденій!

Между тѣмъ и самое исполненіе условій порядка, отчетливости, исправности, этихъ отрицательныхъ достоинствъ, конечно нигдѣ такъ не свято, какъ въ заведеніяхъ Императрицы Маріи; потому что и въ семъ отношеніи Она лично убѣдительнѣйшій подавала примѣръ Своимъ подчиненнымъ. Кто былъ внимательнѣе и разборчивѣе Ея при голосѣ законности? И можно ли было, при быстромъ и безпрерывномъ движеніи всѣхъ частей обширнаго управленія, при безконечномъ приливѣ разнообразнѣйшихъ дѣлъ, не подчинить себя строжайшимъ формамъ и не распредѣлить каждаго своего мгновенія? Неизмѣнно-правильный ходъ всѣхъ Ея занятій незамѣтно сообщался каждому лицу, вступавшему въ тотъ кругъ, гдѣ Она дѣйствовала. Малѣйшее отступленіе отъ господствующаго повсюду

порядка, затруднило бы положеніе общее и частное. Но въ этомъ явленіи строгой соотвѣтственности механическая сторона служила только выраженіемъ гармоніи внутренней, духовной. Такой порядокъ не представляетъ усилія, не прикрываетъ бездушія, а доказываетъ естественное счастливое состояніе. Онъ дѣлается нашею потребностію, когда участвуетъ въ немъ сердце.

Наблюдая издали послѣдовательность всѣхъ дѣяній Императрицы Маріи, неизмѣнность Ея началъ, равенство усилій, полноту и жаръ чувствованій, съ которыми производилось Ею все благое, словомъ: созерцая внѣшнюю жизнь Ея, кто не подумаетъ, что конечно судьба здѣсь на землѣ предохранила это сердце отъ всѣхъ потрясеній, ни въ чемъ не разочаровала, не познакомила его съ тяжелыми утратами и не допустила лечь ни одной тѣни на свѣтло-безмятежныя его думы. Но мы, Ея современники, Ея дѣти, мы были свидѣтелями, какія испытанія низпосылались Ей и какъ Матери и какъ Царицѣ! Чѣмъ же побѣдила Она все житейское? Что сохранило Ее неизмѣнною для блага нашего? Вѣра и вѣрность долгу. Ея жизнь есть торжество Христіанства и вѣнецъ человѣчества. На высотѣ престоловъ и въ затворахъ келлій пусть сыщутъ другое существо, которое бы, въ продолженіи семидесятилѣтней своей борьбы съ жизнію, съ искушеніями щастія и бѣдствія, ни единожды не нарушило обѣта, произнесеннаго предъ Богомъ и совѣстію! Ни слава, ни суемудріе, никакія страсти не взвол-

новали теченія дней Ея, которые незапно прекратила только жаркая любовь къ Отечеству.

Событіе безпримѣрное! Передъ Ея гробницею слились всѣ голоса. Въ эту неизобразимо-горестную эпоху вся Россія одно чувствовала, и цѣлый міръ одно съ нею мыслилъ. Минута примирила всѣ партіи. Забыты всѣ отношенія. Земное простерлось во прахъ передъ Небеснымъ.

НОЧНОЙ СМОТРЪ.

Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Изъ гроба встаетъ барабанщикъ;
И ходитъ онъ взадъ и впередъ,
И бьетъ онъ проворно тревогу.
И въ темныхъ гробахъ барабанъ
Могучую будитъ пѣхоту:
Встаютъ молодцы егаря,
Встаютъ старики гренадеры,
Встаютъ изъ-подъ Русскихъ снѣговъ;
Съ роскошныхъ полей Италійскихъ,
Встаютъ съ Африканскихъ степей,
Съ горючихъ песковъ Палестины.

Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Выходитъ трубачь изъ могилы;
И скачетъ онъ взадъ и впередъ,
И громко трубитъ онъ тревогу.
И въ темныхъ могилахъ труба
Могучую конницу будитъ:
Сѣдые гусары встаютъ,
Встаютъ усачи кирасиры;
И съ Сѣвера, съ Юга летятъ,
Съ Востока и съ Запада мчатся
На легкихъ воздушныхъ коняхъ
Одинъ за другимъ эскадроны.

Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Изъ гроба встаетъ полководецъ;
На немъ сверхъ мундира сертукъ;
Онъ съ маленькой шляпой и шпагой;
На старомъ конѣ боевомъ
Онъ медленно ѣдетъ по фронту,
И маршалы ѣдутъ за нимъ,
И ѣдутъ за нимъ Адъютанты;
И армія честь отдаетъ.
Становится онъ передъ нею;
И съ музыкой мимо его
Проходятъ полки за полками.

И всѣхъ Генераловъ своихъ
Потомъ онъ въ кружекъ собираетъ,
И ближнему на ухо самъ
Онъ шепчетъ пароль свой и лозунгъ;
И арміи всей отдаютъ
Они тотъ пароль и тотъ лозунгъ:
И *Франція* тотъ ихъ пароль,
Тотъ лозунгъ *Святая Елена.*
Такъ къ старымъ солдатамъ своимъ
На смотръ генеральный изъ гроба
Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Встаетъ Императоръ усопшій.

Жуковскій.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ АРЗРУМЪ

ВО ВРЕМЯ ПОХОДА 1829 ГОДА.

Предисловіе.

Недавно попалась мнѣ въ руки книга, напечатанная въ Парижѣ въ прошломъ 1834 году подъ названіемъ: Voyages en Orient entrepris par ordre du Gouvernement François. Авторъ, по своему описывая походъ 1829 года, оканчиваетъ свои разсужденія слѣдующими словами:

Un poëte distingué par son imagination a trouvé dans tout de hauts faits dont il a été temoin, non le sujet d'un poëme, mais celui d'une satyre.

Изъ поэтовъ, бывшихъ въ Турецкомъ походѣ, зналъ я только объ А. С. Хомяковѣ и объ А. Н Муравьевѣ. Оба находились въ арміи Графа Дибича. Первый написалъ въ то время нѣсколько прекрасныхъ лирическихъ стихотвореній, второй обдумывалъ свое путешествіе къ святымъ мѣстамъ, произведшее столь сильное впечатлѣніе. Но я не читалъ никакой сатиры на Арзрумскій походъ.

Никакъ бы я не могъ подумать, что дѣло здѣсь идетъ обо мнѣ, если бы въ той самой книгѣ не нашелъ я своего имени между именами Генераловъ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса. Parmi les chefs qui la commandoient (l'armée du Prince Paskewitch) on distinguoit le General Mouravief.... le Prince Georgien Tsitsevaze.... le Prince Armenien Beboutof... le Prince Potemkine, le General Raiewsky, & enfin — M. Pouchkine..... qui avoit quitté la capitale pour chanter les exploits de ses compatriotes.

Признаюсь: эти строки Французскаго путешественника, не смотря на лестные эпитеты, были мнѣ гораздо досаднѣе, нежели брань Русскихъ журналовъ. *Искать вдохновенія* всегда казалось мнѣ смѣшной и нелѣпой причудою: вдохновенія не сыщешь; оно само должно найти поэта. Пріѣхать на войну съ тѣмъ, чтобъ воспѣвать будущіе подвиги было бы для меня съ одной стороны слишкомъ самолюбиво, а съ другой слишкомъ не пристойно. Я не вмѣшиваюсь въ военныя сужденія. Это не мое дѣло. Можетъ быть, смѣлый переходъ черезъ Соганъ-Лу, движеніе, коимъ Графъ Паскевичь отрѣзалъ

Сераскира отъ Османъ-Паши, пораженіе двухъ непріятельскихъ корпусовъ въ теченіе однихъ сутокъ, быстрый походъ къ Арзруму, все это, увѣнчанное полнымъ успѣхомъ, можетъ быть, и чрезвычайно достойно посмѣянія въ глазахъ военныхъ людей (каковы, на примѣръ, г. купеческій Консулъ Фонтанье, авторъ путешествія на Востокъ): но я устыдился бы писать сатиры на прославленнаго Полководца, ласково принявшаго меня подъ сѣнь своего шатра и находившаго время посреди своихъ великихъ заботъ оказывать мнѣ лестное вниманіе. Человѣкъ не имѣющій нужды въ покровительствѣ Сильныхъ, дорожитъ ихъ радушіемъ и гостепріимствомъ, ибо инаго отъ нихъ не можетъ и требовать. Обвиненіе въ неблагодарности не должно быть оставлено безъ возраженія, какъ ничтожная критика или литературная брань. Вотъ почему рѣшился я напечатать это предисловіе и выдать свои путевыя записки, какъ *все*, что мною было написано о походѣ 1829 года.

А. Пушкинъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Степи. Калмыцкая кибитка. Кавказския воды. Военная Грузинская дорога. Владикавказъ. Осетинския похороны. Терекъ. Дарiальское ущелiе. Перевздъ чрезъ снъговыя горы. Первый взглядъ на Грузiю. Водопроводы. Хозревъ-Мирза. Душетскiй Городничiй.

..... Изъ Москвы поѣхалъ я на Калугу, Бѣлевъ и Орелъ, и сдѣлалъ такимъ образомъ двѣсти верстъ лишнихъ, за то увидѣлъ***.

..... Мнѣ предстоялъ путь черезъ Курскъ и Харьковъ: но я своротилъ на прямую Тифлисскую дорогу, жертвуя хорошимъ обѣдомъ въ Курскомъ трактирѣ (что не бездѣлица въ нашихъ путешествiяхъ) и не любопытствуя посѣтить***.

До Ельца дороги ужасны. Нѣсколько разъ коляска моя вязла въ грязи, достойной грязи Одесской. Мнѣ случалось въ сутки проѣхать не болѣе пятидесяти верстъ. Наконецъ увидѣлъ я Воронежскія степи и свободно покатился по зеленой равнинѣ. Въ Новочеркаскѣ нашелъ я Графа П., ѣхавшаго также въ Тифлисъ, и мы согласились путешествовать вмѣстѣ.

Переходъ отъ Европы къ Азіи дѣлается часъ отъ часу чувствительнѣе: лѣса исчезаютъ, холмы сглаживаются, трава густѣетъ и являетъ бо̀льшую силу растительности; показываются птицы невѣдомыя въ нашихъ лѣсахъ; орлы сидятъ на кочкахъ, означающихъ большую дорогу, какъ будто на стражѣ, и гордо смотрятъ на путешественника. Калмыки располагаются около станціонныхъ хатъ. У кибитокъ ихъ пасутся уродливыя, косматыя козы, знакомыя вамъ по прекраснымъ рисункамъ Орловскаго.

На дняхъ посѣтилъ я Калмыцкую кибитку (клѣтчатый плетень, обтянутый бѣлымъ войлокомъ). Все семейство собиралось завтракать; котелъ варился посрединѣ, и дымъ выходилъ въ отверстіе, сдѣланное въ верху кибитки. Молодая Калмычка, собою очень не дурная, шила, куря табакъ. Я сѣлъ подлѣ нее. Какъ тебя зовутъ? — *** — Сколько тебѣ лѣтъ? — Десять и восемъ. Что ты шьешь? — портка. — Кому? — себя. Она подала мнѣ свою трубку и стала завтракать. Въ котлѣ варился чай

съ бараньимъ жиромъ и солью. Она предложила мнѣ свой ковшикъ. Я не хотѣлъ отказаться, и хлебнулъ, стараясь не перевести духа. Не думаю, чтобы другая народная кухня могла произвести что нибудь гаже. Я попросилъ чѣмъ нибудь это заѣсть. Мнѣ дали кусочикъ сушеной кобылятины; я былъ и тому радъ. Калмыцкое кокетство испугало меня: я поскорѣе выбрался изъ кибитки и поѣхалъ отъ степной цирцеи.

Въ Ставрополѣ увидѣлъ я на краю неба облака, поразившія мнѣ взоры ровно за девять лѣтъ. Они были все тѣ же, все на томъ же мѣстѣ. Это снѣжныя вершины Кавказской цѣпи.

Изъ Георгцевска я заѣхалъ на Горячія воды. Здѣсь нашелъ я большую перемѣну. Въ мое время ванны находились въ лачужкахъ, наскоро построенныхъ. Источники, большею частію въ первобытномъ своемъ видѣ, били, дымились и стекали съ горъ по разнымъ направленіямъ, оставляя по себѣ бѣлые и красноватые слѣды. Мы черпали кипучую воду ковшикомъ изъ коры, или дномъ разбитой бутылки. Нынче выстроены великолѣпныя ванны и дома. Бульваръ, обсаженный липками, проведенъ по склоненію Машука. Вездѣ чистенькія дорожки, зеленыя лавочки, правильные цвѣтники, мостики, павильоны. Ключи обдѣланы, выложены камнемъ, на стѣнахъ ваннъ прибиты предписанія отъ полиціи; вездѣ порядокъ, чистота, красивость. . .

Признаюсь: Кавказкія воды представляютъ нынѣ болѣе удобностей; но мнѣ было жаль ихъ прежняго, дикаго состоянія; мнѣ было жаль крутыхъ каменныхъ тропинокъ, кустарниковъ и неогороженныхъ пропастей, надъ которыми, бывало, я карабкался. Съ грустью оставилъ я воды, и отправился обратно въ Георгіевскъ. Скоро настала ночь. Чистое небо усѣялось миліонами звѣздъ; я ѣхалъ берегомъ Подкумка. Здѣсь, бывало, сиживалъ со мною А .Р., прислушиваясь къ мелодіи водъ. Величавый Бешту чернѣе и чернѣе рисовался въ отдаленіи, окруженный горами, своими вассалами, и наконецъ исчезъ во мракѣ....

На другой день мы отправились далѣе и прибыли въ Екатериноградъ, бывшій нѣкогда намѣстническимъ городомъ.

Съ Екатеринограда начинается военная Грузинская дорога; почтовой трактъ прекращается. Нанимаютъ лошадей до Владикавказа. Дается конвой козачій и пѣхотный и одна пушка. Почта отправляется два раза въ недѣлю, и проѣзжіе къ ней присоединяются: это называется *оказіей.* Мы дожидались недолго. Почта пришла на другой день, и на третье утро въ 9 часовъ мы были готовы отправиться въ путь. На сборномъ мѣстѣ соединился весь караванъ, состоявшій изъ пятисотъ человѣкъ или около. Пробили въ барабанъ. Мы тронулись. Впередъ поѣхала пушка, окруженная пѣхотными солдатами. За нею потянулись коляски, брички, кибитки

солдатокъ, переѣзжающихъ изъ одной крѣпости въ другую; за нами заскрыпѣлъ обозъ двуколесныхъ аробъ. По сторонамъ бѣжали конскіе табуны и стада воловъ. Около нихъ скакали Нагайскіе проводники въ буркахъ и съ арканами. Все это сначала мнѣ очень нравилось, но скоро надоѣло. Пушка ѣхала шагомъ, фитиль курился, и солдаты раскуривали имъ свои трубки. Медленность нашего похода (въ первый день мы прошли только пятнадцать верстъ), несносная жара, недостатокъ припасовъ, безпокойные ночлеги, наконецъ безпрерывный скрыпъ Нагайскихъ аробъ, выводили меня изъ терпѣнія. Татаре тщеславятся этимъ скрыпомъ, говоря, что они разъѣзжаютъ какъ честные люди, не имѣющіе нужды укрываться. На сей разъ пріятнѣе было бы мнѣ путешествовать не въ столь почтенномъ обществѣ. Дорога довольно однообразная: равнина, по сторонамъ холмы. На краю неба вершины Кавказа, каждый день являющіяся выше и выше. Крѣпости, достаточныя для здѣшняго края, со рвомъ, который каждый изъ насъ перепрыгнулъ бы въ старину не разбѣгаясь, съ пушками, не стрѣлявшими со временъ Графа Гудовича, съ валомъ, по которому бродитъ гарнизонъ курицъ и гусей. Въ крѣпостяхъ нѣсколько лачужекъ, гдѣ съ трудомъ можно достать десятокъ яицъ и кислаго молока.

Первое замѣчательное мѣсто есть крѣпость Минаретъ. Приближаясь къ ней, нашъ караванъ ѣхалъ по прелестной долинѣ, между курганами обросшими липой и чинаромъ. Это могилы нѣс-

кольких тысячь умершихъ чумою. Пестрѣлись цвѣты, порожденные зараженнымъ пепломъ. Справа сіялъ снѣжный Кавказъ; впереди возвышалась огромная, лѣсистая гора, за нею находилась крѣпость: кругомъ ея видны слѣды разореннаго аула, называвшагося Татартубомъ и бывшаго нѣкогда главнымъ въ большой Кабардѣ. Легкій, одинокій минаретъ свидѣтельствуетъ о бытіи исчезнувшаго селенія. Онъ стройно возвышается между грудами камней, на берегу изсохшаго потока. Внутренняя лѣстница еще не обрушилась. Я взобрался по ней на площадку, съ которой уже не раздается голосъ Муллы. Тамъ нашелъ я нѣсколько неизвѣстныхъ именъ, нацарапанныхъ на кирпичахъ славолюбивыми путешественниками.

Дорога наша сдѣлалась живописна. Горы тянулись надъ нами. На ихъ вершинахъ ползали чуть видныя стада и казались насѣкомыми. Мы различили и пастуха, быть можетъ, Русскаго, нѣкогда взятаго въ плѣнъ и состарѣвшагося въ неволѣ. Мы встрѣтили еще курганы, еще развалины. Два, три надгробныхъ памятника стояло на краю дороги. Тамъ, по обычаю Черкесовъ, похоронены ихъ наѣздники. Татарская надпись, изображеніе шашки, танга, изсѣченныя на камнѣ, оставлены хищнымъ внукамъ въ память хищнаго предка.

Черкесы насъ ненавидятъ. Мы вытѣснили ихъ изъ привольныхъ пастбищъ; аулы ихъ разорены, цѣлыя племена уничтожены. Они часъ отъ часу

далѣе углубляются въ горы и оттуда направляютъ свои набѣги. Дружба *мирныхъ* Черкесовъ ненадежна: они всегда готовы помочь буйнымъ своимъ единоплеменникамъ. Духъ дикаго ихъ рыцарства замѣтно упалъ. Они рѣдко нападаютъ въ равномъ числѣ на казаковъ, никогда на пѣхоту, и бѣгутъ, завидя пушку. За то никогда не пропустятъ случая напасть на слабый отрядъ или на беззащитнаго. Здѣшняя сторона полна молвой о ихъ злодѣйствахъ. Почти нѣтъ никакого способа ихъ усмирить, пока ихъ не обезоружатъ, какъ обезоружили Крымскихъ Татаръ, что чрезвычайно трудно исполнить, по причинѣ господствующихъ между ними наслѣдственныхъ распрей и мщенія крови. Кинжалъ и шашка суть члены ихъ тѣла, и младенецъ начинаетъ владѣть ими прежде, нежели лепетать. У нихъ убійство — простое тѣлодвиженіе. Плѣнниковъ они сохраняютъ въ надеждѣ на выкупъ, но обходятся съ ними съ ужаснымъ безчеловѣчіемъ, заставляютъ работать сверхъ силъ, кормятъ сырымъ тѣстомъ, бьютъ, когда вздумается, и приставляютъ къ нимъ для стражи своихъ мальчишекъ, которые за одно слово вправѣ ихъ изрубить своими дѣтскими шашками. Недавно поймали мирнаго Черкеса, выстрѣлившаго въ солдата. Онъ оправдывался тѣмъ, что ружье его слишкомъ долго было заряжено. Что дѣлать съ таковымъ народомъ? Должно однако жъ надѣяться, что пріобрѣтеніе восточнаго края Чернаго Моря, отрѣзавъ Черкесовъ отъ торговли съ Турціей, принудитъ ихъ съ нами сблизиться. Вліяніе роскоши можетъ благопріятствовать ихъ укро-

щенію: самоваръ былъ бы важнымъ нововведеніемъ. Есть средство болѣе сильное, болѣе нравственное, болѣе сообразное съ просвѣщеніемъ нашего вѣка: проповѣданіе Евангелія. Черкесы очень недавно приняли Магометанскую вѣру. Они были увлечены дѣятельнымъ фанатизмомъ апостоловъ *Корана*, между коими отличался Мансуръ, человѣкъ необыкновенный, долго возмущавшій Кавказъ противу Русскаго владычества, наконецъ схваченный нами и умершій въ Соловецкомъ монастырѣ. Кавказъ ожидаетъ Христіанскихъ миссіонеровъ. Но тщетно въ замѣну слова живаго выливать мертвыя буквы и посылать нѣмыя книги людямъ, не знающимъ грамоты.

Мы достигли Владикавказа, прежняго Капъкая, преддверія горъ. Онъ окруженъ Осетинскими аулами. Я посѣтилъ одинъ изъ нихъ и попалъ на похороны. Около сакли толпился народъ. На дворѣ стояла арба, запряженная двумя волами. Родственники и друзья умершаго съѣзжались со всѣхъ сторонъ и громкимъ плачемъ шли въ саклю, ударяя себя кулаками въ лобъ. Женщины стояли смирно. Мертвеца вынесли на буркѣ . . .

....like a warrior taking his rest
With his martial cloak arround him,

положили его на арбу. Одинъ изъ гостей взялъ ружье покойника, сдулъ съ полки порохъ и положилъ его подлѣ тѣла. Волы тронулись. Гости поѣхали слѣдомъ. Тѣло должно было быть похоронено въ г

рахъ, верстахъ въ тридцати отъ аула. Къ сожалѣнію, никто не могъ объяснить мнѣ сихъ обрядовъ.

Осетинцы самое бѣдное племя изъ народовъ, обитающихъ на Кавказѣ; женщины ихъ прекрасны, и какъ слышно, очень благосклонны къ путешественникамъ. У воротъ крѣпости встрѣтилъ я жену и дочь заключеннаго Осетинца. Онѣ несли ему обѣдъ. Обѣ казались спокойны и смѣлы; однакожъ при моемъ приближеніи обѣ потупили голову и закрылись своими изодранными *чадрами*. Въ крѣпости видѣлъ я Черкесскихъ аманатовъ, рѣзвыхъ и красивыхъ мальчиковъ. Они поминутно проказятъ, и бѣгаютъ изъ крѣпости.

Пушка оставила насъ. Мы отправились съ пѣхотой и казаками. Кавказъ насъ принялъ въ свое святилище. Мы услышали глухой шумъ и увидѣли Терекъ, разливающійся по разнымъ направленіямъ. Мы поѣхали по его лѣвому берегу. Шумныя волны его приводятъ въ движеніе колеса низенькихъ Осетинскихъ мѣльницъ, похожихъ на собачьи конуры. Чѣмъ далѣе углублялись мы въ горы, тѣмъ уже становилось ущеліе. Стѣсненный Терекъ съ ревомъ бросаетъ свои мутныя волны чрезъ утесы, преграждающіе ему путь. Ущеліе извивается вдоль его теченія. Каменныя подошвы горъ обточены его волнами. Я шелъ пѣшкомъ и поминутно останавливался, пораженный мрачною прелестію природы. Погода была пасмурная; облака тяжело тянулись около черныхъ вершинъ. Графъ П. и Ш.,

смотря на Терекъ, воспоминали Иматру и отдавали преимущество *рѣкѣ, на Сѣверѣ гремящей.* Но я ни съ чѣмъ не могъ сравнить мнѣ предстоявшаго зрѣлища.

Не доходя до Ларса, я отсталъ отъ конвоя, засмотрѣвшись на огромныя скалы, между коими хлещетъ Терекъ съ яростію неизъяснимой. Вдругъ бѣжитъ ко мнѣ солдатъ, крича издали: *не останавливайтесь, В. Б., убьютъ!* Это предостереженіе съ непривычки показалось мнѣ чрезвычайно страннымъ. Дѣло въ томъ, что Осетинскіе разбойники, безопасные въ этомъ узкомъ мѣстѣ, стрѣляютъ черезъ Терекъ въ путешественниковъ. Наканунѣ нашего перехода, они напали такимъ образомъ на Генерала Бековича, проскакавшаго сквозь ихъ выстрѣлы. На скалѣ видны развалины какого-то замка: онѣ облѣплены саклями мирныхъ Осетинцевъ, какъ будто гнѣздами ласточекъ.

Въ Ларсѣ остановились мы ночевать. Тутъ нашли мы путешественника Француза, который напугалъ насъ предстоящею дорогой. Онъ совѣтовалъ намъ бросить экипажи въ Коби и ѣхать верхомъ. Съ нимъ выпили мы въ первый разъ Кахетинскаго вина изъ вонючаго *бурдюка*, воспоминая пированія Иліады:

«И въ козіихъ мѣхахъ вино, отраду нашу!»

Здѣсь нашелъ я измаранный списокъ *Кавказскаго Плѣнника* и, признаюсь, перечелъ его съ боль-

шимъ удовольствіемъ. Все это слабо, молодо, неполно; но многое угадано и выражено вѣрно.

На другой день поутру отправились мы далѣе. Турецкіе плѣнники разработывали дорогу. Они жаловались на пищу, имъ выдаваемую. Они никакъ не могли привыкнуть къ Русскому черному хлѣбу. Это напоминало мнѣ слова моего пріятеля Ш. по возвращеніи его изъ Парижа. «Худо, братъ, жить въ Парижѣ: ѣсть нечего; чернаго хлѣба не допросишься!»

Въ семи верстахъ отъ Ларса находится Даріальскій постъ. Ущелье носитъ то же имя. Скалы съ обѣихъ сторонъ стоятъ паралельными стѣнами. Здѣсь такъ узко, пишетъ одинъ путешественникъ, что не только видишь, но кажется чувствуешь тѣспоту. Клочокъ неба какъ лента синѣетъ надъ вашей головою. Ручьи, падающіе съ горной высоты мелкими и разбрызганными струями, напоминали мнѣ похищеніе Ганимеда, странную картину Рембранда. Къ тому же и ущелье освѣщено совершенно въ его вкусѣ. Въ иныхъ мѣстахъ Терекъ подмываетъ самую подошву скалъ, и на дорогѣ, въ видѣ плотины, навалены каменья. Недалеко отъ поста мостикъ смѣло переброшенъ черезъ рѣку. На немъ стоишь какъ на мельницѣ. Мостикъ весь такъ и трясется, а Терекъ шумитъ какъ колеса, движущія жерновъ. Противъ Даріала на крутой скалѣ видны развалины крѣпости. Преданіе гласитъ, что въ ней скрывалась какая-то Царица Дарія, давшая имя

свое ущелію: сказка. Даріалъ на древнемъ Персидскомъ языкѣ значитъ ворота. По свидѣтельству Плинія, Кавказскія врата, ошибочно называемыя Каспійскими, находились здѣсь. Ущеліе замкнуто было настоящими воротами, деревянными, окованными желѣзомъ. Подъ ними, пишетъ Плиній, течетъ рѣка Диріодорисъ. Тутъ была воздвигнута и крѣпость для удержанія набѣговъ дикихъ племенъ, и проч., (см. Путешествіе Графа И. Потоцкаго, коего ученыя изысканія столь же занимательны, какъ и Испанскіе романы).

Изъ Даріала отправились мы къ Казбеку. Мы увидѣли *Троицкія ворота* (арка, образованная въ скалѣ взрывомъ пороха) — подъ ними шла нѣкогда дорога, а нынѣ протекаетъ Терекъ, часто мѣняющій свое русло.

Не далеко отъ селенія Казбекъ, переѣхали мы чрезъ *бѣшеную Балку*, оврагъ, во время сильныхъ дождей превращающійся въ яростный потокъ. Онъ въ это время былъ совершенно сухъ и громокъ однимъ своимъ именемъ.

Деревня Казбекъ находится у подошвы горы Казбекъ, и принадлежитъ князю Казбеку. Князь, мужчина лѣтъ сорока пяти, ростомъ выше Преображенскаго флигельмана. Мы нашли его въ духанѣ (такъ называются Грузинскія харчевни, которыя гораздо бѣднѣе и нечище Русскихъ). Въ дверяхъ лежалъ пузастый бурдюкъ (воловій мѣхъ), растопыря

свои четыре ноги. Великанъ тянулъ изъ него чихирь и сдѣлалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ, на которые отвѣчалъ я съ почтеніемъ, подобаемымъ его званію и росту. Мы разстались большими пріятелями.

Скоро притупляются впечатлѣнія. Едва прошли сутки, и уже ревъ Терека и его безобразные водопады, уже утесы и пропасти не привлекали моего вниманія. Нетерпѣніе доѣхать до Тифлиса исключительно овладѣло мною. Я столь же равнодушно ѣхалъ мимо Казбека, какъ нѣкогда плылъ мимо Чатырдага. Правда и то, что дождливая и туманная погода мѣшала мнѣ видѣть его снѣговую груду, по выраженію поэта, *подпирающую небосклонъ.*

Ждали Персидскаго Принца. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Казбека попались намъ на встрѣчу нѣсколько колясокъ и затруднили узкую дорогу. Покамѣстъ экипажи разъѣзжались, конвойный офицеръ объявилъ намъ, что онъ провожаетъ придворнаго Персидскаго поэта, и, по моему желанію, представилъ меня Фазилъ-Хану. Я, съ помощію переводчика, началъ было высокопарное восточное привѣтствіе; но какъ же мнѣ стало совѣстно, когда Фазилъ-Ханъ отвѣчалъ на мою неумѣстную затѣйливость простою, умной учтивостію порядочнаго человѣка! »Онъ надѣялся увидѣть меня въ Петербургѣ; онъ жалѣлъ, что знакомство наше будетъ непродолжительно и проч.» Со стыдомъ принужденъ я былъ оставить важно-шутливый тонъ, и съѣхать на обык-

новенныя Европейскія фразы. Вотъ урокъ нашей Русской насмѣшливости. Впередъ не стану судить о человѣкѣ по его бараньей *попахѣ* * и по крашенымъ ногтямъ.

Постъ Коби находится у самой подошвы Крестовой горы, чрезъ которую предстоялъ намъ переходъ. Мы тутъ остановились ночевать и стали думать, какимъ бы образомъ совершить сей ужасный подвигъ: сѣсть ли, бросивъ экипажи, на казачьихъ лошадей, или послать за Осетинскими волами? На всякой случай, я написалъ отъ имени всего нашего каравана офиціальную просьбу къ Г. Ч***, начальствующему въ здѣшней сторонѣ, и мы легли спать въ ожиданіи подводъ.

На другой день около 12-ти часовъ услышали мы шумъ, крики, и увидѣли зрѣлище необыкновенное: осмнадцать паръ тощихъ, малорослыхъ воловъ, понуждаемыхъ толпою полунагихъ Осетинцевъ, насилу тащили легкую Вѣнскую коляску пріятеля моего О**. Это зрѣлище тотчасъ разсѣяло всѣ мои сомнѣнія. Я рѣшился отправить мою тяжелую Петербургскую коляску обратно въ Владикавказъ и ѣхать верхомъ до Тифлиса. Графъ П. не хотѣлъ слѣдовать моему примѣру. Онъ предпочелъ впрячь цѣлое стадо воловъ въ свою бричку, нагруженную запасами всякаго рода, и съ торжествомъ переѣхать черезъ снѣговой хребетъ. Мы разстались, и я поѣхалъ съ

* Такъ называются Персидскія шапки.

Полковникомъ Ог . . . . , осматривающимъ здѣшнія дороги.

Дорога шла черезъ обвалъ, обрушившійся въ концѣ Іюня 1827 года. Таковые случаи бываютъ обыкновенно каждыя семь лѣтъ. Огромная глыба свалясь засыпала ущеліе на цѣлую версту, и запрудила Терекъ. Часовые, стоявшіе ниже, слышали ужасный грохотъ и увидѣли, что рѣка быстро мелѣла и въ четверть часа совсѣмъ утихла и истощилась. Терекъ прорылся сквозь обвалъ не прежде, какъ черезъ два часа. То-то былъ онъ ужасенъ!

Мы круто подымались выше и выше. Лошади наши вязли въ рыхломъ снѣгу, подъ которымъ шумѣли ручьи. Я съ удивленіемъ смотрѣлъ на дорогу и не понималъ возможности ѣзды на колесахъ.

Въ это время услышалъ я глухой грохотъ. «Это обвалъ,» сказалъ мнѣ Г. Ог . . . . . . Я оглянулся и увидѣлъ въ сторонѣ груду снѣга, которая осыпалась и медленно съѣзжала съ крутизны. Малые обвалы здѣсь не рѣдки. Въ прошломъ году Русскій извозчикъ ѣхалъ по Крестовой горѣ; обвалъ оборвался: страшная глыба свалилась на его повозку, поглотила телегу, лошадь и мужика, перевалилась черезъ дорогу, и покатилась въ пропасть съ своею добычею. Мы достигли самой вершины горы. Здѣсь поставленъ гранитный крестъ, старый памятникъ, обновленный Г. Ермоловымъ.

Здѣсь путешественники обыкновенно выходятъ изъ экипажей, и идутъ пѣшкомъ. Недавно проѣзжалъ какой-то иностранный Консулъ: онъ такъ былъ слабъ, что велѣлъ завязать себѣ глаза; его вели подъ-руки, и когда сняли съ него повязку, тогда онъ сталъ на колѣна, благодарилъ Бога, и проч., что очень изумило проводниковъ.

Мгновенный переходъ отъ грознаго Кавказа къ миловидной Грузіи восхитителенъ. Воздухъ юга вдругъ начинаетъ повѣвать на путешественника. Съ высоты Гутъ-горы открывается Кайшаурская долина съ ея обитаемыми скалами, съ ея садами, съ ея свѣтлой Арагвой, извивающейся, какъ серебряная лента, и все это въ уменьшенномъ видѣ, на днѣ трехверстной пропасти, по которой идетъ опасная дорога.

Мы спускались въ долину. Молодой мѣсяцъ показался на ясномъ небѣ. Вечерній воздухъ былъ тихъ и тепелъ. Я ночевалъ на берегу Арагвы, въ домѣ Г. Ч. На другой день я разстался съ любезнымъ хозяиномъ и отправился далѣе.

Здѣсь начинается Грузія. Свѣтлыя долины, орошаемыя веселой Арагвою, смѣнили мрачныя ущелія и грозный Терекъ. Вмѣсто голыхъ утесовъ, я видѣлъ около себя зеленыя горы и плодоносныя деревья. Водопроводы доказывали присутствіе образованности. Одинъ изъ нихъ поразилъ меня совершенствомъ оптическаго обмана: вода, кажется, имѣетъ свое теченіе по горѣ снизу вверхъ.

Въ Пайсанаурѣ остановился я для перемѣны лошадей. Тутъ я встрѣтилъ Русскаго офицера, провождающаго Персидскаго Принца. Вскорѣ услышалъ я звукъ колокольчиковъ, и цѣлый рядъ катаровъ (муловъ), привязанныхъ одинъ къ другому и навьюченныхъ по-Азіатски, потянулся по дорогѣ. Я пошелъ пѣшкомъ, не дождавшись лошадей, и въ полверстѣ отъ Аканура, на поворотѣ дороги, встрѣтилъ Хозревъ-Мирзу. Экипажи его стояли. Самъ онъ выглянулъ изъ своей коляски и кивнулъ мнѣ головою. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ нашей встрѣчи, на Принца напали Горцы. Услыша свистъ пуль, Хозревъ выскочилъ изъ своей коляски, сѣлъ на лошадь и ускакалъ. Русскіе, бывшіе при немъ, удивились его смѣлости. Дѣло въ томъ, что молодой Азіатецъ, непривыкшій къ коляскѣ, видѣлъ въ ней скорѣе западню, нежели убѣжище.

Я дошелъ до Аканура не чувствуя усталости. Лошади мои не приходили. Мнѣ сказали, что до города Душета оставалось не болѣе, какъ десять верстъ, и я опять отправился пѣшкомъ. Но я не зналъ, что дорога шла въ гору. Эти десять верстъ стоили добрыхъ двадцати.

Наступилъ вечеръ; я шелъ впередъ, подымаясь все выше и выше. Съ дороги сбиться было не возможно; но мѣстами глинистая грязь, образуемая источниками, доходила мнѣ до колѣна. Я совершенно утомился. Темнота увеличилась. Я слышалъ вой и лай собакъ и радовался, воображая, что городъ

недалеко. Но ошибался: лаяли собаки Грузинскихъ пастуховъ, а выли шакалы, звѣри въ той сторонѣ обыкновенные. Я проклиналъ свое нетерпѣніе, но дѣлать было нечего. Наконецъ увидѣлъ я огни и около полуночи очутился у домовъ, осѣненныхъ деревьями. Первый встрѣчный вызвался провести меня къ Городничему, и потребовалъ за то съ меня *абазъ*.

Появленіе мое у Городничаго, стараго офицера изъ Грузинъ, произвело большое дѣйствіе. Я требовалъ во-первыхъ комнаты, гдѣ бы могъ раздѣться, во-вторыхъ стакана вина, въ-третьихъ абаза для моего провожатаго. Городничій не зналъ, какъ меня принять, и посматривалъ на меня съ недоумѣніемъ. Видя, что онъ не торопится исполнить мои просьбы, я сталъ передъ нимъ раздѣваться, прося извиненіе de la liberté grande. Къ счастію нашелъ я въ карманѣ подорожную, доказывавшую, что я мирный путешественникъ, а не Ринальдо - Ринальдини. Благословенная хартія возымѣла тотчасъ свое дѣйствіе: комната была мнѣ отведена, стаканъ вина принесенъ, и абазъ выданъ моему проводнику съ отеческимъ выговоромъ за его корыстолюбіе, оскорбительное для Грузинскаго гостепріимства. Я бросился на диванъ, надѣясь послѣ моего подвига заснуть богатырскимъ сномъ: не тутъ - то было! блохи, которыя гораздо опаснѣе шакаловъ, напали на меня и во всю ночь не дали мнѣ покою. Поутру явился ко мнѣ мой человѣкъ, и объявилъ, что Графъ П. благополучно переправился на волахъ

чрезъ снѣговыя горы, и прибылъ въ Душетъ. Нужно было мнѣ торопиться! Графъ П. и Ш. посѣтили меня и предложили опять отправиться вмѣстѣ въ дорогу. Я оставилъ Душетъ съ пріятной мыслію, что ночую въ Тифлисѣ.

Дорога была такъ же пріятна и живописна, хотя рѣдко видѣли мы слѣды народонаселенія. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Гарцискала мы переправились черезъ Куру по древнему мосту, памятнику Римскихъ походовъ, и крупной рысью, а иногда и вскачь поѣхали къ Тифлису, въ которомъ неприметнымъ образомъ и очутились часу въ одиннадцатомъ вечера.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Тифлисъ. Народныя бани. Безносый Гассанъ. Нравы Грузинскіе. Пѣсни. Кахетинское вино. Причина жаровъ. Дороговизна. Описаніе города. Отъѣздъ изъ Тифлиса. Грузинская ночь. Видъ Арменіи. Двойной переходъ. Армянская деревня. Гергеры. Грибоѣдовъ. Безобдалъ. Минеральный ключь. Буря въ горахъ. Ночлегъ въ Гумрахъ. Араратъ. Граница. Турецкое гостепріимство. Карсъ. Армянская семья. Выѣздъ изъ Карса. Лагерь Графа Паскевича.

Я остановился въ трактирѣ, на другой день отправился въ славныя Тифлисскія бани. Городъ показался мнѣ многолюденъ. Азіатскія строенія и базаръ напомнили мнѣ Кишеневъ. По узкимъ и кривымъ улицамъ бѣжали ослы съ перекидными кор-

зинами; арбы, запряженныя волами, перегорожали дорогу. Армяне, Грузинцы, Черкесы, Персіяне тѣснились на неправильной площади; между ними молодые Русскіе чиновники разъѣзжали верхами на Карабахскихъ жеребцахъ. При входѣ въ бани сидѣлъ содержатель, старый Персіянинъ. Онъ отворилъ мнѣ дверь, я вошелъ въ обширную комнату, и что-же увидѣлъ? Болѣе пятидесяти женщинъ, молодыхъ и старыхъ, полуодѣтыхъ и вовсе неодѣтыхъ, сидя и стоя раздѣвались, одѣвались на лавкахъ, разставленныхъ около стѣнъ. Я остановился. »Пойдемъ, пойдемъ, сказалъ мнѣ хозяинъ, сегодня вторникъ: женскій день. Ничего, не бѣда.» Конечно не бѣда, отвѣчалъ я ему, напротивъ. Появленіе мужчинъ не произвело никакого впечатлѣнія. Онѣ продолжали смѣяться и разговаривать между собою. Ни одна не поторопилась покрыться своею *чадрою;* ни одна не перестала раздѣваться. Казалось, я вошелъ невидимкой. Многія изъ нихъ были въ самомъ дѣлѣ прекрасны, и оправдывали воображеніе Т. Мура:

a lovely Georgian maid,
With all the bloom, the freshened Glow
Of her own contry maiden's looks,
When warm they rise from Teflis brooks.

Lalla Rookhs,

За то не знаю ничего отвратительнѣе Грузинскихъ старухъ: это вѣдьмы.

Персіянинъ ввелъ меня въ бани: горячій, желѣзо-сѣрный источникъ лился въ глубокую ванну, из-

сѣченную въ скалѣ. Отъ роду не встрѣчалъ я ни въ Россіи, ни въ Турціи ничего роскошнѣе Тифлисскихъ бань. Опишу ихъ подробно.

Хозяинъ оставилъ меня на попеченіе Татарину-баньщику. Я долженъ признаться, что онъ былъ безъ носу; это не мѣшало ему быть мастеромъ своего дѣла. Гассанъ (такъ назывался безносый Татаринъ) началъ съ того, что разложилъ меня на тепломъ каменномъ полу, послѣ чего началъ онъ ломать мнѣ члены, вытягивать составы, бить меня сильно кулакомъ: я не чувствовалъ ни малѣйшей боли, но удивительное облегченіе. (Азіатскіе баньщики приходятъ иногда въ восторгъ, вспрыгиваютъ вамъ на плеча, скользятъ ногами по бедрамъ и пляшутъ по спинѣ въ присядку, e sempre bene). Послѣ сего долго теръ онъ меня шерстяною рукавицей, и сильно оплескавъ теплой водою, сталъ умывать намыленнымъ полотнянымъ пузыремъ, ощущеніе неизъяснимое: горячее мыло обливаетъ васъ какъ воздухъ! NB. Шерстяная рукавица и полотняный пузырь непремѣнно должны быть приняты въ Русской банѣ: знатоки будутъ благодарны за таковое нововведеніе.

Послѣ пузыря, Гассанъ отпустилъ меня въ ванну; тѣмъ и кончилась церемонія.

Въ Тифлисѣ надѣялся я найти Р., но узнавъ, что полкъ его уже выступилъ въ походъ, я рѣшился просить у Графа Паскевича позволенія пріѣхать въ армію.

Въ Тифлисѣ пробылъ я около двухъ недѣль и познакомился съ тамошнимъ обществомъ. С., издатель Тифлисскихъ Вѣдомостей, разсказывалъ мнѣ много любопытнаго о здѣшнемъ краѣ, о К. Циціановѣ, объ А. П. Ермоловѣ и проч. С. любитъ Грузію и предвидитъ для нее блестящую будущность.

Грузія прибѣгнула подъ покровительство Россіи въ 1783 году, что не помѣшало славному Агѣ-Махамеду взять и разорить Тифлисъ и двадцать тысячь жителей увести въ плѣнъ (1795 г.). Грузія перешла подъ скипетръ Императора Александра въ 1802. Грузины народъ воинственный. Они доказали свою храбрость подъ нашими знаменами. Ихъ умственныя способности ожидаютъ большей образованности. Они вообще нрава веселаго и общежительнаго. По праздникамъ мужчины пьютъ и гуляютъ по улицамъ. Черноглазые мальчики поютъ, прыгаютъ и кувыркаются; женщины пляшутъ лезгинку.

Голосъ пѣсенъ Грузинскихъ пріятенъ: мнѣ перевели одну изъ нихъ слово въ слово; она, кажется, сложена въ новѣйшее время; въ ней есть какая-то восточная безсмыслица, имѣющая свое поэтическое достоинство. Вотъ вамъ она:

Душа, недавно рожденная въ раю! Душа, созданная для моего счастія! Отъ тебя, безсмертная, ожидаю жизни.

Отъ тебя, Весна цвѣтущая, Луна двунедѣльная, отъ тебя, Ангелъ мой хранитель, отъ тебя ожидаю жизни.

Ты сіяешь лицемъ и веселишь улыбкою. Не хочу обладать міромъ; хочу твоего взора. Отъ тебя ожидаю жизни.

Горная роза, освѣженная росою! избранная любимица природы! Тихое, потаенное сокровище! отъ тебя ожидаю жизни

Грузины пьютъ — и не понашему, и удивительно крѣпки. Вина ихъ не терпятъ вывоза и скоро портятся, но на мѣстѣ они прекрасны. Кахетинское и Карабахское стоятъ нѣкоторыхъ Бургонскихъ. Вино держатъ въ *маранахъ*, огромныхъ кувшинахъ, зарытыхъ въ землю. Ихъ открываютъ съ торжественными обрядами. Недавно Русскій драгунъ, тайно открывъ таковой кувшинъ, упалъ въ него, и утонулъ въ Кахетинскомъ винѣ, какъ несчастный Кларенсъ въ бочкѣ малаги.

Тифлисъ находится на берегахъ Куры, въ долинѣ, окруженной каменистыми горами. Онѣ укрываютъ его со всѣхъ сторонъ отъ вѣтровъ, и разкалясь на солнцѣ, не нагрѣваютъ а кипятятъ недвижный воздухъ. Вотъ причина нестерпимыхъ жаровъ, царствующихъ въ Тифлисѣ, не смотря на то, что городъ находится только еще подъ 41 градусомъ ши-

роты. Самое его названіе (*Тбилискаларъ*) значитъ жаркій городъ.

Большая часть города выстроена по-Азіатски: дома низкіе, кровли плоскія. Въ сѣверной части возвышаются дома Европейской архитектуры и около нихъ начинаютъ образоваться правильныя площади. Базаръ раздѣляется на нѣсколько рядовъ; лавки полны Турецкихъ и Персидскихъ товаровъ, довольно дешевыхъ, если принять въ разсужденіе всеобщую дороговизну. Оружіе Тифлисское дорого цѣнится на всемъ Востокѣ. Графъ С. и В., прослывшіе здѣсь богатырями, обыкновенно пробовали свои новыя шашки, съ одного маху перерубая на-двое барана или отсѣкая голову быку.

Въ Тифлисѣ главную часть народонаселенія составляютъ Армяне: въ 1825 году было ихъ здѣсь до двухъ тысячь пятисотъ семействъ. Во время нынѣшнихъ войнъ число ихъ еще умножилось. Грузинскихъ семействъ считается до тысячи пятисотъ. Русскіе не считаютъ себя здѣшними жителями. Военные, повинуясь долгу, живутъ въ Грузіи, потому что такъ имъ велѣно. Молодые Титулярные Совѣтники пріѣзжаютъ сюда за чиномъ Ассессорскимъ, толико вожделѣннымъ. Тѣ и другіе смотрятъ на Грузію какъ на изгнаніе.

Климатъ Тифлисскій, сказываютъ, нездоровъ. Здѣшнія горячки ужасны; ихъ лечатъ меркуріемъ, коего употребленіе безвредно по причинѣ жаровъ. Ле-

каря кормятъ имъ своихъ больныхъ безъ всякой совѣсти. Генералъ С., говорятъ, умеръ отъ того, что его домовый лекарь, пріѣхавшій съ нимъ изъ Петербурга, испугался пріема предлагаемаго тамошними Докторами, и не далъ онаго больному. Здѣшнія лихорадки похожи на Крымскія и Молдавскія и лечатся одинаково.

Жители пьютъ Курскую воду мутную, но пріятную. Во всѣхъ источникахъ и колодцахъ вода сильно отзывается сѣрой. Впрочемъ вино здѣсь въ такомъ общемъ употребленіи, что недостатокъ въ водѣ былъ бы не замѣтенъ.

Въ Тифлисѣ удивила меня дешевизна денегъ. Переѣхавъ на извозчикѣ черезъ двѣ улицы и отпустивъ его черезъ полчаса, я долженъ былъ заплатить два рубля серебромъ. Я сперва думалъ, что онъ хотѣлъ воспользоваться незнаніемъ новопріѣзжаго; но мнѣ сказали, что цѣна точно такова. Все прочее дорого въ соразмѣрности.

Мы ѣздили въ Нѣмецкую колонію и тамъ обѣдали. Пили тамъ дѣлаемое пиво, вкусу очень непріятнаго, и заплатили очень дорого за очень плохой обѣдъ. Въ моемъ трактирѣ кормили меня также дорого и дурно. Г. С., извѣстный гастрономъ, позвалъ однажды меня отобѣдать; по несчастію у него разносили кушанья по чинамъ, а за столомъ сидѣли Англійскіе Офицеры въ Генеральскихъ эполетахъ. Слуги такъ усердно меня обносили, что я

всталъ изъ-за стола голодный. Чортъ побери Тифлисскаго гастронома!

Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ разрѣшенія моей участи. Наконецъ получилъ записку отъ Р. Онъ писалъ мнѣ, чтобы я спѣшилъ къ Карсу, потому что черезъ нѣсколько дней войско должно было итти далѣе. Я выѣхалъ на другой-же день.

Я ѣхалъ верхомъ, перемѣняя лошадей на казачьихъ постахъ. Вокругъ меня земля была опалена зноемъ. Грузинскія деревни издали казались мнѣ прекрасными садами, но подъѣзжая къ нимъ, видѣлъ я нѣсколько бѣдныхъ сакель, осѣненныхъ пыльными тополями. Солнце сѣло, но воздухъ все еще былъ душенъ:

Ночи знойныя!
Звѣзды чудныя! . . . .

Луна сіяла; все было тихо; топотъ моей лошади одинъ раздавался въ ночномъ безмолвіи. Я ѣхалъ долго, не встрѣчая признаковъ жилья. Наконецъ увидѣлъ уединенную саклю. Я сталъ стучаться въ дверь. Вышелъ хозяинъ. Я попросилъ воды, сперва по-Русски, а потомъ по-Татарски. Онъ меня не понялъ. Удивительная безпечность! Въ тридцати верстахъ отъ Тифлиса, и на дорогѣ въ Персію и Турцію, онъ не зналъ ни слова ни по-Русски ни по-Татарски.

Переночевавъ на казачьемъ посту, на разсвѣтѣ отправился я далѣе. Дорога шла горами и лѣсомъ.

Я встрѣтилъ путешествующихъ Татаръ; между ними было нѣсколько женщинъ. Онѣ сидѣли верхами, окутанныя въ чадры; видны были у нихъ только глаза да каблуки.

Я сталъ подыматься на Безобдалъ, гору, отдѣляющую Грузію отъ древней Арменіи. Широкая дорога, осѣненная деревьями, извивается около горы. На вершинѣ Безобдала я проѣхалъ сквозь малое ущеліе, называемое, кажется, Волчьими Воротами, и очутился на естественной границѣ Грузіи. Мнѣ представились новыя горы, новый горизонтъ; надо мною разстилались злачныя зеленыя нивы. Я взглянулъ еще разъ на опаленную Грузію, и сталъ спускаться по отлогому склоненію горы къ свѣжимъ равнинамъ Арменіи. Съ неописаннымъ удовольствіемъ замѣтилъ я, что зной вдругъ уменьшился: климатъ былъ другой.

Человѣкъ мой со вьючными лошадьми отъ меня отсталъ. Я ѣхалъ въ цвѣтущей пустынѣ, окруженной издали горами. Въ разсѣянности проѣхалъ я мимо поста, гдѣ долженъ былъ перемѣнить лошадей. Прошло болѣе шести часовъ и я началъ удивляться пространству перехода. Я увидѣлъ въ сторонѣ груды камней, похожія на сакли, и отправился къ нимъ. Въ самомъ дѣлѣ я пріѣхалъ въ Армянскую деревню. Нѣсколько женщинъ въ пестрыхъ лахмотьяхъ сидѣли на плоской кровлѣ подземной сакли. Я изъяснился кое-какъ. Одна изъ нихъ сошла въ саклю и вынесла мнѣ сыру и молока. Отдохнувъ нѣсколько

минутъ, я пустился далѣе и на высокомъ берегу рѣки увидѣлъ противъ себя крѣпость Гергеры. Три потока съ шумомъ и пѣной низвергались съ высокаго берега. Я переѣхалъ черезъ рѣку. Два вола, впряженные въ арбу, подымались по крутой дорогѣ. Нѣсколько Грузинъ сопровождали арбу. Откуда вы, спросилъ я ихъ. — Изъ Тегерана. — Что вы везете? — *Грибоѣда.* Это было тѣло убитаго Грибоѣдова, которое препровождали въ Тифлисъ.

Не думалъ я встрѣтить уже когда нибудь нашего Грибоѣдова! Я разстался съ нимъ въ прошломъ году, въ Петербургѣ, предъ отъѣздомъ его въ Персію. Онъ былъ печаленъ, и имѣлъ странныя предчувствія. Я было хотѣлъ его успокоить, онъ мнѣ сказалъ: Vous ne connaissez pas ces gens-lâ : vous verrez qu'il faudra jouer des couteaux. Онъ полагалъ, что причиною кровопролитія будетъ смерть Шаха и междоусобица его семидесяти сыновей. Но престарѣлый Шахъ еще живъ, а пророческія слова Грибоѣдова сбылись. Онъ погибъ подъ кинжалами Персіянъ, жертвой невѣжества и вѣроломства. Обезображенный трупъ его, бывшій три дня игралищемъ Тегеранской черни, узнанъ былъ только по рукѣ, нѣкогда простреленной пистолетною пулею.

Я познакомился съ Грибоѣдовымъ въ 1817 году. Его меланхолическій характеръ, его озлобленный умъ, его добродушіе, самыя слабости и пороки, неизбѣжные спутники человѣчества, все въ немъ

было необыкновенно привлекательно. Рожденный съ честолюбіемъ, равнымъ его дарованіямъ, долго былъ онъ опутанъ сѣтями мелочныхъ нуждъ и неизвѣстности. Способности человѣка государственнаго оставались безъ употребленія; талантъ поэта былъ не признанъ; даже его холодная и блестящая храбрость оставалась нѣкоторое время въ подозрѣніи. Нѣсколько друзей знали ему цѣну и видѣли улыбку недовѣрчивости, эту глупую, несносную улыбку, когда случалось имъ говорить о немъ, какъ о человѣкѣ необыкновенномъ. Люди вѣрятъ только славѣ, и не понимаютъ, что между ними можетъ находиться какой нибудь Наполеонъ, не предводительствовавшій ни одною егерскою ротою, или другой Декартъ, не напечатавшій ни одной строчки въ Московскомъ Телеграфѣ. Впрочемъ, уваженіе наше къ славѣ происходитъ, можетъ быть, отъ самолюбія: въ составъ славы входитъ и нашъ голосъ.

Жизнь Грибоѣдова была затемнена нѣкоторыми облаками: слѣдствіе пылкихъ страстей и могучихъ обстоятельствъ. Онъ почувствовалъ необходимостъ расчесться единожды навсегда съ своею молодостію и круто поворотить свою жизнь. Онъ простился съ Петербургомъ и съ праздной разсѣянностію, уѣхалъ въ Грузію, гдѣ пробылъ восемь лѣтъ въ уединенныхъ, неусыпныхъ занятіяхъ. Возвращеніе его въ Москву въ 1824 году было переворотомъ въ его судьбѣ, и началомъ безпрерывныхъ успѣховъ. Его рукописная комедія *Горе отъ ума*, произвела неописанное дѣйствіе и вдругъ поставила его

наряду съ первыми нашими поэтами. Черезъ нѣсколько времени потомъ совершенное знаніе того края, гдѣ начиналась война, открыло ему новое поприще; онъ назначенъ былъ Посланникомъ. Пріѣхавъ въ Грузію, женился онъ на той, которую любилъ.... Не знаю ничего завиднѣе послѣднихъ годовъ бурной его жизни. Самая смерть, постигшая его посреди смѣлаго, неровнаго боя, не имѣла для Грибоѣдова ничего ужаснаго, ничего томительнаго. Она была мгновенна и прекрасна.

Какъ жаль, что Грибоѣдовъ не оставилъ своихъ записокъ! Написать его біографію было бы дѣломъ его друзей; но замѣчательные люди исчезаютъ у насъ, не оставляя по себѣ слѣдовъ. Мы лѣнивы и нелюбопытны....

Въ Гергерахъ встрѣтилъ я Б., который какъ и я ѣхалъ въ армію. Б. путешествовалъ со всевозможными прихотями. Я отобѣдалъ у него какъ бы въ Петербургѣ. Мы положили путешествовать вмѣстѣ; но демонъ нетерпѣнія опять мною овладѣлъ. Человѣкъ мой просилъ у меня позволенія отдохнуть. Я отправился безъ проводника. Дорога все была одна и совершенно безопасна.

Переѣхавъ черезъ гору и опустясь въ долину, осѣненную деревьями, я увидѣлъ минеральный ключь, текущій поперегъ дороги. Здѣсь я встрѣтилъ Армянскаго попа, ѣхавшаго въ Ахалцыкъ изъ Эривани. Что новаго въ Эривани? спросилъ я его. Въ

Эривани чума, отвѣчалъ онъ; а что слыхать объ Ахалцыкѣ? Въ Ахалцыкѣ чума, отвѣчалъ я ему. Обмѣнявшись сими пріятными извѣстіями, мы разстались.

Я ѣхалъ посреди плодоносныхъ нивъ и цвѣтущихъ луговъ. Жатва струилась, ожидая серпа. Я любовался прекрасной землею, коей плодородіе вошло на востокѣ въ пословицу. Къ вечеру прибылъ я въ Пернике. Здѣсь былъ казачій постъ. Урядникъ предсказывалъ мнѣ бурю и совѣтовалъ остаться ночевать, но я хотѣлъ непремѣнно въ тотъ же день достигнуть Гумровъ.

Мнѣ предстоялъ переходъ черезъ невысокія горы, естественную границу Карскаго Пашалыка. Небо покрыто было тучами; я надѣялся, что вѣтеръ, который часъ отъ часу усиливался, ихъ разгонитъ. Но дождь сталъ накрапывать и шелъ все крупнѣе и чаще. Отъ Пернике до Гумровъ считается двадцать семь верстъ. Я затянулъ ремни моей бурки, надѣлъ башлыкъ на картузъ и поручилъ себя Провидѣнію.

Прошло болѣе двухъ часовъ. Дождь не переставалъ. Вода ручьями лилась съ моей отяжелѣвшей бурки и съ башлыка, напитаннаго дождемъ. Наконецъ холодная струя начала пробираться мнѣ за галстухъ, и вскорѣ дождь меня промочилъ до послѣдней нитки. Ночь была темная; казакъ ѣхалъ впереди указывая дорогу. Мы стали подыматься на

горы. Между тѣмъ дождь перестаіъ и тучи разсѣялись. До Гумровъ оставалось верстъ десять. Вѣтеръ, дуя на свободѣ, былъ такъ силенъ, что въ четверть часа высушилъ меня совершенно. Я не думалъ избѣжать горячки. Наконецъ я достигнулъ Гумровъ около полуночи. Казакъ привезъ меня прямо къ посту. Мы остановились у палатки, куда спѣшилъ я войти. Тутъ нашелъ я двѣнадцать казаковъ, спящихъ одинъ возлѣ другаго. Мнѣ дали мѣсто: я повалился на бурку, не чувствуя самъ себя отъ усталости. Въ этотъ день проѣхалъ я 75 верстъ. Я заснулъ какъ убитый.

Казаки разбудили меня на зарѣ. Первою моею мыслію было: не лежу ли въ лихорадкѣ, но почувствовалъ, что слава Богу былъ здоровъ; не было слѣда не только болѣзни, но и усталости. Я вышелъ изъ палатки на свѣжій утренній воздухъ. Солнце всходило. На ясномъ небѣ бѣлѣла снѣговая, двуглавая гора. Что за гора? спросилъ я потягиваясь, и услышалъ въ отвѣтъ: это Араратъ. Какъ сильно дѣйствіе звуковъ! Жадно глядѣлъ я на библейскую гору, видѣлъ ковчегъ, причалившій къ ея вершинѣ съ надеждой обновленія и жизни — и врана, и голубицу излетающихъ, символы казни и примиренія.....

Лошадь моя была готова. Я поѣхалъ съ проводникомъ. Утро было прекрасное. Солнце сіяло. Мы ѣхали по широкому лугу, по густой зеленой травѣ, орошенной росою и каплями вчерашняго дождя.

Передъ нами блистала рѣчка, черезъ которую должны мы были переправиться. Вотъ и Арпачай, сказалъ мнѣ казакъ. Арпачай! наша граница! Это стоило Арарата. Я поскакалъ къ рѣкѣ съ чувствомъ неизъяснимымъ. Никогда еще не видалъ я чужой земли. Граница имѣла для меня что-то таинственное; съ дѣтскихъ лѣтъ путешествія были моею любимою мечтою. Долго велъ я потомъ жизнь кочующую, скитаясь то по Югу, то по Сѣверу, и никогда еще не вырывался изъ предѣловъ необъятной Россіи. Я весело въѣхалъ въ завѣтную рѣку, и добрый конь вынесъ меня на Турецкій берегъ. Но этотъ берегъ былъ уже завоеванъ; я все еще находился въ Россіи.

До Карса оставалось мнѣ еще 75 верстъ. Къ вечеру я надѣялся увидѣть нашъ лагерь. Я нигдѣ не останавливался. На половинѣ дороги, въ Армянской деревнѣ, выстроенной въ горахъ на берегу рѣчки, вмѣсто обѣда съѣлъ я проклятый *чюрекъ*, Армянскій хлѣбъ, испеченный въ видѣ лепешки пополамъ съ золою, о которомъ такъ тужили Турецкіе плѣнники въ Даріальскомъ ущеліи. Дорого бы я далъ за кусокъ Русскаго чернаго хлѣба, который былъ имъ такъ противенъ. Меня провожалъ молодой Турокъ, ужасный говорунъ. Онъ во всю дорогу болталъ по Турецки, не заботясь о томъ, понималъ ли я его или нѣтъ. Я напрягалъ вниманіе, и старался угадать его. Казалось, онъ побранивалъ Русскихъ, и привыкнувъ видѣть ихъ всѣхъ въ мундирахъ, по плагью принималъ меня за иностранца. На встрѣчу

намъ попался Русскій Офицеръ. Онъ ѣхалъ изъ нашего лагеря, и объявилъ мнѣ, что армія уже выступила изъ-подъ Карса. Не могу описать моего отчаянія: мысль, что мнѣ должно возвратиться въ Тифлисъ, измучась понапрасну въ пустынной Арменіи, совершенно убивала меня. Офицеръ поѣхалъ въ свою сторону; Турокъ началъ опять свой монологъ; но уже мнѣ было не до него. Я перемѣнилъ иноходь на крупную рысь, и вечеромъ пріѣхалъ въ Турецкую деревню, находящуюся въ двадцати верстахъ отъ Карса.

Соскочивъ съ лошади, я хотѣлъ войти въ первую саклю, но въ дверяхъ показался хозяинъ и оттолкнулъ меня съ бранію. Я отвѣчалъ на его привѣтствіе нагайкою. Турокъ разкричался; народъ собрался. Проводникъ мой, кажется, за меня заступился. Мнѣ указали Караванъ-сарай; я вошелъ въ большую саклю, похожую на хлѣвъ; не было мѣста, гдѣ бы я могъ разостлать бурку. Я сталъ требовать лошадь. Ко мнѣ явился Турецкій Старшина. На всѣ его непонятныя рѣчи отвѣчалъ я одно: *вербана атъ* (дай мнѣ лошадь). Турки не соглашались. Наконецъ я догадался показать имъ деньги (съ чего надлежало бы мнѣ начать). Лошадь тотчасъ была приведена, и мнѣ дали проводника.

Я поѣхалъ по широкой долинѣ, окруженной горами. Вскорѣ увидѣлъ я Карсъ, бѣлѣющійся на одной изъ нихъ. Турокъ мой указывалъ мнѣ на него, повторяя: Карсъ, Карсъ! и пускалъ вскачь свою

лошадь; я слѣдовалъ за нимъ, мучась безпокойствомъ: участь моя должна была рѣшиться въ Карсѣ. Здѣсь долженъ я былъ узнать, гдѣ находится нашъ лагерь, и будетъ ли еще мнѣ возможность догнать армію. Между тѣмъ небо покрылось тучами и дождь пошелъ опять; но я объ немъ ужъ не заботился.

Мы въѣхали въ Карсъ. Подъѣзжая къ воротамъ стѣны, услышалъ я Русскій барабанъ: били зорю. Часовой принялъ отъ меня билетъ и отправился къ Коменданту. Я стоялъ подъ дождемъ около получаса. Наконецъ меня пропустили. Я велѣлъ проводнику везти меня прямо въ бани. Мы поѣхали по кривымъ и крутымъ улицамъ; лошади скользили по дурной Турецкой мостовой. Мы остановились у одного дома довольно плохой наружности. Это были бани. Турокъ слѣзъ съ лошади и сталъ стучаться у дверей. Никто не отвѣчалъ. Дождь ливмя лилъ на меня. Наконецъ изъ ближняго дома вышелъ молодой Армянинъ, и переговоря съ моимъ Туркомъ, позвалъ меня къ себѣ, изъясняясь на довольно чистомъ Русскомъ языкѣ. Онъ повелъ меня по узкой лѣстницѣ во второе жилье своего дома. Въ комнатѣ, убранной низкими диванами и вѣтхими коврами, сидѣла старуха, его мать. Она подошла ко мнѣ и поцѣловала мнѣ руку. Сынъ велѣлъ ей разложить огонь и приготовить мнѣ ужинъ. Я раздѣлся и сѣлъ передъ огнемъ. Вошелъ меньшій братъ хозяина, мальчикъ лѣтъ семнадцати. Оба брата бывали въ Тифлисѣ и живали въ немъ по нѣскольку мѣсяцевъ.

Они сказали мнѣ, что войска наши выступили наканунѣ, и что лагерь нашъ находится въ двадцати пяти верстахъ отъ Карса. Я успокоился совершенно. Скоро старуха приготовила мнѣ баранину съ лукомъ, которая показалась мнѣ ве́рхомъ повареннаго искусства. Мы всѣ легли спать въ одной комнатѣ; я разлегся противу угасающаго камина, и заснулъ въ пріятной надеждѣ увидѣть на другой день лагерь Графа Паскевича.

Поутру пошелъ я осматривать городъ. Младшій изъ моихъ хозяевъ взялся быть моимъ чичерономъ. Осматривая укрѣпленія и цитадель, выстроенную на неприступной скалѣ, я не понималъ, какимъ образомъ мы могли овладѣть Карсомъ. Мой Армянинъ толковалъ мнѣ, какъ умѣлъ, военныя дѣйствія, коимъ самъ онъ былъ свидѣтелемъ. Замѣтя въ немъ охоту къ войнѣ, я предложилъ ему ѣхать со мною въ армію. Онъ тотчасъ согласился. Я послалъ его за лошадьми. Черезъ полчаса выѣхалъ я изъ Карса, и Артемій (такъ назывался мой Армянинъ) уже скакалъ подлѣ меня на Турецкомъ жеребцѣ, съ гибкимъ Куртинскимъ дротикомъ въ рукѣ, съ кинжаломъ за поясомъ, и бредя о Туркахъ и о сраженіяхъ.

Я ѣхалъ по землѣ, вездѣ засѣянной хлѣбомъ; кругомъ видны были д ревни, но онѣ были пусты: жители разбѣжались. Дорога была прекрасна и въ топкихъ мѣстахъ вымощена—черезъ ручьи выстроены были каменные мосты. Земля примѣтно воз-

вышалась—передовые холмы хребта Саган-лу (древняго Тавра) начинали появляться. Прошло около двухъ часовъ; я взъѣхалъ на отлогое возвышеніе и вдругъ увидѣлъ нашъ лагерь, расположенный на берегу Карсъ-чая; черезъ нѣсколько минутъ я былъ уже въ палаткѣ Р.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Переходъ черезъ Саганъ-лу. Перестрѣлка. Лагерная жизнь. Язиды. Сраженіе съ Сераскиромъ Арзрумскимъ. Взорванная сакля.

Я пріѣхалъ вовремя. Въ тотъ-же день (13 Іюня) войско получило повелѣніе идти впередъ. Обѣдая у Р., слушалъ я молодыхъ Генераловъ, разсуждавшихъ о движеніи, имъ предписанномъ. Генералъ Бурцовъ отряженъ былъ влѣво по большой Арзрумской дорогѣ прямо противу Турецкаго лагеря, между тѣмъ, какъ все прочее войско должно было идти правою стороною въ обходъ непріятелю.

Въ пятомъ часу войско выступило. Я ѣхалъ съ Нижегородскимъ Драгунскимъ полкомъ, разговаривая съ Р., съ которымъ ужъ нѣсколько лѣтъ не видался. Настала ночь; мы остановились въ долинѣ, гдѣ все войско имѣло привалъ. Здѣсь имѣлъ я честь быть представленъ Графу Паскевичу.

Я нашелъ Графа дома передъ бивачнымъ огнемъ, окруженнаго своимъ штабомъ. Онъ былъ веселъ и принялъ меня ласково. Чуждый воинскому искусству, я не подозрѣвалъ, что участь похода рѣшилась въ эту минуту. Здѣсь увидѣлъ я нашего В., запыленнаго съ ногъ до головы, обросшаго бородой, изнуреннаго заботами. Онъ нашелъ однако время побесѣдовать со мною какъ старый товарищъ. Здѣсь увидѣлъ я и М. П., раненаго въ прошломъ году. Онъ любимъ и уважаемъ какъ славный товарищъ и храбрый солдатъ. Многіе изъ старыхъ моихъ пріятелей окружили меня. Какъ они перемѣнились! какъ быстро уходитъ время!

Heu fugaces, Posthume, Posthume,
Labuntur anni . . .

Я воротился къ Р. и ночевалъ въ его палаткѣ. Посреди ночи разбудили меня ужасные крики: можно было подумать, что непріятель сдѣлалъ нечаянное нападеніе. Р. послалъ узнать причину тревоги. Нѣсколько Татарскихъ лошадей, сорвавшихся съ привязи, бѣгали по лагерю и Мусульмане (такъ зовутся Татаре, служащіе въ нашемъ войскѣ) ихъ ловили.

На зарѣ войско двинулось. Мы подъѣхали къ горамъ поросшимъ лѣсомъ. Мы въѣхали въ ущеліе. Драгуны говорили между собою: смотри, братъ, держись: какъ разъ картечью хватятъ. Въ самомъ дѣлѣ, мѣстоположеніе благопріятствовало засадамъ; но Турки, отвлеченные въ другую сторону движеніемъ Генерала Бурцова, не воспользовались своими выго-

дами. Мы благополучно прошли опасное ущеліе и стали на высотахъ Саган-лу въ десяти верстахъ отъ непріятельскаго лагеря.

Природа около насъ была угрюма. Воздухъ былъ холоденъ, горы покрыты печальными соснами. Снѣгъ лежалъ въ оврагахъ.

. . . nec Armeniis in oris,
Armice Valgi, stat glacies iners
Menses per omnes . . .

Только успѣли мы отдохнуть и отобѣдать, какъ услышали ружейные выстрѣлы. Р. послалъ освѣдомиться. Ему донесли, что Турки завязали перестрѣлку на передовыхъ нашихъ пикетахъ. Я поѣхалъ съ С. посмотрѣть новую для меня картину. Мы встрѣтили раненаго казака: онъ сидѣлъ, шатаясь на сѣдлѣ, блѣденъ и окровавленъ. Два казака поддерживали его. Много ли Турковъ, спросилъ С. Свиньемъ валитъ, Ваше Благородіе, отвѣчалъ одинъ изъ нихъ. Проѣхавъ ущеліе, вдругъ увидѣли мы на склоненіи противоположной горы до двухъсотъ казаковъ, выстроенныхъ въ лаву, и надъ ними около пятисотъ Турковъ. Казаки отступали медленно; Турки наѣзжали съ большею дерзостію, прицѣливались шагахъ въ двадцати, и выстрѣливъ, скакали назадъ. Ихъ высокія чалмы, красивые доломаны и блестящій уборъ коней, составляли рѣзкую противоположность съ синими мундирами и простою збруей казаковъ. Человѣкъ пятнадцать нашихъ было уже ранено. Подполковникъ Басовъ послалъ за подмогой. Въ это

время самъ онъ былъ раненъ въ ногу. Казаки было смѣшались. Но Басовъ опять сѣлъ на лошадь и остался при своей командѣ. Подкрѣпленіе подоспѣло. Турки, замѣтивъ его, тотчасъ исчезли, оставя на горѣ голый трупъ казака, обезглавленный и обрубленный. Турки отсѣченныя головы отсылаютъ въ Константинополь, а кисти рукъ, обмакнувъ въ крови, отпечатлѣваютъ на своихъ знаменахъ. Выстрѣлы утихли. Орлы, спутники войскъ, поднялися надъ горою, съ высоты высматривая себѣ добычу. Въ это время показалась толпа Генераловъ и Офицеровъ: Графъ Паскевичь пріѣхалъ и отправился на гору, за которою скрылись Турки. Они были подкрѣплены четырью тысячами конницы, скрытой въ лощинѣ и въ оврагахъ. Съ высоты горы открылся намъ Турецкій лагерь, отдѣленный отъ насъ оврагами и высотами. Мы возвратились поздно. Проѣзжая нашимъ лагеремъ, я видѣлъ нашихъ раненыхъ, изъ коихъ человѣкъ пять умерло въ туже ночь и на другой день. Вечеромъ навѣстилъ я молодаго Остенъ-Сакена, раненаго въ тотъ-же день въ другомъ сраженіи.

Лагерная жизнь очень мнѣ нравилась. Пушка подымала насъ на зарѣ. Сонъ въ палаткѣ удивительно здоровъ. За обѣдомъ запивали мы Азіатскій шашлыкъ Англійскимъ пивомъ и Шампанскимъ, застывшимъ въ снѣгахъ Тавріискихъ. Общество наше было разнообразно. Въ палаткѣ Генерала Раевскаго собирались Беки Мусульманскихъ полковъ; и бесѣда шла черезъ переводчика. Въ войскѣ нашемъ на-

ходились и народы Закавказскихъ нашихъ областей, и жители земель, недавно завоеванныхъ. Между ними съ любопытствомъ смотрѣлъ я на Язидовъ, слывущихъ на Востокѣ дьяволопоклонниками. Около трехъ-сотъ семействъ обитаютъ у подошвы Арарата. Они признали владычество Русскаго Государя. Начальникъ ихъ высокій, уродливый мужчина, въ красномъ плащѣ и черной шапкѣ, приходилъ иногда съ поклономъ къ Генералу Раевскому, начальнику всей конницы. Я старался узнать отъ Язида правду о ихъ вѣроисповѣданіи. На мои вопросы отвѣчалъ онъ, что молва, будто бы Язиды покланяются сатанѣ есть пустая баснь; что они вѣруютъ въ единаго Бога; что по ихъ закону проклинать дьявола, правда, почитается неприличнымъ и неблагороднымъ; ибо онъ теперь несчастливъ, но современемъ можетъ быть прощенъ, ибо нельзя положить предѣловъ милосердію Аллаха. Это объясненіе меня успокоило. Я очень радъ былъ за Язидовъ, что они сатанѣ не покланяются; и заблужденія ихъ показались мнѣ уже гораздо простительнѣе.

Человѣкъ мой явился въ лагерь черезъ три дня послѣ меня. Онъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ вагенбургомъ, который въ виду непріятеля благополучно соединился съ арміей. NB. Во все время похода ни одна арба изъ многочисленнаго нашего обоза не была захвачена непріятелемъ. Порядокъ, съ каковымъ обозъ слѣдовалъ за войскомъ, въ самомъ дѣлѣ удивителенъ.

17 Іюня утромъ услышали вновь мы перестрѣлку, и черезъ два часа увидѣли Карабахскій полкъ

возвращающимся съ осмью Турецкими знаменами: Полковникъ Фридериксъ имѣлъ дѣло съ непріятелемъ, засѣвшимъ за каменными завалами, вытѣснилъ его и прогналъ; Османъ Паша, начальствовавшій конницей, едва успѣлъ спастись.

18 Іюня лагерь передвинулся на другое мѣсто. 19, едва пушка разбудила насъ, все въ лагерѣ пришло въ движеніе. Генералы поѣхали къ своимъ постамъ. Полки строились; офицеры становились у своихъ взводовъ. Я остался одинъ, не зная, въ которую сторону ѣхать, и пустилъ лошадь на волю Божію. Я встрѣтилъ Генерала Бурцова, который звалъ меня на лѣвый флангъ. Что такое лѣвый флангъ? подумалъ я, и поѣхалъ далѣе. Я увидѣлъ Генерала Муравьева, разставлявшаго пушки. Вскорѣ показались Дели-Баши и закружились въ долинѣ, перестрѣливаясь съ нашими казаками. Между тѣмъ густая толпа ихъ пѣхоты шла по лощинѣ. Генералъ Муравьевъ приказалъ стрѣлять. Картечь хватила въ самую середину толпы. Турки повалили въ сторону и скрылись за возвышеніемъ. Я увидѣлъ Графа Паскевича, окруженнаго своимъ штабомъ. Турки обходили наше войско, отдѣленное отъ нихъ глубокимъ оврагомъ. Графъ послалъ П. осмотрѣть оврагъ. П. поскакалъ. Турки приняли его за наѣздника и дали по немъ залпъ. Всѣ засмѣялись. Графъ велѣлъ выставить пушки и палить. Непріятель разсыпался по горѣ и по лощинѣ. На лѣвомъ флангѣ, куда звалъ меня Бурцовъ, происходило жаркое дѣло. Передъ нами (противу центра) скакала

Турецкая конница. Графъ послалъ противъ нее Генерала Раевскаго, который повелъ въ атаку свой Нижегородскій полкъ. Турки исчезли. Татаре наши окружали ихъ раненыхъ и проворно раздѣвали оставляя нагихъ посреди поля. Генералъ Раевскій остановился на краю оврага. Два эскадрона, отдѣлясь отъ полка, занеслись въ своемъ преслѣдованіи они были выручены Полковникомъ Симоничемъ.

Сраженіе утихло: Турки у насъ въ глазахъ начали копать землю и таскать каменья, укрѣпляясь по своему обыкновенію. Ихъ оставили въ покоѣ. Мы слѣзли съ лошадей и стали обѣдать чѣмъ Богъ послалъ. Въ это время къ Графу привели нѣсколькихъ плѣнниковъ. Одинъ изъ нихъ былъ жестоко раненъ. Ихъ разспросили. Около шестаго часу войска опять получили приказъ идти на непріятеля. Турки зашевелились за своими завалами, приняли насъ пушечными выстрѣлами, и вскорѣ зачали отступать. Конница наша была впереди; мы стали спускаться въ оврагъ земля обрывалась и сыпалась подъ конскими ногами Поминутно лошадь моя могла упасть и тогда ** Уланскій полкъ переѣхалъ бы черезъ меня. Однако Богъ вынесъ. Едва выбрались мы на широкую дорогу идущую горами, какъ вся наша конница поскакала во весь опоръ. Турки бѣжали; казаки стегали нагайками пушки, брошенныя на дорогѣ, и неслись мимо. Турки бросались въ овраги, находящіеся по обѣимъ сторонамъ дороги; они уже не стрѣляли; по крайней мѣрѣ ни одна пуля не просвистала мимо моихъ ушей. Первые въ преслѣдованіи были наши Татар-

скіе полки, коихъ лошади отличаются быстротою и силою. Лошадь моя, закусивъ повода, отъ нихъ не отставала: я на силу могъ ее сдержать. Она остановилась передъ трупомъ молодаго Турка, лежавшимъ поперегъ дороги. Ему, казалось, было лѣтъ осмнадцать; блѣдное дѣвическое лицо не было обезображено; чалма его валялась въ пыли; обритый затылокъ прострѣленъ былъ пулею. Я поѣхалъ шагомъ; вскорѣ нагналъ меня Р. Онъ написалъ карандашемъ на клочкѣ бумаги донесеніе Графу Паскевичу о совершенномъ пораженіи непріятеля, и поѣхалъ далѣе. Я слѣдовалъ за нимъ издали; настала ночь. Усталая лошадь моя отставала и спотыкалась на каждомъ шагу. Графъ Паскевичь повелѣлъ не прекращать преслѣдованія и самъ имъ управлялъ. Меня обогнали конные наши отряды; я увидѣлъ Полковника Полякова, начальника Казацкой артиллеріи, игравшей въ тотъ день важную роль, и съ нимъ вмѣстѣ прибылъ въ оставленное селеніе, гдѣ остановился Графъ Паскевичь, прекратившій преслѣдованіе по причинѣ наступившей ночи.

Мы нашли Графа на кровлѣ подземной сакли передъ огнемъ. Къ нему приводили плѣнныхъ. Тутъ находились почти всѣ Начальники. Казаки держали въ поводьяхъ ихъ лошадей. Огонь освѣщалъ картину, достойную Сальватора-Розы, рѣчка шумѣла во тракѣ. Въ это время донесли Графу, что въ деревнѣ спрятаны пороховые запасы и что должно опасаться взрыва. Графъ оставилъ саклю со всею своею свитою. Мы поѣхали къ нашему лагерю, на

ходившемуся уже въ тридцати верстахъ отъ мѣста, гдѣ мы ночевали. Дорога полна была конныхъ отрядовъ. Только успѣли мы прибыть на мѣсто, какъ вдругъ небо освѣтилось, какъ будто метеоромъ, и мы услышали глухой взрывъ. Сакля, оставленная нами назадъ тому четверть часа, взорвана была на воздухъ; въ ней находился пороховый запасъ. Разметанные камни задавили нѣсколькихъ казаковъ.

Вотъ все что въ то время успѣлъ я увидѣть. Вечеромъ я узналъ, что въ семъ сраженіи разбитъ Сераскиръ Арзрумскій, шедшій на присоединеніе къ Гаки-Пашѣ съ тридцатью тысячами войска. Сераскиръ бѣжалъ къ Арзруму; войско его, переброшенное за Саган-лу, было разсѣяно, артиллерія взята, и Гаки-Паша одинъ оставался у насъ на рукахъ.. Графъ Паскевичь не далъ ему времени распорядиться.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Сраженіе съ Гаки-Пашею. Смерть Татарскаго Бека. Гермафродитъ. Плѣнный Паша. Араксъ. Мостъ пастуха. Гассанъ Кале. Горячій источникъ. Походъ къ Арзруму. Переговоры. Взятіе Арзрума. Турецкіе плѣнники. Дервишъ.

На другой день въ пятомъ часу лагерь проснулся и получилъ приказаніе выступить. Вышедъ изъ

палатки, встрѣтилъ я Графа Паскевича, вставшаго прежде всѣхъ. Онъ увидѣлъ меня. « Etes-vous fatigué de la journée d'hier ?» — mais un peu, M. le Comte. — J'en suis faché pour vous, car nous allons faire encore une marche pour joindre le Pacha, et puis il faudra poursuivre l'ennemi encore une trentaine de verstes.»

Мы тронулись и къ осьми часамъ пришли на возвышеніе, съ котораго лагерь Гаки Паши видѣнъ былъ какъ на ладони. Турки открыли безвредный огонь со всѣхъ своихъ батарей. Между тѣмъ въ лагерѣ ихъ замѣтно было большое движеніе. Усталость и утренній жаръ заставили многихъ изъ насъ слѣзть съ лошадей и лечь на свѣжую траву. Я опуталъ поводья около руки и сладко заснулъ, въ ожиданіи приказа идти впередъ. Чрезъ четверть часа меня разбудили. Все было въ движеніи. Съ одной стороны колонны шли на Турецкій лагерь; съ другой конница готовилась преслѣдовать непріятеля. Я поѣхалъ-было за Нижегородскимъ полкомъ, но лошадь моя хромала, я отсталъ. Мимо меня пронесся Уланскій полкъ. Потомъ В. проскакалъ съ тремя пушками. Я очутился одинъ въ лѣсистыхъ горахъ. Мнѣ попался на встрѣчу драгунъ, который объявилъ что лѣсъ наполнился непріятелемъ. Я воротился. Я встрѣтилъ Генерала М. съ пѣхотнымъ полкомъ. Онъ отрядилъ одну роту въ лѣсъ, дабы его очистить. Подъѣзжая къ лощинѣ, увидѣлъ я необыкновенную картину. Подъ деревомъ, лежалъ одинъ изъ нашихъ Татарскихъ Бековъ, раненый

смертельно. Подлѣ него рыдалъ его любимецъ. Мулла, стоя на колѣнахъ, читалъ молитвы. Умирающій Бекъ былъ чрезвычайно спокоенъ, и неподвижно глядѣлъ на молодаго своего друга. Въ лощинѣ собрано было человѣкъ пять сотъ плѣнныхъ. Нѣсколько раненыхъ Турковъ подзывали меня знаками, вѣроятно принимая меня за лекаря и требуя помощи, которой я не могъ имъ подать. Изъ лѣсу вышелъ Турокъ, зажимая свою рану окровавленною тряпкою. Солдаты подошли къ нему, съ намѣреніемъ его приколоть, можетъ быть изъ человѣколюбія. Но это слишкомъ меня возмутило; я заступился за бѣднаго Турку и насилу привелъ его изнеможеннаго и изтекающаго кровію къ кучкѣ его товарищей. При нихъ былъ Полковникъ А. Онъ курилъ дружелюбно изъ ихъ трубокъ, не смотря на то, что были слухи о чумѣ, будто бы открывшейся въ Турецкомъ лагерѣ. Плѣнные сидѣли, спокойно разговаривая между собою. Почти всѣ были молодые люди. Отдохнувъ, пустились мы далѣе. По всей дорогѣ валялись тѣла. Верстахъ въ пятнадцати нашелъ я Нижегородскій полкъ, остановившійся на берегу рѣчки посреди скалъ. Преслѣдованіе продолжалось еще нѣсколько часовъ. Къ вечеру пришли мы въ долину, окруженную густымъ лѣсомъ, и наконецъ могъ я выспаться въ волю, проскакавъ въ эти два дня болѣе восьмидесяти верстъ.

На другой день войска, преслѣдовавшія непріятеля, получили приказъ возвратиться въ лагерь. Тутъ узнали мы, что между плѣнниками находился

гермафродитъ. Р. по просьбѣ моей велѣлъ его привести. Я увидѣлъ высокаго, довольно толстаго мужика, съ лицемъ старой курносой чухонки. Мы осмотрѣли его въ присутствіи лекаря . . . .
. . . . Сія болѣзнь, извѣстная Иппократу, по свидѣтельству путешественниковъ, встрѣчается часто у кочующихъ Татаръ и у Турковъ. *Коосъ* есть Турецкое названіе симъ мнимымъ гермафродитамъ.

Войско наше стояло въ Турецкомъ лагерѣ, взятомъ наканунѣ. Палатка Графа Паскевича стояла близъ зеленаго шатра Гаки Паши, взятаго въ плѣнъ нашими казаками. Я пошелъ къ нему и нашелъ его окруженнаго нашими офицерами. Онъ сидѣлъ, поджавъ подъ себя ноги и куря трубку. Онъ казался лѣтъ сорока. Важность и глубокое спокойствіе изображалось на прекрасномъ лицѣ его. Отдавшись въ плѣнъ, онъ просилъ, чтобъ ему дали чашку кофію и чтобъ его избавили отъ вопросовъ.

Мы стояли въ долинѣ. Снѣжныя и лѣсистыя горы Саган-лу были уже за нами. Мы пошли впередъ, не встрѣчая нигдѣ непріятеля. Селенія были пусты. Окрестная сторона печальна. Мы увидѣли Араксъ, быстро текущій въ каменистыхъ берегахъ своихъ. Въ пятнадцати верстахъ отъ Гассанъ-Кале, находится мостъ, прекрасно и смѣло выстроенный на семи неравныхъ сводахъ. Преданіе приписываетъ

его построеніе разбогатѣвшему пастуху, умершему пустынникомъ на высотѣ холма, гдѣ донынѣ показываютъ его могилу, осѣненную двумя пустынными соснами. Сосѣдніе поселяне стекаются къ ней на поклоненіе. Мостъ называется *Чабанъ-Кэпри* (мостъ пастуха.) Дорога въ Тебризъ лежитъ черезъ него.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ моста посѣтилъ я темныя развалины Караванъ-Сарая. Я не нашелъ въ немъ никого, кромѣ больнаго осла, вѣроятно брошеннаго здѣсь бѣгущими поселянами.

24 Іюня утромъ пошли мы къ Гассанъ-Кале, древней крѣпости, наканунѣ занятой Княземъ Бековичемъ. Она была въ пятнадцати верстахъ отъ мѣста нашего ночлега. Длинные переходы утомили меня. Я надѣялся отдохнуть; но вышло иначе.

Передъ выступленіемъ конницы, явились въ нашъ лагерь Армяне, живущіе въ горахъ, требуя защиты отъ Турковъ, которые три дня тому назадъ отогнали ихъ скотъ. Полковникъ А., хорошо не разобравъ, чего они хотѣли, вообразилъ что Турецкій отрядъ находился въ горахъ и съ однимъ экскадрономъ Уланскаго полка поскакалъ въ сторону, давъ знать Р-у, что три тысячи Турковъ находятся въ горахъ. Р. отправился въ слѣдъ за нимъ, дабы подкрѣпить его въ случаѣ опасности. Я почиталъ себя прикомандированнымъ къ Нижегородскому полку, и съ великою досадою поскакалъ на освобож-

деніе Армянъ. Проѣхавъ верстъ двадцать, въѣхали мы въ деревню, и увидѣли нѣсколько отставшихъ Улановъ, которые, спѣшась, съ обнаженными саблями преслѣдовали нѣсколькихъ куръ. Здѣсь одинъ изъ поселянъ растолковалъ Р., что дѣло шло о трехъ тысячахъ воловъ, три дня назадъ отогнанныхъ Турками, и которыхъ весьма легко будетъ догнать дня черезъ два. Р. приказалъ Уланамъ прекратитъ преслѣдованіе куръ, и послалъ Полковнику А. повелѣніе воротиться. Мы поѣхали обратно, и выбравшисъ изъ горъ, прибыли подъ Гассанъ-Кале. Но такимъ образомъ дали мы сорокъ верстъ крюку, дабы спасти жизнь нѣсколькимъ Армянскимъ курицамъ, что вовсе не казалось мнѣ забавнымъ.

Гассанъ-Кале почитается ключемъ Арзрума. Городъ выстроенъ у подошвы скалы, увѣнчанной крѣпостью. Въ немъ находилось до ста Армянскихъ семействъ. Лагерь нашъ стоялъ въ широкой равнинѣ, растилающейся передъ крѣпостью. Тутъ посѣтилъ я круглое, каменное строеніе, въ коемъ находится горячій желѣзосѣрный источникъ.

Круглый бассейнъ имѣетъ сажени три въ діаметрѣ. Я переплылъ его два раза и вдругъ, почувствовавъ головокруженіе и тошноту, едва имѣлъ силу выдти на каменный край источника. Эти воды славятся на Востокѣ, но не имѣя порядочныхъ лекарей, жители пользуются ими наобумъ и вѣроятно безъ большаго успѣха.

Подъ стѣнами Гассанъ-Кале течетъ рѣка Мургъ; берега ея покрыты желѣзными источниками, которые бьютъ изъ-подъ камней и стекаютъ въ рѣку. Они не столь пріятны вкусу, какъ Кавказскій Нарзанъ, и отзываются мѣдью.

25 Іюня, въ день рожденія Государя Императора, въ лагерѣ нашемъ подъ стѣнами крѣпости полки отслушали молебенъ. За обѣдомъ у Графа Паскевича, когда пили здоровье Государя, Графъ объявилъ походъ къ Арзруму. Въ пять часовъ вечера войско уже выступило.

26 Іюня мы стали въ горахъ въ пяти верстахъ отъ Арзрума. Горы этѣ называются *Акъ-дагъ* (бѣлыя горы); онѣ мѣловыя; бѣлая, язвительная пыль ѣла намъ глаза; грустный видъ ихъ наводилъ тоску. Близость Арзрума и увѣренность въ окончаніи похода утѣшала насъ.

Вечеромъ Графъ Паскевичъ ѣздилъ осматривать мѣстоположеніе. Турецкіе наѣздники, цѣлый день кружившіеся передъ нашими пикетами, начали по немъ стрѣлять. Графъ нѣсколько разъ погрозилъ имъ нагайкою, не преставая разсуждать съ Генераломъ М. На ихъ выстрѣлы не отвѣчали.

Между тѣмъ въ Арзрумѣ происходило большое смятеніе. Сераскиръ, прибѣжавшій въ городъ послѣ своего пораженія, распустилъ слухъ о совершенномъ разбитіи Русскихъ. Въ слѣдъ за нимъ отпущенные

плѣнники доставили жителямъ воззваніе Графа Паскевича. Бѣглецы уличили Сераскира во лжи. Вскорѣ узнали о быстромъ приближеніи Русскихъ. Народъ сталъ говорить о сдачѣ. Сераскиръ и войско думали защищаться. Произошелъ мятежъ. Нѣсколько Франковъ были убиты озлобленной чернью.

Въ лагерь нашъ (26 утромъ) явились депутаты отъ народа и Сераскира; день прошелъ въ переговорахъ; въ пять часовъ вечера депутаты отправились въ Арзрумъ, и съ ними Генералъ Князь Бековичь, хорошо знающій Азіатскіе языки и обычаи.

На другой день утромъ войско наше двинулось впередъ. Съ Восточной стороны Арзрума, на высотѣ Топъ-дага, находилась Турецкая батарея. Полки пошли къ ней, отвѣчая на Турецкую пальбу барабаннымъ боемъ и музыкою. Турки бѣжали и Топъ-дагъ былъ занятъ. Я пріѣхалъ туда съ поэтомъ Ю. На оставленной батареѣ нашли мы Графа Паскевича со всею его свитою. Съ высоты горы въ лощинѣ открывался взору Арзрумъ со всею цитаделью, съ зелеными кровлями, наклеенными одна на другую. Графъ былъ верхомъ. Передъ нимъ на землѣ сидѣли Турецкіе депутаты, пріѣхавшіе съ ключами города. Но въ Арзрумѣ замѣтно было волненіе. Вдругъ на городскомъ валу мелькнулъ огонь, закурился дымъ, и ядра полетѣли къ Топъ-дагу. Нѣсколько ихъ пронеслись надъ головою Графа Паскевича: Voyez les Turcs, сказалъ онъ мнѣ, on ne peut jamais se fier à eux. Въ сію минуту прискакалъ

на Топъ-дагъ Князь Бековичь, со вчерашняго дня находившійся въ Арзрумѣ на переговорахъ. Онъ объявилъ, что Сераскиръ и народъ давно согласны на сдачу, но что нѣсколько непослушныхъ Арнаутовъ, подъ предводительствомъ Топчи-Паши, овладѣли городскими батареями, бунтуютъ. Генералы подъѣхали къ Графу, прося позволенія заставить молчать Турецкія батареи. Арзрумскіе сановники, сидѣвшіе подъ огнемъ своихъ же пушекъ, повторили ту же просьбу. Графъ нѣсколько времени медлилъ; наконецъ далъ повелѣніе сказавъ: полно имъ дурачиться. Тотчасъ подвезли пушки, стали стрѣлять, и непріятельская пальба мало по малу утихла. Полки наши пошли въ Арзрумъ, и 27 Іюня, въ годовщину Полтавскаго сраженія, въ шесть часовъ вечера Русское знамя развилось надъ Арзрумской цитаделію.

Р. поѣхалъ въ городъ — я отправился съ нимъ; мы въѣхали въ городъ, представлявшій удивительную картину. Турки съ плоскихъ кровель своихъ угрюмо смотрѣли на насъ. Армяне шумно толпились въ тѣсныхъ улицахъ. Ихъ мальчишки бѣжали передъ нашими лошадьми, крестясь и повторяя: Христіянъ! Христіянъ!... Мы подъѣхали къ крѣпости, куда входила наша артиллерія. Съ крайнимъ изумленіемъ встрѣтилъ я тутъ моего Артемія, уже разъѣзжающаго по городу, не смотря на строгое предписаніе никому изъ лагеря не отлучаться безъ особеннаго позволенія.

Улицы города тѣсны и кривы, дома довольно высоки. Народу множество—лавки были заперты. Пробывъ въ городѣ часа съ два, я возвратился въ лагерь: Сераскиръ и четверо Пашей, взятые въ плѣнъ, находились уже тутъ. Одинъ изъ Пашей, сухощавый старичокъ, ужасный хлопотунъ, съ живостію говорилъ нашимъ Генераламъ. Увидѣвъ меня во фракѣ, онъ спросилъ, кто я таковъ. П. далъ мнѣ титулъ поэта. Паша сложилъ руки на грудь и поклонился мнѣ, сказавъ черезъ переводчика: благословенъ часъ, когда встрѣчаемъ поэта. Поэтъ братъ Дервишу. Онъ не имѣетъ ни отечества, ни благъ земныхъ: и между тѣмъ, какъ мы, бѣдные, заботимся о славѣ, о власти, о сокровищахъ, онъ стоитъ на ровнѣ съ властелинами земли и ему поклоняются.

Восточное привѣтствіе Паши всѣмъ намъ очень полюбилось. Я пошелъ взглянуть на Сераскира—при входѣ въ его палатку встрѣтилъ я его любимаго пажа, черноглазаго мальчика лѣтъ четырнадцати, въ богатой, арнаутской одеждѣ. Сераскиръ, сѣдой старикъ, наружности самой обыкновенной, сидѣлъ въ глубокомъ уныніи. Около него была толпа нашихъ офицеровъ. Выходя изъ его палатки, увидѣлъ я молодаго человѣка, полунагаго, въ бараньей шапкѣ, съ дубиной въ рукѣ и съ мѣхомъ (outre) за плечами. Онъ кричалъ во все горло. Мнѣ сказали, что это былъ братъ мой Дервишъ, пришедшій привѣтствовать побѣдителей. Его насилу отогнали.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Арзрумъ. Азiатская роскошь. Климатъ. Кладбища. Сатирическiе стихи. Сераскирскiй дворецъ. Харемъ Турецкаго Паши. Чума. Смерть Бурцова. Выѣздъ изъ Арзрума. Обратный путь. Русской журналъ.

Арзрумъ, (неправильно называемый Арзерумъ, Эрзрумъ, Эрзронъ) основанъ около 415 года, во время Ѳеодосiя Втораго, и названъ Ѳеодосiополемъ. Никакого историческаго воспоминанiя не соединяется съ его именемъ. Я зналъ о немъ тол ко то, что здѣсь, по свидѣтельству Гаджи-Бабы, поднесены были Персидскому Послу, въ удовлетворенiе какой-то обиды, телячьи уши вмѣсто человѣчьихъ.

Арзрумъ почитается главнымъ городомъ въ Азiатской Турцiи. Въ немъ считалось до ста тысячь жителей, но кажется число сiе слишкомъ увеличено. Дома въ немъ каменные, кровли покрыты дерномъ, что даетъ городу чрезвычайно странный видъ, если смотришь на него съ высоты.

Главная сухопутная торговля между Европою и Востокомъ производится чрезъ Арзрумъ. Но товаровъ въ немъ продается мало; ихъ здѣсь не вы кладываютъ, что замѣтилъ и Турнфоръ, пишущiй, что въ Арзрумѣ больной можетъ умереть за невозможностiю достать ложку ревеня, между тѣмъ, какъ цѣлые мѣшки онаго находятся въ городѣ.

Не знаю выраженія, которое было бы безсмысленнѣе словъ : Азіатская роскошь. Эта поговорка, вѣроятно, родилась во время крестовыхъ походовъ, когда бѣдные рыцари, оставя голыя стѣны и дубовые стулья своихъ замковъ, увидѣли въ первый разъ красные диваны, пестрые ковры и кинжалы съ цвѣтными камешками на рукояти. Нынѣ можно сказать Азіатская бѣдность, Азіатское свинство и проч., но роскошь есть конечно принадлежность Европы. Въ Арзрумѣ ни за какія деньги нельзя купить того, что вы найдете въ мелочной лавкѣ перваго уѣзднаго городка Псковской губерніи.

Климатъ Арзрумскій суровъ. Городъ выстроенъ въ лощинѣ, возвышающейся надъ моремъ на семь тысячь футовъ. Горы, окружающія его, покрыты снѣгомъ большую часть года, земля безлѣсна, но плодоносна. Она орошена множествомъ источниковъ и отовсюду пересѣчена водопроводами. Арзрумъ славится своею водою. Эвфратъ течетъ въ трехъ верстахъ отъ города, но фонтановъ вездѣ множество. У каждаго виситъ жестяной ковшикъ на цѣпи, и добрые Мусульмане пьютъ и не нахвалятся. Лѣсъ доставляется изъ Саган-лу.

Въ Арзрумскомъ арсеналѣ нашли множество стариннаго оружія, шлемовъ, латъ, сабель, ржавѣющихъ вѣроятно еще со временъ Годфреда.

Мечети низки и темны. За городомъ находится кладбище. Памятники состоятъ обыкновенно въ столбахъ, убранныхъ каменною чалмою. Гробницы двухъ

или трехъ Пашей отличаются большей затѣйливостію, но въ нихъ нѣтъ ничего изящнаго: никакого вкусу, никакой мысли... Одинъ путешественникъ пишетъ, что, изо-всѣхъ Азіатскихъ городовъ, въ одномъ Арзрумѣ нашелъ онъ башенные часы, и тѣ были испорчены.

Нововведенія, затѣваемыя Султаномъ, не проникли еще въ Арзрумъ. Войско носитъ еще свой живописный, восточный нарядъ. Между Арзрумомъ и Константинополемъ существуетъ соперничество, какъ между Казанью и Москвою. Вотъ начало сатирической поэмы, сочиненной янычаромъ Аминомъ-Оглу.

Стамбулъ Гяуры нынче славятъ,
А завтра кованной пятой,
Какъ змія спящаго, раздавятъ,
И прочь пойдутъ — и такъ оставятъ:
Стамбулъ заснулъ передъ бѣдой.

Стамбулъ отрекся отъ Пророка;
Въ немъ правду древняго Востока
Лукавый Западъ омрачилъ.
Стамбулъ для сладостей порока
Мольбѣ и саблѣ измѣнилъ.
Стамбулъ отвыкъ отъ поту битвы
И пьетъ вино въ часы молитвы.

Въ немъ вѣры чистой жаръ потухъ,
Въ немъ жены по кладбищамъ ходятъ,
На перекрестки шлютъ старухъ,
А тѣ мужчинъ въ харемы вводятъ
И спитъ подкупленный евнухъ.

Но не таковъ Арзрумъ нагорный,
Многодорожный нашъ Арзрумъ;
Не спимъ мы въ роскоши позорной,
Не черплемъ чашей непокорной
Въ винѣ развратъ, огонь и шумъ.

Постимся мы: струею трезвой
Святыя воды насъ поятъ;
Толпой безтрепетной и рѣзвой
Джигиты наши въ бой летятъ;
Харемы наши недоступны,
Евнухи строги, неподкупны,
И смирно жены тамъ сидятъ.

Я жилъ въ Сераскировомъ дворцѣ, въ комнатахъ, дѣ находился харемъ. Цѣлый день бродилъ я по езчисленнымъ переходамъ, изъ комнаты въ комату, съ кровли на кровлю, съ лѣстницы на лѣстицу. Дворецъ казался разграбленнымъ; Сераскиръ, редполагая бѣжать, вывезъ изъ него что только огъ. Диваны были ободраны, ковры сняты. огда гулялъ я по городу, Турки подзывали меня показывали мнѣ языкъ. (Они принимаютъ всяаго Франка за лекаря.) Это мнѣ надоѣло, я готовъ ылъ отвѣчать имъ тѣмъ-же. Вечера проводилъ я умнымъ и любезнымъ С.; сходство нашихъ затій сближало насъ. Онъ говорилъ мнѣ о своихъ тературныхъ предположеніяхъ, о своихъ историскихъ изысканіяхъ, нѣкогда начатыхъ имъ съ кою ревностію и удачей. Ограниченность его женій и требованій поистинѣ трогательна. Жаль, ли они не будутъ исполнены.

Дворецъ Сераскира представлялъ картину вѣчно оживленную: тамъ, гдѣ угрюмый Паша молчаливо курилъ, посреди своихъ женъ и отроковъ, тамъ его побѣдитель получалъ донесенія о побѣдахъ своихъ Генераловъ, раздавалъ Пашалыки, разговаривалъ о новыхъ романахъ. Мушской Паша пріѣзжалъ къ Графу Паскевичу просить у него мѣста для своего племянника. Ходя по дворцу, важный Турокъ остановился въ одной изъ комнатъ, съ живостію проговорилъ нѣсколько словъ и впалъ потомъ въ задумчивость: въ этой самой комнатѣ обезглавленъ былъ его отецъ по повелѣнію Сераскира. Вотъ впечатлѣнія настоящія Восточныя! Славный Бей-булатъ, гроза Кавказа, пріѣзжалъ въ Арзрумъ съ двумя старшинами Черкескихъ селеній, возмутившихся во время послѣднихъ войнъ. Они обѣдали у Графа Паскевича. Бей-булатъ, мужчина лѣтъ тридцати пяти, малорослый и широкоплечій. Онъ по-Русски не говоритъ, или притворяется, что не говоритъ. Пріѣздъ его въ Арзрумъ меня очень обрадовалъ: онъ былъ уже мнѣ порукой въ безопасномъ переѣздѣ черезъ горы и Кабарду.

Османъ Паша, взятый въ плѣнъ подъ Арзрумомъ и отправленный въ Тифлисъ вмѣстѣ съ Сераскиромъ, просилъ Графа Паскевича за безопасность харема, имъ оставляемаго въ Арзрумѣ. Въ первые дни объ немъ-было забыли. Однажды за обѣдомъ, разговаривая о тишинѣ Мусульманскаго города, занятаго десятью тысячами войска, и въ которомъ ни одинъ изъ жителей ни разу не пожаловался на насиліе

солдата, Графъ вспомнилъ о харемѣ Османа Паши и приказалъ Г. А. съѣздить въ домъ Паши и спросить у его женъ, довольны-ли онѣ и не было-ли имъ какой нибудь обиды. Я просилъ позволенія сопровождать Г. А—.Мы отправились.—Г. А. взялъ съ собою въ переводчики Русскаго офицера, коего исторія любопытна. Осмнадцати лѣтъ попался онъ въ плѣнъ къ Персіянамъ.. . . . . . онъ болѣе двадцати лѣтъ служилъ евнухомъ въ харемѣ одного изъ сыновей Шаха. Онъ разсказывалъ о своемъ несчастіи въ пребываніи въ Персіи съ трогательнымъ простодушіемъ. Въ физіологическомъ отношеніи, показанія его были драгоцѣнны.

Мы пришли къ дому Османа Паши; насъ ввели въ открытую комнату, убранную очень порядочно, даже со вкусомъ — на цвѣтныхъ окнахъ начертаны были надписи взятыя изъ Корана. Одна изъ нихъ показалась мнѣ очень замысловата для Мусульманскаго харема: *тебѣ подобаетъ связывать и развязывать.* Намъ поднесли кофію въ чашечкахъ оправленныхъ въ серебрѣ. Старикъ съ бѣлой почтенной бородою, отецъ Османа Паши, пришелъ отъ имени женъ благодарить Графа Паскевича, — но Г. А. сказалъ на отрѣзъ, что онъ посланъ къ женамъ Османа Паши и хочетъ ихъ видѣть, дабы отъ нихъ самихъ удостовѣриться, что онѣ въ отсутствіе супруга всѣмъ довольны. Едва Персидскій плѣнникъ сумѣлъ все это перевести, какъ старикъ, въ знакъ негодованія, защелкалъ языкомъ и объявилъ, что никакъ не можетъ согласиться на наше требованіе, и

что если Паша, по своемъ возвращеніи, провѣдаетъ, что чужіе мужчины видѣли его женъ, то и ему старику и всѣмъ служителямъ харема велитъ отрубить голову. Прислужники, между коими не было ни одного евнуха, подтвердили слова старика; но Г. А. былъ неколебимъ. Вы боитесь своего Паши, сказалъ онъ имъ, а я своего Сераскира, и не смѣю ослушаться его приказаній. — Дѣлать было нечего. Насъ повели черезъ садъ, гдѣ били два тощіе фонтана. Мы приближились къ маленькому каменному строенію. Старикъ сталъ между нами и дверью, осторожно ее отперъ, не выпуская изъ рукъ задвижки, мы увидѣли женщину, съ ногъ до желтыхъ туфель покрытую бѣлой чадрою. Нашъ переводчикъ повторилъ ей вопросъ: мы услышали шамканіе семидесяти-лѣтней старухи; Г. А. прервалъ ее: это мать Паши, сказалъ онъ, а я присланъ къ женамъ, приведите одну изъ нихъ; всѣ изумились догадкѣ Гяуровъ: старуха ушла и черезъ минуту возвратилась съ женщиной, покрытой также какъ и она — изъ-подъ покрывала раздался молодой пріятной голосокъ. Она благодарила Графа за его вниманіе къ бѣднымъ вдовамъ и хвалила обхожденіе Русскихъ. Г. А. имѣлъ искусство вступить съ нею въ дальнѣйшій разговоръ; я между тѣмъ, глядя около себя, увидѣлъ вдругъ надъ самой дверью круглое окошко, и въ этомъ кругломъ окошкѣ пять или шесть круглыхъ головъ съ черными любопытными глазами. Я хотѣлъ-было сообщить о своемъ открытіи Г. А., но головки закивали, замигали, и нѣсколько пальчиковъ стали мнѣ грозить, давая

знать, чтобъ я молчалъ. Я повиновался и не подѣлился моею находкою. Всѣ онѣ были пріятны лицемъ, но не было ни одной красавицы; та, которая разговаривала у двери съ Г. А., была, вѣроятно, повелительницею харема, сокровищницею сердецъ, розою любви — по крайней мѣрѣ, я такъ воображалъ.

Наконецъ Г. А. прекратилъ свои распросы. Дверь затворилась. Лица въ окошкѣ исчезли. Мы осмотрѣли садъ и домъ, и возвратились очень довольные своимъ посольствомъ.

Такимъ образомъ видѣлъ я харемъ: это удалось рѣдкому Европейцу. Вотъ вамъ основаніе для восточнаго романа.

Война, казалось, кончена. Я собирался въ обратный путь. 14 Іюля пошелъ я въ народную баню, и не радъ былъ жизни! Я проклиналъ нечистоту простынь, дурную прислугу и проч. Какъ можно сравнить бани Арзрумскія съ Тифлисскими!

Возвращаясь во дворецъ, узналъ я отъ К., стоявшаго въ караулѣ, что въ Арзрумѣ открылась чума. Мнѣ тотчасъ представились ужасы карантина, и я въ тотъ же день рѣшился оставить армію. Мысль о присутствіи чумы очень непріятна съ непривычки. Желая изгладить это впечатлѣніе, я пошелъ гулять по базару. Остановясь передъ лавкою оружейнаго мастера, я сталъ разсматривать какой-то кинжалъ,

какъ вдругъ ударили меня по плечу. Я оглянулся
за мною стоялъ ужасный нищій. Онъ былъ бл
денъ какъ смерть; изъ красныхъ загноенныхъ глаз
его текли слезы. Мысль о чумѣ опять мелькну
въ моемъ воображеніи. Я оттолкнулъ нищаго с
чувствомъ отвращенія неизъяснимаго, и воротилс
домой, очень недовольный своею прогулкою.

Любопытство однако жъ превозмогло; на друго
день я отправился съ лекаремъ въ лагерь, гдѣ на
ходились зачумленные. Я не сошелъ съ лошади
взялъ предосторожность стать по вѣтру. Изъ п
латки вывели намъ больнаго; онъ былъ чрезвычай
но блѣденъ и шатался какъ пьяный. Другой бол
ной лежалъ безъ памяти. Осмотрѣвъ чумнаго и обѣ
щавъ несчастному скорое выздоровленіе, я обра
тилъ вниманіе на двухъ Турковъ, которые выводи
ли его подъ руки, раздѣвали, щупали, какъ будт
чума была не что иное какъ насморкъ. Признаюс
я устыдился моей Европейской робости въ присут
ствіи такого равнодушія и поскорѣе возвратился в
городъ.

19 Іюля, пришедъ проститься съ Графомъ Пас
кевичемъ, я нашелъ его въ сильномъ огорченіи
Получено было извѣстіе, что Генералъ Бурцов
былъ убитъ подъ Байбуртомъ. Жаль было храбраг
Бурцова, но это происшествіе могло быть печальн
но и для всего нашего малочисленнаго войска, за
шедшаго глубоко въ чужую землю и окруженнаг
непріязненными народами, готовыми возстать пр

слухѣ о первой неудачѣ. И такъ война возобновилась! Графъ предлагалъ мнѣ быть свидѣтелемъ дальнѣйшихъ предпріятій; но я спѣшилъ въ Россію..... Графъ подарилъ мнѣ на память Турецкую саблю. Она хранится у меня памятникомъ моего странствованія во слѣдъ блестящаго героя по завоеваннымъ пустынямъ Арменіи. Въ тотъ же день я оставилъ Арзрумъ.

Я ѣхалъ обратно въ Тифлисъ, по дорогѣ уже мнѣ знакомой. Мѣста, еще недавно оживленныя присутствіемъ пятнадцати тысячь войска, были молчаливы и печальны. Я переѣхалъ Саган-лу и едва могъ узнать мѣсто, гдѣ стоялъ нашъ лагерь. Въ Гумрахъ выдержалъ я трехъ-дневный карантинъ. Опять увидѣлъ я Безобдалъ и оставилъ возвышенныя равнины холодной Арменіи для знойной Грузіи. Въ Тифлисъ я прибылъ 1-го Августа. Здѣсь остался я нѣсколько дней въ любезномъ и веселомъ обществѣ. Нѣсколько вечеровъ провелъ я въ садахъ при звукѣ музыки и пѣсенъ Грузинскихъ. Я отправился далѣе. Переѣздъ мой черезъ горы замѣчателенъ былъ для меня тѣмъ, что близъ Коби ночью застала меня буря. Утромъ, проѣзжая мимо Казбека, увидѣлъ я чудное зрѣлище: бѣлыя, оборванныя тучи перетягивались черезъ вершину горы, и уединенный монастырь, озаренный лучами солнца, казалось, плавалъ въ воздухѣ, несомый облаками. Бѣшеная Балка также явилась мнѣ во всемъ своемъ величіи: оврагъ наполнившійся дождевыми водами, превосходилъ въ своей свирѣпости самый Терекъ, тутъ же грозно

ревѣвшій. Берега были разтерзаны; огромные камни сдвинуты съ мѣста и загромождали потокъ. Множество Осетинцевъ разработывали дорогу. Я переправился благополучно. Наконецъ я выѣхалъ изъ тѣснаго ущелія на раздолье широкихъ равнинъ большой Кабарды. Во Владикавказѣ нашелъ я Д. и П. Оба ѣхали на воды лечиться отъ ранъ, полученныхъ ими въ нынѣшніе походы. У П. на столѣ нашелъ я Русскіе Журналы. Первая статья, мнѣ попавшаяся, была разборъ одного изъ моихъ сочиненій. Въ ней всячески бранили меня и мои стихи. Я сталъ читать ее въ слухъ. П. остановилъ меня, требуя, чтобъ я читалъ съ бо̀льшимъ мимическимъ искусствомъ. Надобно знать, что разборъ былъ украшенъ обыкновенными затѣями нашей критики: это былъ разговоръ между дьячкомъ, просвирней и корректоромъ типографіи, Здравомысломъ этой маленькой комедіи. Требованіе П—на показалось мнѣ такъ забавно, что досада, произведенная на меня чтеніемъ журнальной статьи, совершенно исчезла, и мы расхохотались отъ чистаго сердца.

Таково было мнѣ первое привѣтствіе въ любезномъ отечествѣ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ГЕОРГІЯ КОНИСКАГО

Архіепископа Бѣлорусскаго,

изд. Протоіереемъ Іоанномъ Григоровичемъ С. П. б. 1835.

Георгій Конискій извѣстенъ у насъ краткой рѣчью, которую произнесъ онъ въ Мстиславлѣ Императрицѣ Екатеринѣ во время Ея путешествія въ 1787 году: «Оставимъ Астрономамъ»... и проч. Рѣчь сія, прославленная во всѣхъ нашихъ реторикахъ, не что иное, какъ остроумное привѣтствіе и заключаетъ въ себѣ игру выраженій, можетъ быть, слишкомъ затѣйливую: по нашему мнѣнію, привѣтствіе, коимъ Высокопреосвященный Филаретъ встрѣтилъ Государя Императора, пріѣхавшаго въ Москву въ концѣ 1830 года, въ своей умилительной простотѣ заключаетъ гораздо болѣе истиннаго краснорѣчія. Впрочемъ различіе обстоятельствъ изъясняетъ и различіе чувствъ, выражаемыхъ обоими ораторами. Императрица путешествовала, окруженная всею пышностію Двора Своего, встрѣчаемая всюду торжествами и празднествами; Государь посѣтилъ Москву, опустошаемую заразой, пораженную скорбью и ужасомъ.

Но Георгій есть одинъ изъ самыхъ достопамятныхъ Мужей минувшаго столѣтія. Жизнь его при-

надлежитъ Исторіи. Онъ вступилъ въ управленіе своею Епархіей, когда Бѣлоруссія находилась еще подъ игомъ Польши. Православіе было гонимо Католическимъ фанатизмомъ. Церкви наши стояли пусты, или отданы были Уніятамъ. Миссіонеры насильно гнали народъ въ Уніятскіе кастёлы, ругались надъ ослушниками, сѣкли ихъ, заключали въ темницы, томили голодомъ, отымали у нихъ дѣтей, дабы воспитывать ихъ въ своей вѣрѣ, уничтожали браки, совершенные по обрядамъ нашей Церкви, ругались надъ могилами православныхъ. Георгій искалъ защиты у Русскаго Правительства; онъ доносилъ обо всемъ св. Сvноду, и жаловался нашему Посланнику, находившемуся въ Варшавѣ. Ревность его пуще озлобила гонителей. Доминиканецъ Овлачинскій, прославившійся ненавистію къ нашей Церкви, замыслилъ принести Георгія въ жертву своему изувѣрству. Въ 1759 году Георгій, презирая опасности, ему угрожающія, поѣхалъ обозрѣвать сѣтующую свою Епархію. Овлачинскій и миссіонеры возмутили въ Оршѣ шляхту и жолнеровъ. Они разогнали народъ, вышедшій съ хоругвями навстрѣчу своему Архипастырю, остановили колокольный звонъ, и съ воплемъ ворвались въ церковь, гдѣ Георгій священнодѣйствовалъ. Преосвященный едва успѣлъ спастись отъ ихъ сабель въ стѣнахъ Кутеинскаго монастыря, откуда тайно вывезли его въ телегѣ, прикрывъ навозомъ. Другой изувѣръ, свирѣпый Зеновичь, предводительствуя Езуитскими воспитанниками, ночью въ Могилевѣ напалъ на Архіерейскій домъ. Буйные молодые люди вломились въ ворота,

перебили окна, ранили нѣсколько монаховъ, семинаристовъ и слугъ; но къ счастію не нашли Георгія, скрывшагося въ подвалахъ своего дома.

Дерзость гонителей часъ отъ часу усиливалась. Польское Правительство имъ потворствовало. Миссіонеры своевольничали, поносили Православную Церковь, лестью и угрозами преклоняли къ Уніи не только простой народъ, но и священниковъ. Георгій снова жаловался Россіи. Императрица Елисавета Петровна, передъ самой Своей кончиною, и Государь Петръ III, при Своемъ восшествіи на престолъ, требовали отъ Польскаго Двора, чтобъ гоненія надъ нашими единовѣрцами были прекращены; но избавленіе православія предоставлено было Екатеринѣ II.

Георгій предсталъ передъ Нею въ 1762 году въ Москвѣ, когда Она короновалась, и въ слѣдъ за Русскимъ духовенствомъ принесъ Ей вмѣстѣ съ поздравленіями тихія сѣтованія народа, издревле намъ роднаго, но отчужденнаго отъ Россіи жребіями войны. Екатерина съ глубокимъ вниманіемъ выслушала печальную рѣчь представителя будущихъ Ея подданныхъ, и когда, нѣсколько времени спустя, св. Сунодъ думалъ вызвать Георгія и поручить въ его управленіе Псковскую Епархію, Императрица на то не согласилась и сказала: »Георгій нуженъ въ Польшѣ.«

Въ 1765 Георгій явился въ Варшавѣ и предъ трономъ Станислава съ жаромъ заступился за

тѣхъ, которые именовались еще подданными Поль-
ши. Король пораженъ былъ его словами. Онъ обѣ-
щалъ свое покровительство диссидентамъ, и въ
слѣдующемъ году дѣйствительно повелѣлъ »Уніят-
скимъ Архіереямъ, изъ среды своей избравъ одного
Епископа, прислать въ Варшаву, для изысканія и
постановленія надлежащихъ мѣръ ко взаимному ус-
покоенію враждующихъ.» Но гордые Польскіе Ма-
гнаты, презрѣвъ посредничество Россіи и Пруссіи,
отвергли справедливыя требованія диссидентовъ. Въ
слѣдствіе сего Екатерина повелѣла Своимъ войскамъ
двинуться къ Варшавѣ. Тамъ, за оградою Русскихъ
штыковъ, созванъ былъ Сеймъ, учреждена согласи-
тельная Коммисія и диссидентамъ возвращены ихъ
прежнія права.

Георгій, одинъ изъ первыхъ членовъ Слуцкой кон-
федераціи, опредѣленъ былъ въ члены сей Комми-
сіи. Онъ опять отправился въ Варшаву и дѣятель-
но занялся объясненіемъ древнихъ грамотъ, на ко-
ихъ основаны были права диссидентовъ. Онъ умѣлъ
пріобрѣсти уваженіе своихъ противниковъ и даже
ихъ довѣренность. »Мы за вами еще живемъ, ска-
залъ однажды ему Уніятскій Епископъ Шептиц-
кій, а когда Католики васъ догрызутъ, то при-
мутся и за насъ.« Уніяты втайнѣ готовы были
отложиться отъ Папы и снова соединиться съ Гре-
ко-Россійскою Церковью. Между тѣмъ Барская кон-
федерація, поддерживаемая политикою Шуазёля, вос-
пламенила новую войну. Слѣдствіемъ оной былъ
первый раздѣлъ Польши. Семь областей, древне-

достояніе нашего отечества, были ему возвращены — и въ 1773 году Георгій явился предъ Екатериною, уже какъ подданный, радостно привѣтствуя Избавительницу и законную Владычицу Бѣлоруссіи.

Съ тѣхъ поръ Георгій могъ спокойно посвятить себя на управленіе своею Епархіею. Просвѣщеніе Духовенства, ему подвластнаго, было главною его заботою. Онъ учреждалъ училища, безпрестанно поучалъ свою паству, а часы досуга посвящалъ ученымъ занятіямъ. Онъ умеръ въ 1795 году, будучи 77 лѣтъ отъ роду.

Нынѣ Протоіерей І. Григоровичь издалъ собраніе сочиненій Георгія Кониского, присовокупивъ къ книгѣ своей любопытное и прекрасно изложенное жизнеописаніе Георгія Кониского.

Проповѣди Георгія просты, и даже нѣсколько грубы, какъ поученія старцевъ первоначальныхъ; но ихъ искренность увлекательна. Политическія рѣчи его имѣютъ большое достоинство. Лучшая изъ нихъ произнесена имъ Екатеринѣ, по совершеніи Ея коронованія. Помѣщаемъ здѣсь нѣсколько изъ его отдѣльныхъ мыслей:

» Для молитвы постъ есть тоже, что для птицы крылья.

*

Когда грѣшникъ, не хотящій покаяться въ беззаконіяхъ своихъ, молится Богородицѣ и вопіетъ

Ей: *радуйся!* то привѣтствіе сіе столько же оскорбляетъ Ее, какъ и то Іудейское *радуйся*, когда распинатели Христовы, ударяя въ ланиту Божественнаго Сына Ея, приглашали: *радуйся, Царю Іудейскій!* *. Ибо нераскаянный грѣшникъ есть новый распинатель Христовъ **. Да ищемъ убо заступленія и покрова Ея, но оставимъ напередъ грѣхи свои: ибо съ грѣхами и изъ подъ-ризы своея изринетъ насъ.

*

Душа безсмертная, отъ бреннаго тѣла, какъ птица изъ разтерзанной сѣти, весело взлетѣвши, воспаряетъ въ рай Богонасажденный, гдѣ вѣчно цвѣтетъ древо жизни, гдѣ жилище Самому Христу и Избраннымъ Его.

*

Тѣлеса наши, въ гробахъ согнившія и въ прахъ разсыпавшіяся, возникнутъ отъ земли, какъ трава весною, и по соединеніи съ душами востанутъ, и укажутся всему небу, предъ очами Ангеловъ и человѣковъ, предъ очами предковъ нашихъ и потомковъ, одни яко пшеница, другія же яко плевелы, ожидая серповъ Ангельскихъ, и того мѣста, которое назначено, особо для пшеницы, и особо для плевелъ.

*

Вниди въ клѣть твою и помолися ***. Такая уединенная молитва и въ соборѣ можетъ имѣть мѣсто, если молящійся уединился отъ всѣхъ заботъ и по-

* Матѳ. 27, 29. ** Евр. 6, 6.
*** Матѳ. 6, 6.

печеній, и пребываетъ безмолвенъ среди молвы, его окружающей; если онъ, отрясши отъ чувствъ своихъ всѣ страсти и вожделѣнія, единъ съ единымъ Богомъ бесѣдуетъ. Авраамъ, ведя сына своего Исаака на закланіе, говоритъ сопровождающимъ: *сѣдите здѣ со ослятемъ, азъ же и дѣтищъ пойдемъ до онъде, и поклонившеся, возвратимся къ вамъ* *. Такъ истинно молящійся, страстямъ своимъ, аки рабамъ, повелѣваетъ оставить его и ожидать, пока онъ молитву свою Богу, аки Исаака, въ жертву принесетъ. О, сколь отличны отъ сего молитвы наши! Мы и въ уединеніи цѣлое торжище вкругъ себя собираемъ. Молясь, и покупаемъ, и продаемъ, и хозяйствомъ управляемъ, и о лихоимствѣ заботимся, и друзьямъ ласкательствуемъ, и на враговъ вооружаемся, и о сластяхъ помышляемъ, и о сундукахъ своихъ трепещемъ. Подлинно, се ли молитва, и не паче ли торжище, молвы преисполненное? Гдѣ тутъ умъ, разумѣющій глаголы свои? Гдѣ сердце, долженствующее прилѣпиться къ Богу? Одни уста трубятъ и языкъ какъ кимвалъ звяцаетъ; а мысли какъ птицы въ воздухѣ, по всѣмъ странамъ носятся, а сердце хладно, какъ бездушный трупъ, закрытый вмѣстѣ съ сокровищемъ нашимъ.

*

Іосифъ, проданный братіями своими во Египетъ, содѣлавшись правителемъ царства, далъ имъ въ удѣлъ самую богатую землю, Гесемъ именуемую **.

* Быт. 22, 5.

** Быт. 47. 6. и.

Сынъ Божій, по безмѣрной благости Своей, соединившійся съ нашею природою, и такимъ образомъ содѣлавшійся Братомъ нашимъ, даетъ намъ, не часть нѣкую области небесной, но все царство Свое нераздѣльно. Небо отверсто для насъ; престолы уготованы; объятія Божественнаго Брата нашего ждутъ насъ. Пойдемъ, полетимъ къ Нему: но прежде должны мы сбросить съ себя всю тяготу мірскую, влекущую насъ къ землѣ.

Невѣрующему чудесамъ мы смѣло можемъ сказать съ блаженнымъ Августиномъ: «Большее изъ всѣхъ чудесъ чудо есть то, что дванадесять человѣкъ, безкнижныхъ, безоружныхъ, нищихъ, проповѣдывавшихъ крестъ, побѣдили, не только Владыкъ и сильныхъ земли, но и самихъ боговъ языческихъ, и цѣлый свѣтъ Христу покорили.» Ты возразишь мнѣ на сіе, что сіи побѣдители міра сами были умерщвлены, и ни одинъ почти изъ нихъ не кончилъ жизни безъ мученій, безъ креста, меча и огня. Но вотъ мой краткій отвѣтъ: на то и посланы были сіи побѣдители своимъ Воеводою: *Се азъ посылаю васъ, яко овцы посредѣ волковъ... предадятъ вы на сонмы, и на соборищахъ избіютъ васъ* *. Особое убо чудо міру и печать истины Евангельской есть страдальческая смерть посланниковъ-побѣдителей. Но посмотри, что съ сими убіенными послѣдовало? Цари персть ихъ почитаютъ, и отложивъ порфиру и вѣнецъ, благоговѣйно преклоняютъ колѣна предъ гробами ихъ.

* Матѳ. 10, 16, 17.

Нигдѣ не читаемъ, чтобы язычники страдали такъ за своихъ идоловъ, какъ Мученики Христіанскіе за вѣру Христову. Да и въ нынѣшнихъ богоборныхъ сонмищахъ атеистовъ и натуралистовъ, въ главныхъ гнѣздахъ ихъ, во Франціи и Англіи, нашелся ли хотя одинъ такой ревнитель, который бы за безбожіе свое или натурализмъ произвольно на муки дерзнулъ? У насъ, въ Россіи, за нѣсколько предъ симъ лѣтъ, извѣстный боляринъ, уличенный въ безбожіи, однимъ показаніемъ кнута отрекся того.

Говорятъ многіе: почему молитвы наши ни чудесъ не творятъ, ни лучшей перемѣны въ насъ не производятъ. Ахъ, стыдно и воспоминать молитвы наши! Объ нихъ можно тоже сказать, что сказалъ кормчій одному бывшему на кораблѣ беззаконнику. Когда, во время сильной и опасной бури, всѣ плаватели обратились къ молитвѣ, и вмѣстѣ съ ними и оный беззаконникъ нѣчто промолвилъ; то кормчій остановилъ его сими словами: «ты, пожа«луй, молчи; не знаетъ Богъ, что и ты съ нами, « и потому еще между отчаяніемъ и надеждою на«ходимся; а какъ услышитъ твою святую моли«тву, такъ мы и погибли.» Достойна ли молитва имени своего, когда она въ однихъ устахъ обращается, а умъ не помнитъ и не знаетъ того, что болтаетъ языкъ? Читаемъ: *глаголы моя внуши, Господи, разумѣй званіе мое* *; а сами ни глаголовъ не внушаемъ, ни званія нашего не разумѣемъ. Такая молитва перемѣнитъ ли насъ, окаянныхъ и грѣш-

* Псал. 5, 2.

ныхъ, въ добрыхъ и богоугодныхъ? Грѣшными въ церковь приходимъ, грѣшнѣйшими выходимъ.

*

Радость плотская ограничивается наслажденіемъ; по мѣрѣ, какъ затихаетъ веселый гудокъ, затихаетъ и веселость. Но радость духовная есть радость вѣчная; она не умаляется въ бѣдахъ, не кончается при смерти, но переходитъ и по ту сторону гроба.

*

Важны ли добрыя дѣла наши въ дѣлѣ спасенія? Я объясню тебѣ вопросъ сей подобіемъ. Возьми небольшой кусокъ мѣди, и понеси его на торжище; тамъ за него ты ничего не купишь; всякой съ насмѣшкою скажетъ тебѣ извѣстную пословицу: »прибложи копѣйку, то купишь калачь.« Но ежели тотъ самый металлъ будетъ имѣть изображеніе Государя твоего, или другой знакъ Его монеты; то купишь за него что тебѣ надобно. Такъ точно и дѣла наши. Ежели ты не имѣешь Вѣры и упованія на Христа Спасителя, не сомнѣвайся признать, что они сустны. Но тѣ самыя дѣла совокупи съ Вѣрою и упованіемъ на Него, тогда они будутъ важны; и если потребно тебѣ откупиться отъ грѣховъ, или купить небесныя вѣчныя утѣхи, купишь ими несомнѣнно.

*

Мы познаемъ разумомъ души; а тѣлесныя очи суть какъ бы очки, чрезъ кои душевныя очи смотрятъ.

*

Чужій грѣхъ на мнѣ не лежитъ. Но если чужій грѣхъ содѣвается моимъ совѣтомъ, согласіемъ или

неосторожнымъ примѣромъ; тогда онъ не только лежитъ на мнѣ, но какъ жерновъ тяготитъ душу мою. Горе человѣку тому, говоритъ Самъ Спаситель, имъ же соблазнъ приходитъ *. Дѣйствительно, грѣхъ соблазна прежде меня, прежде моей смерти, предшествуетъ на Судъ Божій, и уже по кончинѣ моей слѣдуетъ туда же за мною. Скажу тоже иными словами. Всѣ соблазненные примѣромъ моимъ, и прежде меня позванные на Судъ Божій, уже понесли туда грѣхи мои. Убо уже готовы для меня муки. Но тутъ еще не все. Я умеръ, и пересталъ грѣшить: но всѣ соблазненные мною, и при томъ всѣ, отъ соблазненныхъ мною вновь соблазняемые, оставаясь еще въ сей жизни, посылаютъ, въ слѣдъ за мною, безчисленныя беззаконія, отъ единаго примѣра моего, яко отъ единаго блата, истекающія. Убо готовы для меня новыя, сугубыя мученія! Вотъ какъ ужасенъ грѣхъ соблазна, ужаснѣе многоглавой Лернейской гидры!«

Кониской написалъ также нѣсколько стихотвореній Русскихъ, Польскихъ и Латинскихъ. Въ художественномъ отношеніи они имѣютъ мало достоинства, хотя въ нихъ и видѣнъ духъ мыслящій. Слѣдующая элегія показалась намъ достопримѣчательна:

Серпа ожидаютъ созрѣлые классы;
А намъ вѣстники смерти — сѣдые власы.
О! смертный, безпечный, посмотри въ зерцало:
Ты сѣдъ, какъ пятьдесятъ лѣтъ тебѣ миновало.

* Матѳ. 18, 7.

Какъ же ты собрался въ смертную дорогу?
Съ чѣмъ ты предстанешь Правосудному Богу?
Путь смертный безвѣстенъ, и полонъ разбоя:
Искуснаго, храбраго требуетъ конвоя.
Кто жъ тебя поведетъ, и за тебя сразится?
Другъ, проводивъ тебя къ гробу, въ домъ возвратится.
Изнеможешь, пѣшій, таща грѣховъ ношу!
Ахъ! тутъ-то нужно имѣть подмогу хорошу,
Подмогу, какая дана Сикеоту:
Но — та дана слезамъ, кровавому поту.
А ты много ли плакалъ за грѣхи? Считайся.
Не весь ли вѣкъ твой есть цѣпь грѣховъ? Признайся.
Ахъ! вижу, ты нагимъ, какъ родила мать:
Ни лоскута на душѣ твоей не сыскать!
Повѣрь же, не внидешь въ небесны чертоги:
Въ адъ тебя низринутъ, связавъ руки, ноги.
Безъ масла дѣлъ благихъ гаснетъ свѣча Вѣры;
Затворятся брачныя буимъ дѣвамъ двери;
Можетъ быть, при смерти, «помяни мя» скажешь,
И тѣмъ уста свои навсегда завяжешь.
И такъ, доколѣ древа топоръ не коснется,
Плодъ добрыхъ дѣлъ тебѣ принесть остается.

Но главное произведеніе Конискаго остается до сихъ поръ неизданнымъ: *Исторія Малороссіи* извѣстна только въ рукописи. Георгій написалъ ее съ цѣлію Государственною. Когда Императрица Екатерина учредила Комиссію о составленіи новаго Уложенія, тогда, депутатъ Малороссійскаго Шляхетства, Андрей Григорьевичь Полетика обратился къ Георгію, какъ къ человѣку, свѣдущему въ старинныхъ правахъ и постановленіяхъ сего края. Конискій, справедливо полагая, что одна только Исторія наро

ца можетъ объяснить истинныя требованія онаго, принялся за свой важный трудъ и совершилъ его съ удивительнымъ успѣхомъ. Онъ сочеталъ поэтическую свѣжесть лѣтописи съ критикой, необходимой въ Исторіи. Не говорю здѣсь о нѣкоторыхъ этнографическихъ и этимологическихъ объясненіяхъ, помѣщенныхъ имъ въ началѣ его книги, которыя перенесъ онъ въ Исторію изъ хроники, не видя въ нихъ никакой существенной важности и не находя нужнымъ противорѣчить общепринятымъ въ то время понятіямъ. Подъ словомъ *критики* я разумѣю глубокое изученіе достовѣрныхъ событій и ясное, остроумное изложеніе ихъ истинныхъ причинъ и послѣдствій.

Смѣлый и добросовѣстный въ своихъ показаніяхъ, Кониской не чуждъ нѣкотораго невольнаго пристрастія. Ненависть къ изувѣрству Католическому и угнетеніямъ, коимъ онъ самъ такъ дѣятельно противился, отзывается въ краснорѣчивыхъ его повѣствованіяхъ. Любовь къ родинѣ часто увлекаетъ его за предѣлы строгой справедливости. Должно замѣтить, что чѣмъ ближе подходитъ онъ къ настоящему времени, тѣмъ искреннѣе, небрежнѣе и сильнѣе становится его разсказъ. Онъ любитъ говорить о подробностяхъ войны, и описываетъ битвы съ удивительною точностію. Видно, что сердце дворянина еще бьется въ немъ подъ иноческою рясою (Кониской происходилъ отъ стариннаго шляхетскаго роду, и этимъ вовсе не пренебрегалъ, какъ видно даже изъ эпитафіи, вырѣзанной надъ его гробомъ и

сочиненной имъ самимъ). Множество мѣстъ въ И торіи Малороссіи суть картины, начертанныя к стію великаго живописца. Дабы дать о немъ нѣк торое понятіе тѣмъ, которые еще не читали его помѣщаемъ здѣсь два отрывка изъ его рукописи.

Введеніе Уніи.

»По истребленіи Гетмана Наливайки таким неслыханнымъ варварствомъ, вышелъ отъ сейм или отъ вельможъ, имъ управлявшихъ, таковъ ж варварскій приговоръ и на весь народъ Русско Въ немъ объявленъ онъ отступнымъ, вѣролом нымъ и бунтливымъ и осужденъ въ рабство, пр слѣдованіе и всемѣрное гоненіе. Слѣдствіемъ се Нероновскаго приговора было отлученіе навсегд депутатовъ Русскихъ отъ сейма національнаго всего Рыцарства, отъ выборовъ и должностей пр вительственныхъ и судебныхъ, отборъ староств деревень и другихъ ранговыхъ имѣній отъ всѣх чиновниковъ и урядниковъ Русскихъ, и самихъ их уничтоженіе. Рыцарство Русское названо хлопами, народъ, отвергавшій Унію, схизматиками. Во вс правительственные и судебные уряды Малороссій скіе посланы Поляки съ многочисленными штата ми; города заняты Польскими гарнизонами, а дру гія селенія ихъ же войсками; имъ дана власть вс то дѣлать народу Русскому, что сами захотятъ придумаютъ, а они исполняли сей наказъ съ лих вою, и что только замыслить можетъ своевол ное, надменное и пьяное человѣчество, дѣла

то надъ несчастнымъ народомъ Русскимъ безъ угрызенія совѣсти; грабительства, насиліе женщинъ и самыхъ дѣтей, побои, мучительства и убійства превзошли мѣру самыхъ непросвѣщенныхъ варваровъ. Они, почитая и называя народъ невольниками, или ясыромъ Польскимъ, все его имѣніе признавали своимъ. Собиравшихся вмѣстѣ нѣсколькихъ человѣкъ для обыкновенныхъ хозяйскихъ работъ или празднествъ, тотчасъ съ побоями разгоняли, на разговорахъ ихъ пытками изтязывали, запрещая навсегда собираться и разговаривать вмѣстѣ. Церкви Русскія силою и гвалтомъ обращали на Унію. Духовенство Римское, разъѣзжавшее съ тріумфомъ по малой Россіи для надсмотра и понужденія къ Уніятству, вожено было отъ церкви до церкви людьми, запряженными въ ихъ длинныя повозки по двѣнадцати человѣкъ и болѣе. На прислуги сему духовенству выбираемы были Поляками самыя красивѣйшія изъ дѣвицъ. Русскія церкви несогласовавшихся на Унію прихожанъ отданы жидамъ въ аренду, и получена за всякую въ нихъ отправку денежная плата отъ одного до пяти талеровъ, а за крещеніе младенцевъ и похороны мертвыхъ отъ одного до четырехъ талеровъ. Жиды, яко непримиримые враги Христіанства, сіи вселенскіе бродяги и притча въ человѣчествѣ, съ восхищеніемъ принялись за такое надежное для нихъ сквернoприбытчество, и тотчасъ ключи церковные и веревки колокольныя отобрали къ себѣ въ корчмы. При всякой требѣ христіанской повиненъ ктиторъ идти къ

жиду торжиться съ нимъ, и по важности отправы, платить за нее и выпросить ключи; а жидъ при томъ, насмѣявшись довольно богослуженію христіанскому и прехуливши все христіанами чинимое, называя его языческимъ или по ихъ Гойскимъ, приказывалъ ктитору возвращать ему ключи, съ клятвою, что ничего въ запись не отказано.

Страданіе и отчаяніе народа увеличилось новымъ приключеніемъ, сдѣлавшимъ еще замѣчательную въ сей землѣ эпоху. Чиновное шляхетство Малороссійское, бывшее въ воинскихъ и земскихъ должностяхъ, не стерпя гоненій отъ Поляковъ и не могши перенесть лишенія мѣстъ своихъ, а паче потерянія ранговыхъ и нажитыхъ имѣній, отложилось отъ народа своего и разными происками, посулами и дарами закупило знатнѣйшихъ урядниковъ Римскихъ, сладило и задружило съ ними, и мало по мало согласилось перьвѣе на Унію, потомъ обратилось совсѣмъ въ Католичество Римское. Въ послѣдствіи, сіе шляхетство, соединяясь съ Польскимъ шляхетствомъ свойствомъ, сродствомъ и другими обязанностями, отреклось и отъ самой породы Русской, и всемѣрно старалось изуродовать природныя названія свои, пріискать и придумать къ нимъ Польское произношеніе и назвать себя природными Поляками. Почему и доднесь между ними видны фамиліи совсѣмъ Русскаго названія, каковыхъ у Поляковъ не бывало, и въ ихъ нарѣчіи быть не

могло, напримѣръ: Проскура, Чернецкій, Кисель, Воловичь, Сокирка, Комаръ, Жупанъ и премногія другія, а съ прежняго Чаплины названія Чаплинскій, съ Ходуна Ходневскій, съ Бурки Бурковскій и такъ далѣе. Слѣдствіемъ переворота сего было то, что имѣнія сему шляхетству и должности ихъ возвращены, а ранговыя утверждены имъ въ вѣчность и во всемъ сравнены съ Польскимъ шляхетствомъ. Въ благодарность за то приняли и они въ разсужденіи народа Русскаго всю систему политики Польской, и подражая имъ, гнали преизлиха сей несчастный народъ. Главное политическое намѣреніе состояло въ томъ, чтобы ослабить войска Малороссійскія и разрушить ихъ полки, состоящіе изъ реестровыхъ казаковъ: въ семъ они и успѣли. Полки сіи, претерпѣвъ въ послѣднюю войну не малую убыль, не были дополнены другими отъ скарбу и жилищъ казаковъ. Запрещено чинить всякое въ полки вспоможеніе. Главные чиновники воинскіе, перевернувшись въ Поляки, сдѣлали въ полкахъ великія ваканціи. Дисциплина военная и весь порядокъ опущены и казаки реестровые стали нѣчто пресмыкающееся безъ пастырей и вождей. Самые куреніи казацкіе, бывшіе ближе къ границамъ Польскимъ, то отъ гоненія, то отъ ласкательствъ Польскихъ, послѣдуя знатной шляхтѣ своей, обратились въ Поляки и въ ихъ вѣру, и составили извѣстныя и понынѣ околицы шляхетскія. Недостаточные реестровые казаки, а паче холостые и мало привязанные къ своимъ жительствамъ, а съ ними и всѣ почти Охочекомонные, перешли въ

Сѣчь Запорожскую и тѣмъ ее знатно увеличили и усилили, сдѣлавъ съ тѣхъ поръ, такъ сказать, сборнымъ мѣстомъ для всѣхъ казаковъ, въ отечествѣ гонимыхъ; а напротивъ того знатнѣйшіе Запорожскіе казаки перешли въ полки Малороссійскіе и стали у нихъ чиновниками, но безъ дисциплины и регулы: отъ чего въ полкахъ ихъ видимая сдѣлалась перемѣна.

Казнь Остраницы.

«На мѣсто замученнаго Павлюги, выбранъ въ 1638 году Гетманомъ Полковникъ Нѣжинскій Стефанъ Остраница, а къ нему приданъ въ Совѣтники изъ стараго и заслуженнаго товариства Леонъ Гуня, коего благоразуміе въ войскѣ отмѣнно уважаемо было. Коронный Гетманъ Лянцкоронскій съ войсками своими Польскими не преставалъ нападать на города и селенія Малороссійскія и на войска, ихъ защищавшія, и нападенія его сопровождаемы были грабежемъ, контрибуціями, убійствами и всѣхъ родовъ безчинствами и насиліями. Гетману Остраницѣ великаго искусства надобно было собрать свои войска, вездѣ разсѣянныя и всегда преслѣдуемыя Поляками и ихъ шпіонами; наконецъ собрались они скрытыми путями и по ночамъ къ городу Переяславлю, и первое предпріятіе ихъ было очистить отъ войскъ Польскихъ Приднѣпрскіе города, на обоихъ берегахъ сея рѣки имѣющіеся, и возстановить безопасное сообщеніе жителей и

войскъ обѣихъ сторонъ. Успѣхъ соотвѣтствовалъ предпріятію весьма удачно. Войска Польскія, при городахъ и внутри ихъ бывшія, не ожидая никакъ предпріятій казацкихъ, по причинѣ наведенныхъ имъ страховъ послѣднею зрадою и лютостію, надъ Павлюгою и другими чинами произведенною, ликовали въ совершенной безпечности, и потому они вездѣ были разбиты; а упорно защищавшіесь истреблены до послѣдняго. Аммуниція ихъ и артиллерія достались казакамъ, и они, собравшись въ одно мѣсто, вооруженные наилучшимъ образомъ, пошли искать Гетмана Лянцкоронскаго, который съ главнымъ войскомъ Польскимъ собрался и укрѣпился въ станѣ при рѣкѣ Старицѣ. Гетманъ Остраница тутъ его засталъ и атаковалъ своимъ войскомъ. Нападеніе и отпоръ были жестокіе и превосходящіе всякое воображеніе. Лянцкоронскій зналъ, какому онъ подверженъ мщенію отъ казаковъ за злодѣйство, его вѣроломствомъ и зрадою произведенное надъ Гетманомъ ихъ Павлюгою и Старшинами, и для того защищался до отчаянія; а казаки, имѣя всегда въ памяти недавно видѣнныя ими на позорищѣ въ городахъ отрубленныя головы ихъ собратій, злобились на Лянцкоронскаго и Поляковъ до остервенѣнія, и потому вели атаку свою съ жестокостію, похожею на нѣчто чудовищное; и наконецъ, сдѣлавши залпъ со всѣхъ ружей и пушекъ и произведши дымъ почти непроницаемый, пошли и поползли на Польскія укрѣпленія съ удивительною отвагою и опрометчивостію, и вломясь въ нихъ, удари-

ли на копья и сабли съ слѣпымъ размахомъ. Крикъ и стонъ народный, трескъ и звукъ оружія уподоблялись грозной тучѣ, все повергающей. Пораженіе Поляковъ было повсемѣстно и самое губительное. Они оборонялись однѣми саблями, не успѣвая заряжать ружьевъ и пистолетовъ, и шли задомъ до рѣки Старицы, а тутъ, повергаясь въ нее въ безпамятствѣ, перетопились и загрязли цѣлыми толпами. Гетманъ ихъ Лянцкоронскій, съ лучшею немногою конницею, завременно бросился въ рѣку, и переправившись черезъ нее, пустился въ бѣгъ, не осматриваясь и куда лошади несли. Станъ Польскій, наполненный мертвецами, достался казакамъ съ превеликою добычею, состоящею въ артиллеріи и всякаго рода оружіи и запасахъ. Казаки по сей славной побѣдѣ, воздѣвши руки къ Небесамъ, благодарили за нее Бога, поборающаго за невинныхъ и неправедно гонимыхъ. Потомъ, отдавая долгъ человѣчеству, погребли тѣла убіенныхъ и сочли Польскихъ мертвецовъ 11,317, а своихъ 4,727 человѣкъ, и въ томъ числѣ Совѣтника Гуню. Управившись съ похоронами и корыстьми, погнались за Гетманомъ Лянцкоронскимъ, и настигнувъ его въ мѣстечкѣ Полонномъ ожидающаго помощи изъ Польши, тутъ атаковали его запершагось въ замкѣ. Онъ, не допустивъ казаковъ штурмовать замка, выслалъ противъ нихъ навстрѣчу церковную процессію съ крестами, хоругвями и духовенствомъ Русскимъ, кои предлагая миръ отъ Гетмана и отъ всея Польши, молили и заклинали Богомъ Гетмана Остра-

ницу и его войска, чтобы преклонились они на мирныя предложенія. По долгомъ совѣщаніи и учиненныхъ съ обѣихъ сторонъ клятвахъ, собрались въ церковь высланные отъ обоихъ Гетмановъ чиновники, и написавши тутъ трактатъ вѣчнаго мира и полной амнистіи, предающей забвенію все прошедшее, подписали его съ присягою на Евангеліи о вѣчномъ храненіи написанныхъ артикуловъ и всѣхъ правъ и привиллегій казацкихъ и общенародныхъ. За симъ разошлись войска во свояси.

Гетманъ Остраница, разославъ свои войска, иныя по городамъ въ гарнизоны, а другія въ ихъ жилища, самъ, и со Старшинами Генеральными и со многими Полковниками и Сотниками, заѣхалъ въ городъ Каневъ для принесенія Богу благодарственныхъ моленій въ монастырѣ тамошнемъ. Поляки, отличавшіеся всегда въ условіяхъ и клятвахъ непостоянными и вѣроломными, держали трактатъ съ присягою, въ Полонномъ заключенный, наровнѣ со всѣми прежними условіями и трактатами, у казаковъ съ ними бывшими, то есть, въ одномъ вѣроломствѣ и презорствѣ; а духовенство ихъ, присвоивъ себѣ непонятную власть на дѣла Божескія и человѣческія, опредѣляло храненіе клятвъ между одними только Католиками своими, а съ другими народами бывшія у нихъ клятвы и условія всегда имъ разрѣшало и отметало, яко схизматицкія и суду Божію не подлежащія. По симъ страннымъ прави-

ламъ, подлымъ коварствомъ сопровождаемымъ, свѣдавши Поляки чрезъ шпіоновъ своихъ жидовъ о поѣздкѣ Гетмана Остраницы съ штатомъ своимъ безъ нарочитой стражи въ Каневъ, тутъ его въ монастырѣ окружили многолюдною толпою войскъ своихъ, прошедшихъ по ночамъ и байракамъ до самаго монастыря Каневскаго, который стоялъ внѣ города. Гетманъ не прежде узналъ о семъ предательствѣ, какъ уже монастырь наполненъ былъ войсками Польскими, и потому сдался имъ безъ сопротивленія. Они, перевязавъ весь штатъ Гетманской и самого Гетмана, всего тридцать семь человѣкъ, положили ихъ на простыя телеги, а монастырь и церковь тамошніе разграбили допослѣдка, зажгли со всѣхъ сторонъ и сами съ узниками скоропостижно убрались и прошли въ Польшу скрытыми дорогами, боясь погони и нападенія отъ городовъ. Приближаясь къ Варшавѣ, построили они узниковъ своихъ пѣшо по два, вмѣстѣ связанныхъ, а каждому изъ нихъ накинули на шею веревку съ петлею, за которую ведены они конницею по городу съ тріумфомъ и барабаннымъ боемъ, проповѣдуя въ народѣ, что схизматики сіи пойманы на сраженіи, надъ ними одержанномъ; а потомъ заперты они въ подземныя тюрьмы и въ оковы. Жены многихъ захваченныхъ въ неволю чиновниковъ, забравши съ собою малолѣтныхъ дѣтей своихъ, отправились въ Варшаву, надѣясь умилостивить и подвигнуть на жалость знатность тамошнюю трогательнымъ предстательствомъ дѣтей ихъ за сво-

ихъ отцевъ. Но они симъ пищу только кровожаднымъ тиранамъ умножили и отнюдь имъ не помогли; и чиновники сіи, по нѣсколькихъ дняхъ своего заключенія, повлечены на казнь безъ всякихъ разбирательствъ и отвѣтовъ.

Казнь оная была еще первая въ мірѣ и въ своемъ родѣ, и неслыханная въ человѣчествѣ по лютости своей и коварству, и потомство едва ли повѣритъ сему событію, ибо никакому дикому, и самому свирѣпому Японцу, не придетъ въ голову ея изобрѣтеніе; а произведеніе въ дѣйство устрашило бы самыхъ звѣрей и чудовищъ.

Зрѣлище оное открывала процессія Римская со множествомъ Ксендзовъ ихъ, которые уговаривали ведомыхъ на жертву Малороссіянъ, чтобы они приняли законъ ихъ на избавленіе свое въ чистцу; но сіи, ничего имъ не отвѣчая, молились Богу по своей вѣрѣ. Мѣсто казни наполнено было народомъ, войскомъ и палачами съ ихъ орудіями. Гетманъ Остраница, Обозный Генеральный Сурмила и Полковники Недригайло, Боюнъ и Риндичь были колесованы и имъ переломали поминутно руки и ноги, тянули съ нихъ по колесу жилы, пока они скончались; Полковники Гайдаревскій, Бутримъ, Запалѣй и Обозные Кизимъ и Сучевскій пробиты желѣзными спицами насквозь и подняты живые на сваи; Есаулы Полковые: Постыличь, Гарунъ, Сутяга, Подобай, Харчевичь, Чуданъ, Чурай, и Со-

тники: Чуприна, Околовичь, Сокальскій, Мировичь и Ворожбитъ прибиты гвоздями стоячіе къ доскамъ, облитымъ смолою, и сожжены медленно огнемъ; Хорунжіе: Могилянскій, Загреба, Скребило, Ахтырка, Потурай, Бурлѣй и Загнибѣда разтерзаны желѣзными когтями, похожими на медвѣжью лапу; Старшины: Ментяй, Дунаевскій, Скубрѣй, Глянскій, Завезунъ, Косырь, Гуртовый, Тумарь и Тугай четвертованы по частямъ. Жены и дѣти страдальцевъ оныхъ, увидя первоначальную казнь, наполняли воздухъ воплями своими и рыданіемъ, но скоро замолкли: . . . оставшихся же по матерямъ дѣтей, бродившихъ и ползавшихъ около ихъ труповъ, пережгли всѣхъ въ виду своихъ отцевъ на желѣзныхъ рѣшсткахъ, подъ кои подкидывали уголья и раздували шапками и метлами.

Главные члены человѣческіе, отрубленные у означенныхъ чиновниковъ Малороссійскихъ, какъ-то: головы, руки и ноги развезены по всей Малороссіи и развѣшены на сваяхъ по городамъ. Разъѣзжавшія при томъ войска Польскія, наполнившія всю Малороссію, дѣлали все то надъ Малороссіянами, что только хотѣли и придумать могли: всѣхъ родовъ безчинства, насилія, грабежи и тиранства, превосходящія всякое понятіе и описаніе. Они между прочимъ нѣсколько разъ повторяли произведенныя въ Варшавѣ лютости надъ несчастными Малороссіянами, нѣсколько разъ варили въ котлахъ и сожигали на угольяхъ дѣтей ихъ въ виду родителей, предавая самыхъ отцевъ

лютѣйшимъ казнямъ. Наконецъ, ограбивъ всѣ церкви благочестивыя Русскія, отдали ихъ въ аренду Жидамъ, и утварь церковную, какъ-то: потиры, дискосы, ризы, стихари и всѣ другія вещи разпродали и пропили тѣмъ же Жидамъ, кои изъ серебра церковнаго подѣлали себѣ посуду и убранство, а ризы и стихари перешили на платье Жидовкамъ; а сіи тѣмъ передъ Христіанами хвастались, показывая нагрудники, на коихъ видны знаки нашитыхъ крестовъ, ими сорванныхъ. И такимъ образомъ Малороссія доведена была Поляками до послѣдняго разоренія и изнеможенія, и все въ ней подобилось тогда нѣкоему хаосу или смѣшенію, грозящему послѣднимъ разрушеніемъ. Никто изъ жителей не зналъ и не былъ обнадеженъ, кому принадлежитъ имѣніе его, семейство и самое бытіе ихъ, и долго-ли оно продлится? Всякой съ потеряніемъ имущества своего искалъ покровительства то у поповъ Римскихъ и Уніятскихъ, то у Жидовъ, ихъ единомышленниковъ, а своихъ непримиримыхъ враговъ, и не могъ придумать за что схватиться.»

Какъ Историкъ, Георгій Кониской еще не оцѣненъ по достоинству, ибо счастливый мадригалъ приноситъ иногда болѣе славы, нежели созданіе истинно высокое, рѣдко понятное для записныхъ цѣнителей ума человѣческаго и мало доступное для большаго числа читателей.

Протоіерей I. Григоровичь, издавъ сочиненіе великаго Архіепископа Бѣлоруссіи, оказалъ обществу важную услугу. Будемъ надѣяться, что и великій Историкъ Малороссіи найдетъ себѣ наконецъ столь же достойнаго издателя.

СКУПОЙ РЫЦАРЬ.

(Сцены изъ Ченстоновой траги-комедіи: The cavetous Knigth.)

СЦЕНА I. *(въ башнѣ).*

АЛЬБЕРЪ и ИВАНЪ.

АЛЬБЕРЪ.

Во что бы то ни стало, на турнирѣ
Явлюсь я. Покажи мнѣ шлемъ, Иванъ. *(Иванъ подаетъ ему шлемъ.)*
Пробитъ насквозь, испорченъ. Невозможно
Его надѣть. Достать мнѣ надо новый.
Какой ударъ! проклятый Графъ Делоржъ!

ИВАНЪ.

И вы ему порядкомъ отплатили:
Какъ изъ стремянъ вы вышибли его,
Онъ сутки замертво лежалъ — и врядъ-ли
Оправился.

АЛЬБЕРЪ.

А все жъ онъ не въ убыткѣ;
Его нагрудникъ цѣлъ Венеціанскій,
А грудь своя: гроша ему не стоитъ;
Другой себѣ не станетъ покупать.

Зачѣмъ съ него не снялъ я шлема тутъ - же!
А снялъ бы я, когда бъ не было стыдно
Мнѣ дамъ и Герцога. Проклятый Графъ!
Онъ лучше бы мнѣ голову пробилъ.
И платье нужно мнѣ. Въ послѣдній разъ
Всѣ рыцари сидѣли тутъ въ атласѣ
Да бархатѣ; я въ латахъ былъ одинъ
За Герцогскимъ столомъ. Отговорился
Я тѣмъ, что на турниръ попалъ случайно.
А нынче что скажу? О, бѣдность, бѣдность!
Какъ унижаетъ сердце намъ она!
Когда Делоржъ копьемъ своимъ тяжелымъ
Пробилъ мнѣ шлемъ и мимо проскакалъ,
А я съ открытой головой пришпорилъ
Эмира моего, помчался вихремъ
И бросилъ Графа на двадцать шаговъ,
Какъ маленькаго Пажа; какъ всѣ дамы
Привстали съ мѣстъ, когда сама Клотильда,
Закрывъ лице, невольно закричала
И славили Герольды мой ударъ:
Тогда никто не думалъ о причинѣ
И храбрости моей и силы дивной!
Взбѣсился я за поврежденный шлемъ;
Геройству что виною было? — скупость —
Да! заразиться здѣсь не трудно ею
Подъ кровлею одной съ моимъ отцемъ.
Что бѣдный мой Эмиръ?

Иванъ.

Онъ все хромаетъ.
Вамъ выѣхать на немъ еще нельзя.

Альберъ.

Ну дѣлать нечего: куплю гнѣдова.
Не дорого и просятъ за него.

Иванъ.

Недорого, да денегъ нѣтъ у насъ.

Альберъ.

Что-жъ говоритъ бездѣльникъ Соломонъ?

Иванъ.

Онъ говоритъ, что болѣе не можетъ
Въ займы давать вамъ денегъ безъ заклада.

Альберъ.

Закладъ! а гдѣ мнѣ взять заклада, дьяволъ!

Иванъ.

Я сказывалъ.

Альберъ.

Что-жъ онъ?

Иванъ.

Кряхтитъ да жмется.

Альберъ.

Да ты бъ ему сказалъ, что мой отецъ
Богатъ и самъ какъ жидъ, что рано-ль, поздно-ль
Всему наслѣдую.

Иванъ.

Я говорилъ.

Альберъ.

Что-жъ?

Иванъ.

Жмется да кряхтитъ.

Альберъ.

Какое горе!

Иванъ.

Онъ самъ хотѣлъ придти.

Альберъ.

Ну, слава Богу.
Безъ выкупа не выпущу его. *(Стучатъ въ дверь.)*
Кто тамъ? *(Входитъ Жидъ.)*

Жидъ.

Слуга вашъ низкій.

Альберъ.

А, пріятель!
Проклятый жидъ, почтенный Соломонъ,
Пожалуй-ка сюда: такъ ты, я слышу,
Не вѣришь въ долгъ.

Жидъ.

Ахъ, милостивый Рыцарь,
Клянусъ вамъ: радъ бы . . . право не могу.
Гдѣ денегъ взять? весь разорился я,
Все рыцарямъ усердно помогая.
Никто не платитъ. Васъ хотѣлъ просить,
Не можете-ль хоть часть отдать . . . .

Альберъ.

Разбойникъ!
Да еслибъ у меня водились деньги,
Съ тобою сталъ-либъ я возиться? Полно,
Не будь упрямъ, мой милый Соломонъ;
Давай червонцы. Высыпи мнѣ сотню,
Пока тебя не обыскали.

Жидъ.

Сотню!
Когда бъ имѣлъ я сто червонцевъ!

Альберъ.

Слушай:
Не стыдно ли тебѣ своихъ друзей
Не выручать?

Жидъ.

Клянусь вамъ. . .

Альберъ.

Полно, полно.
Ты требуешь заклада? что за вздоръ!
Что дамъ тебѣ въ закладъ? свиную кожу?
Когда бъ я могъ что заложить, давно
Ужъ продалъ бы. Иль рыцарскаго слова
Тебѣ, собака, мало?

Жидъ.

Ваше слово,
Пока вы живы, много, много значитъ.
Всѣ сундуки Фламандскихъ богачей
Какъ талисманъ оно вамъ отопретъ.
Но если вы его передадите

Мнѣ, бѣдному Еврею, а межъ тѣмъ
Умрете (Боже сохрани), тогда
Въ моихъ рукахъ оно подобно будетъ
Ключу отъ брошенной шкатулки въ море.

Альберъ.

Ужель отецъ меня переживетъ?

Жидъ.

Какъ знать? дни наши сочтены не нами;
Цвѣлъ юноша вечоръ, а ныньче умеръ,
И вотъ его четыре старика
Несутъ на сгорбленныхъ плечáхъ въ могилу.
Баронъ здоровъ. Богъ дастъ лѣтъ десять, двадцать
И двадцать пять и тридцать проживетъ онъ.

Альберъ.

Ты врешь, Еврей: да черезъ тридцать лѣтъ
Мнѣ стукнетъ пятьдесятъ, тогда и деньги
Начто мнѣ пригодятся?

Жидъ.

Деньги?—деньги
Всегда, во всякій возрастъ намъ пригодны;
Но юноша въ нихъ ищетъ слугъ проворныхъ
И не жалѣя шлетъ туда, сюда.
Старикъ же видитъ въ нихъ друзей надежныхъ
И бережетъ ихъ какъ зеницу ока.

Альберъ.

О! мой отецъ не слугъ и не друзей
Въ нихъ видитъ, а господъ; и самъ имъ служитъ

И какъ же служитъ? какъ Алжирскій рабъ,
Какъ песъ цѣпной. Въ нетопленной канурѣ
Живетъ, пьетъ воду, ѣстъ сухія корки,
Всю ночь не спитъ, все бѣгаетъ да лаетъ.
А золото спокойно въ сундукахъ
Лежитъ себѣ. Молчи! когда нибудь
Оно послужитъ мнѣ, лежать забудетъ.

Ж и д ъ.

Да, на Бароновыхъ похоронахъ
Прольется больше денегъ, нежель слезъ.
Пошли вамъ Богъ скорѣй наслѣдство.

А л ь б е р ъ.

Amen!

Ж и д ъ.

А можно бъ . . . .

А л ь б е р ъ.

Что?

Ж и д ъ.

Такъ, думалъ я, что средство
Такое есть. . . .

А л ь б е р ъ.

Какое средство?

Ж и д ъ.

Такъ —
Есть у меня знакомый старичокъ,
Еврей, Аптекарь бѣдный . . .

Альберъ.

Ростовщикъ
Такой-же какъ и ты, иль почестнѣе?

Жидъ.

Нѣтъ, рыцарь, Товій торгъ ведетъ иной —
Онъ составляетъ капли . . . право, чудно,
Какъ дѣйствуютъ онѣ.

Альберъ.

А что мнѣ въ нихъ?

Жидъ.

Въ стаканъ воды подлить . . . . трехъ капель будетъ,
Ни вкуса въ нихъ, ни цвѣта незамѣтно;
А человѣкъ безъ рѣзи въ животѣ
Безъ тошноты, безъ боли умираетъ.

Альберъ.

Твой старичокъ торгуетъ ядомъ.

Жидъ.

Да —
И ядомъ.

Альберъ.

Чтожъ? въ займы намѣсто денегъ
Ты мнѣ предложишь стклянокъ двѣсти яду
За стклянку по червонцу. Такъ-ли, что ли?

Жидъ.

Смѣяться вамъ угодно надо мною
Нѣтъ; я хотѣлъ . . . . быть можетъ вы . . . я, думалъ,
Что ужъ Барону время умереть.

АЛЬБЕРЪ.

Какъ! отравить отца! и смѣлъ ты сыну . . .
Иванъ! держи его. И смѣлъ ты мнѣ! . . .
Да знаешь-ли, жидовская душа,
Собака, змѣй! что я тебя сей часъ-же
На воротахъ повѣшу.

ЖИДЪ.

Виноватъ!
Простите: я шутилъ.

АЛЬБЕРЪ.

Иванъ, веревку.

ЖИДЪ.

I . . . я шутилъ. Я деньги вамъ принесъ.

АЛЬБЕРЪ.

Вонъ, песъ! *(Жидъ уходитъ).*
Вотъ до чего меня доводитъ
Отца роднаго скупость! Жидъ мнѣ смѣлъ
Что предложить! Дай мнѣ стаканъ вина,
Я весь дрожу . . . Иванъ, однако жъ деньги
Мнѣ нужны. Сбѣгай за жидомъ проклятымъ,
Возьми его червонцы. Да сюда
Мнѣ принеси чернильницу. Я плуту
осписку дамъ. Да не вводи сюда
уду этаго . . . Иль нѣтъ, постой,
Его червонцы будутъ пахнуть ядомъ,
Какъ сребренники пращура его . . . .
Я спрашивалъ вина.

Иванъ.

У насъ вина—
Ни капли нѣтъ.

Альберъ.

А то, что мнѣ прислалъ
Въ подарокъ изъ Испаніи Ремонъ?

Иванъ.

Вечоръ я снесъ послѣднюю бутылку
Больному кузнецу.

Альберъ.

Да, помню, знаю . . . .
Такъ дай воды. Проклятое житье!
Нѣтъ, рѣшено — пойду искать управы
У Герцога: пускай отца заставятъ
Меня держать какъ сына, не какъ мышь,
Рожденную въ подпольѣ.

СЦЕНА II *(подвалъ.)*

Баронъ.

Какъ молодой повѣса ждетъ свиданія
Съ какой нибудь развратницей лукавой,
Иль дурой имъ обманутой, такъ я
Весь день минуты ждалъ, когда сойду
Въ подвалъ мой тайный къ вѣрнымъ сундукамъ.
Счастливый день! могу сегодня я
Въ шестой сундукъ (въ сундукъ еще неполный)
Горсть золота накопленнаго всыпать.
Не много кажется, но понемногу
Сокровища растутъ. Читалъ я гдѣ-то,

Что Царь однажды воинамъ своимъ
Велѣлъ снести земли по горсти въ кучу,
И гордый холмъ возвысился — и Царь
Могъ съ вышины съ весельемъ озирать
И долъ, покрытый бѣлыми шатрами,
И море, гдѣ бѣжали корабли.
Такъ я, по горсти бѣдной принося
Привычну дань мою сюда въ подвалъ,
Вознесъ мой холмъ — и съ высоты его
Могу взирать на все, что мнѣ подвластно.
Что не подвластно мнѣ? какъ нѣкій демонъ
Отселѣ править міромъ я могу;
Лишь захочу — воздвигнутся чертоги;
Въ великолѣпные мои сады
Сбѣгутся Нимфы рѣзвою толпою;
И Музы дань свою мнѣ принесутъ,
И вольный Геній мнѣ поработится,
И добродѣтель и безсонный трудъ
Смиренно будутъ ждать моей награды.
Я свисну, и ко мнѣ послушно, робко
Вползетъ окровавленное злодѣйство,
И руку будетъ мнѣ лизать, и въ очи
Смотрѣть, въ нихъ знакъ моей читая воли.
Мнѣ все послушно, я же — ничему;
Я выше всѣхъ желаній; я спокоенъ;
Я знаю мощь мою: съ меня довольно
Сего сознанья . . . . (*смотритъ на свое золото.*)
Кажется не много,
А сколькихъ человѣческихъ заботъ,
Обмановъ, слезъ, моленій и проклятій
Оно тяжеловѣсный представитель!

Тутъ есть дублонъ старинный . . . . вотъ онъ. Ныньче
Вдова мнѣ отдала его, но прежде
Съ тремя дѣтьми полдня передъ окномъ
Она стояла на колѣнахъ воя.
Шелъ дождь, и пересталъ и вновь пошелъ,
Притворщица не трогалась; я могъ бы
Ее прогнать, но что-то мнѣ шептало,
Что мужнинъ долгъ она мнѣ принесла,
И не захочетъ завтра быть въ тюрьмѣ.
А этотъ? этотъ мнѣ принесъ Тибо —
Гдѣ было взять ему лѣнивцу, плуту?
Укралъ конечно, или, можетъ быть,
Тамъ на большой дорогѣ, ночью, въ рощѣ . . .
Да! если бы всѣ слезы, кровь и потъ,
Пролитые за все, что здѣсь хранится,
Изъ нѣдръ земныхъ всѣ выступили вдругъ,
То былъ бы вновь потопъ — я захлебнулся бъ
Въ моихъ подвалахъ вѣрныхъ. Но пора.

(Хочетъ отперетъ сундукъ.)

Я каждый разъ, когда хочу сундукъ
Мой отперетъ, впадаю въ жаръ и трепетъ.
Не страхъ (о, нѣтъ! кого бояться мнѣ?
При мнѣ мой мечъ, за злато отвѣчаетъ
Честной булатъ.), но сердце мнѣ тѣснитъ
Какое-то невѣдомое чувство . . . .
Насъ увѣряютъ медики: есть люди,
Въ убійствѣ находящіе пріятность
Когда я ключъ въ замокъ влагаю, тоже
Я чувствую, что чувствовать должны
Они, вонзая въ жертву ножъ: пріятно
И страшно вмѣстѣ. *(Отпираетъ сундукъ.)*

Вотъ мое блаженство! *(Всыпаетъ деньги.)*

Ступайте, полно вамъ по свѣту рыскать,
Служа страстямъ и нуждамъ человѣка.
Усните здѣсь сномъ силы и покоя,
Какъ Боги спятъ въ глубокихъ небесахъ. — — —
Хочу себѣ сегодня пиръ устроить:
Зажгу свѣчу предъ каждымъ сундукомъ,
И всѣ ихъ отопру, и стану самъ
Средь иихъ глядѣть на блещущія груды.

(Зажигаетъ свѣчи и отпираетъ сундуки одинъ за другимъ.)

Я царствую! — — — Какой волшебный блескъ!
Послушна мнѣ, сильна моя держава;
Въ ней счастіе, въ ней честь моя и слава!
Я царствую — — но кто во слѣдъ за мной
Пріиметъ власть надъ нею? Мой наслѣдникъ!
Безумецъ, разточитель молодой,
Развратниковъ разгульныхъ собесѣдникъ!
Едва умру, онъ, онъ! сойдетъ сюда
Подъ эти мирные, нѣмые своды
Съ толпой ласкателей, придворныхъ жадныхъ.
Укравъ ключи у трупа моего,
Онъ сундуки со смѣхомъ отопретъ.
И потекутъ сокровища мои
Въ атласные, диравые карманы.
Онъ разобьетъ священные сосуды,
Онъ грязь елеемъ царскимъ напоитъ —
Онъ разточитъ . . . . А по какому праву?
Мнѣ развѣ даромъ это все досталось,
Или шутя, какъ игроку, который

Гремитъ костьми, да груды загребаетъ?
Кто знаетъ, сколько горькихъ воздержаній,
Обузданныхъ страстей, тяжелыхъ думъ,
Дневныхъ заботъ, ночей безсонныхъ мнѣ
Все это стоило? Иль скажетъ сынъ,
Что сердце у меня обросло мохомъ,
Что я не зналъ желаній, что меня
И совѣсть никогда не грызла, совѣсть,
Когтистый звѣрь, скребящій сердце, совѣсть,
Незваный гость, докучный собесѣдникъ,
Заимодавецъ грубый, эта вѣдьма,
Отъ коей меркнетъ мѣсяцъ и могилы
Смущаются и мертвыхъ высылаютъ? — — —
Нѣтъ, выстрадай сперва себѣ богатство,
А тамъ, посмотримъ, станетъ-ли несчастный
То разточать, что кровью пріобрѣлъ.
О, еслибъ могъ отъ взоровъ недостойныхъ
Я скрыть подвалъ! о, еслибъ изъ могилы
Придти я могъ, сторожевою тѣнью
Сидѣть на сундукѣ и отъ живыхъ
Сокровища мои хранить какъ нынѣ! — —

СЦЕНА III *(во дворцѣ).*

АЛЬБЕРЪ, ГЕРЦОГЪ.

Альберъ.

Повѣрьте, Государь, терпѣлъ я долго
Стыдъ горькой бѣдности. Когда бъ не крайность,
Вы бъ жалобы моей не услыхали.

Герцогъ.

Я вѣрю, вѣрю: благородный рыцарь,
Таковъ какъ вы, отца не обвинитъ
Безъ крайности. Такихъ развратныхъ мало...
Спокойны будьте: вашего отца
Усовѣщу наединѣ, безъ шуму.
Я жду его. Давно мы не видались.
Онъ былъ другъ дѣду моему. Я помню,
Когда я былъ еще ребенкомъ, онъ
Меня сажалъ на своего коня
И покрывалъ свомъ тяжелымъ шлемомъ
Какъ будто колоколомъ. — *(Смотритъ въ окно.)*
Это кто?
Не онъ ли?

Альберъ.

Такъ, онъ — Государь.

Герцогъ.

Подите-жъ
Въ ту комнату. Я кликну васъ.
(Альберъ уходитъ; входитъ Баронъ).
Баронъ,
Я радъ васъ видѣть бодрымъ и здоровымъ.

Баронъ.

Я счастливъ, Государь, что въ силахъ былъ
До приказанью Вашему явиться.

Герцогъ.

Давно, Баронъ, давно разстались мы.
Вы помните меня?

Баронъ.

Я, Государь?
Я какъ теперь васъ вижу. О, вы были
Ребенокъ рѣзвый.—Мнѣ покойный Герцогъ
Говаривалъ: Филиппъ (онъ звалъ меня
Всегда Филиппомъ), что ты скажешь? а?
Лѣтъ черезъ двадцать, право, ты да я,
Мы будемъ глупы передъ этимъ малымъ....
Предъ Вами, то есть....

Герцогъ.

Мы теперь знакомство
Возобновимъ. Вы Дворъ забыли мой.

Баронъ.

Старъ, Государь, я нынче: при Дворѣ
Что дѣлать мнѣ? Вы молоды; вамъ любы
Турниры, праздники. А я на нихъ
Ужъ не гожусь. Богъ дастъ войну, такъ я
Готовъ, кряхтя, взлѣзть снова на коня;
Еще достанетъ силы старый мечь
За васъ рукой дрожащей обнажить.

Герцогъ.

Баронъ, усердье ваше намъ извѣстно;
Вы дѣду были другомъ; мой отецъ
Васъ уважалъ. И я всегда считалъ
Васъ вѣрнымъ, храбрымъ рыцаремъ—но сядемъ.
У васъ, Баронъ, есть дѣти?

Баронъ.

Сынъ одинъ.

Герцогъ.

Зачѣмъ его я при себѣ не вижу?
Вамъ Дворъ наскучилъ, но ему прилично
Въ его лѣтахъ и званьи быть при насъ.

Баронъ.

Мой сынъ не любитъ шумной, свѣтской жизни;
Онъ дикаго и сумрачнаго нрава —
Вкругъ замка по лѣсамъ, онъ вѣчно бродитъ
Какъ молодой олень.

Герцогъ

Не хорошо
Ему дичиться. Мы тотчасъ пріучимъ
Его къ весельямъ, къ баламъ и турнирамъ.
Пришлите мнѣ его; назначьте сыну
Приличное по званью содержанье — — —
Вы хмуритесь, устали вы съ дороги,
Быть можетъ.

Баронъ.

Государь, я не усталъ;
Но вы меня смутили. Передъ вами
Ябъ не хотѣлъ сознаться, но меня
Вы принуждаете сказать о сынѣ
То, что желалъ отъ васъ бы утаить.
Онъ, Государь, къ несчастью, недостоинъ
Ни милостей, ни вашего вниманья.
Онъ молодость свою проводитъ въ буйствѣ,
Въ порокахъ низкихъ....

Герцогъ.

Это потому,
Баронъ, что онъ одинъ. Уединенье

И праздность губятъ молодыхъ людей.
Пришлите къ намъ его: онъ позабудетъ
Привычки, зарожденныя въ глуши.

Баронъ.

Простите мнѣ, но право, Государь,
Я согласиться не могу на это....

Герцогъ.

Но почему жъ?

Баронъ.

Увольте старика...

Герцогъ.

Я требую: откройте мнѣ причину
Отказа вашего.

Баронъ.

На сына я
Сердитъ.

Герцогъ.

За что?

Баронъ.

За злое преступленье.

Герцогъ.

А въ чемъ оно скажите состоитъ?

Баронъ.

Увольте, Герцогъ...

Герцогъ.

Это очень странно,
Или вамъ стыдно за него?

Баронъ.

Да.... стыдно....

Герцогъ.

Но что же сдѣлалъ онъ?

Баронъ.

Онъ.... онъ меня
Хотѣлъ убить.

Герцогъ.

Убить! такъ я суду
Его предамъ, какъ чернаго злодѣя.

Баронъ.

Доказывать не стану я, хоть знаю,
Что точно смерти жаждетъ онъ моей,
Хоть знаю то, что покушался онъ
Меня....

Герцогъ.

Что?

Баронъ.

Обокрасть.

(Альберъ бросается въ комнату).

Альберъ.

Баронъ, вы лжете.

Герцогъ. *(Сыну.)*

Какъ смѣли вы?...

Баронъ.

Ты здѣсь! ты, ты мнѣ смѣлъ!...
Ты могъ отцу такое слово молвить!...
Я лгу и передъ нашимъ Государемъ!...
Мнѣ, мнѣ.... иль ужъ не рыцарь я.

Альберъ.

Вы лжецъ.

Баронъ.

И громъ еще не грянулъ, Боже правый!
Такъ подыми жъ, и мечь насъ разсуди!
(бросаетъ перчатку, сынъ поспѣшно ее подымаетъ.)

Альберъ.

Благодарю. Вотъ первый даръ отца.

Герцогъ.

Что видѣлъ я? что было предо мною?
Сынъ принялъ вызовъ стараго отца!
Въ какіе дни надѣлъ я на себя
Цѣпь Герцоговъ! Молчите: ты, безумецъ
И ты, тигренокъ! полно. *(сыну)* Бросьте это;
Отдайте мнѣ перчатку эту *(отнимаетъ ее.)*

Альберъ. (a parte)

Жаль.

Герцогъ.

Такъ и впился въ нее когтями!—извергъ!
Подите: на глаза мои не смѣйте
Являться до тѣхъ поръ, пока я самъ
Не призову васъ. *(Альберъ выходитъ).*
Вы, старикъ несчастный,
Не стыдно ль вамъ ....

Баронъ.

Простите, Государь ....
Стоять я не могу ... мои колѣна
Слабѣютъ .... душно! ... душно! ... Гдѣ ключи?
Ключи, ключи мои!

Герцогъ.

Онъ умеръ. Боже!
Ужасный вѣкъ, ужасныя сердца!

P.

О РИФМѢ.

Если бы во времена Софокла и Горація появилась трагедія или ода съ рифмами, что̀ сказали бы Греки и Римляне, эти превосходные цѣнители изящнаго въ мірѣ чувственности, къ которой относится и рифма? Подумали ли бы они, что рифма, въ теченіи вѣковъ, сдѣлается поясомъ Венеры, необходимымъ для важной, величественной Юноны, чтобъ плѣнять? Нѣтъ сомнѣнія, что тонкій слухъ этихъ народовъ, столь хорошо понимавшій всѣ таинственныя прелести *ритма*, содрогнулся бы отъ рифмы, какъ отъ непростительнаго варваризма! Говорятъ, рифма произошла отъ стремленія души къ симметріи во всемъ, даже въ звукахъ; если такъ, то она долженствовала бы родиться у Грековъ, кои довели пластику до совершенства, и донынѣ, въ исторіи Искусства, предо всѣми народами отличаются чувствомъ формы и симметріи. Мы упомянули о вѣкѣ Августа и — между тѣмъ — должны признаться, что находимъ первыя рифмы въ этомъ вѣкѣ, а именно у *Овидія*, хотя употребленіе ихъ и раз-

личествуетъ отъ нынѣшняго; мы говоримъ: *первыя*, ибо Арабы, коимъ приписывается изобрѣтеніе рифмы, сами относятъ свое просвѣщеніе къ временамъ гораздо позднѣйшимъ. Весьма замѣчательно, что, изо всѣхъ классическихъ писателей тѣхъ временъ, у *одного* Овидія, который часто удаляется отъ возвышенной простоты Древнихъ и впадаетъ въ надутость, чувственность и пустословіе, у него только встрѣчается нѣсколько рифмъ, случайныхъ, или умышленныхъ — какъ рѣшить? Если бы Поэтъ ими хотѣлъ ярче освѣтить смыслъ и аналогію двухъ идей, то обрадовался бы этой находкѣ и не ограничился бы столь малымъ числомъ рифмъ, коими Латинскій языкъ не бѣденъ, какъ доказываютъ рифмованные гекзаметры Парижскаго монаха *Леона* и вообще Латинскіе стихи среднихъ вѣковъ. Во всякомъ случаѣ можно сказать рѣшительно, что Овидій не почиталъ рифмъ *красотою;* иногда несомнительно, что онъ только *терпѣлъ* этимъ грѣхамъ, ради удачнаго выраженія, напримѣръ:

Quot coelum *stellas*, tot habet tua Roma *puellas!* (т. е. сколько на Небѣ звѣздъ, столько красавицъ въ твоемъ Римѣ!). Кто не видитъ, что stella (звѣзда) и puella (дѣва) сведены взаимнымъ символическимъ отраженіемъ, между ними существующимъ въ воображеніи Поэта? По той же причинѣ и Римляне того вѣка могли только *простить* подобный стихъ, а не плѣняться созвучіемъ. Римская чернь гораздо лучше понимала истинно-изящное, нежели пони-

маемъ мы. Ораторы, каковъ Цицеронъ, Гортензій и Юлій Цесарь, гордились похвалою черни, которая безъ единодушнаго изъявленія восторга не пропускала ни одного замѣчательнаго періода рѣчи, и съ тѣмъ же единодушіемъ немилосердо освистывала каждую неокругленную фразу или даже ошибку противу благозвучія. Еслибъ какой-нибудь ораторъ на рострахъ началъ говорить въ рифмахъ — какъ недавно одинъ Парижскій франтъ защищался въ Cour d'assises — его навѣрное разругали бы тутъ же! (Извѣстно, что Римляне имѣли эту привычку.)

Когда же начинается владычество рифмы, заимствованной у Арабовъ Готами и южными народами? Во времена *Провенцаловъ*, коихъ Трубадуры усовершенствовали эту восточную игрушку искуснымъ переплетеніемъ рифмъ и —, слѣдственно — были первые рифмоплеты! Рифма и рыцарскій духъ блаженною четою обладали великимъ эдемомъ Романтики! Но посмотримъ, доказываетъ ли происхожденіе, распространеніе и владычество рифмы что нибудь въ ея пользу?

Она родилась у Арабовъ. Никто не будетъ оспоривать поэтическаго достоинства и нѣкогда сильнаго вліянія сего народа на образованность Европы. Уже древнѣйшая ихъ Поэзія, *Моаллакаатъ*, собраніе семи стихотвореній семи поэтовъ пятаго вѣка, переведенное Гартманомъ подъ названіемъ: »*Лучезарныя Плеяды на поэтическомъ небѣ Аравіи*,« отличается жаромъ и силою чувствъ и роскошью

воображенія. Какъ бы желая нѣкоторымъ образомъ вознаградить насъ за сожженіе Александрійской библіотеки, Арабы сообщили намъ свои разнородныя познанія, воинственный духъ, пламенныя страсти, поэтическій міръ волшебства, всѣ элементы, изъ коихъ составлялась Романтика Среднихъ вѣковъ. Поэзія Востока неистощимо богата, но вкусъ Магометанскихъ народовъ страненъ и дуренъ, по единогласному мнѣнію образованнѣйшихъ націй. Пустое возраженіе, что нѣтъ красоты безусловной, не можетъ имѣть вѣсу въ наше время, когда изъ образованія ума и сердца явствуетъ, что для всего человѣчества существуетъ *одна* истина, а для искусства *одинъ* законъ изящнаго: чѣмъ ближе какое-либо произведеніе къ природѣ, или къ идеалу (т. е. къ совершеннѣйшему проявленію природы въ области идей)—тѣмъ оно и лучше! Поэзія этихъ народовъ не есть чистый отпечатокъ роскошной природы Востока, которая, среди своихъ разнообразнѣйшихъ богатствъ, все-таки обнаруживаетъ простую всемірную идею *единства*, понятную для чистаго эстетическаго чувства; она есть только оттискъ ихъ нравственной необразованности. Вкусъ Магометанскаго Востока то же бусурманство, основанное на ложныхъ понятіяхъ и грубыхъ чувствахъ. Странное употребленіе рифмы у Арабовъ доказываетъ, что они изъ своего полнозвучнаго языка хотѣли сдѣлать дѣтскую игрушку для уха: одна и таже рифма проведена черезъ всю оду. Вотъ какъ родилась рифма! Надобно признаться, что къ колыбели этой соблазнительницы міра не подходили Граціи

Отыщемъ ее въ Европѣ.

Въ неизвѣстныхъ Древнему міру лѣсахъ и дебряхъ безмолствовали дикіе народы, какъ огромныя машины, устроенныя Провидѣніемъ для неисповѣдимой цѣли, но еще не приведенныя въ движеніе. Китай коснулся одного колеса—и зашумѣла вся эта ужасная механика въ порывистыхъ совратахъ и начала сокрушать Римскую Имперію, и послѣднимъ колесомъ проходила по лицу дальней Люзитаніи: Варвары затопляли всю Европу! Какъ послѣ потопа земля оюнѣла, такъ и послѣ политическихъ переворотовъ явились новые народы, рожденные въ эту двухсотлѣтнюю бурю—явилось юное человѣчество! Его первымъ, блестящимъ цвѣтомъ была жизнь Провенцаловъ — безпрерывное празднество любви и юности, со всѣми играми и потѣхами утонченной чувственности! Выраженіемъ этого полудѣтскаго, лирическаго возраста долженствовала быть *такая* поэзія, какую видимъ у Провенцаловъ: свѣжесть и сила, пестрая роскошь, безотчетное изліяніе чувствъ и мотыльковая игривость — могла ли такая поэзія обходиться безъ рифмы? и могла ли рифма не сообщиться *такимъ* — составляющимся въ тотъ періодъ языкамъ, каковы Испанскій, Португальскій и Итальянскій? Зной ихъ, сладострастная природа Юга должна была вдохнуть въ своихъ обитателей нѣгу, роскошь воображенія, чувственную склонность къ полнымъ, глубокимъ звукамъ и къ прихотливой игрѣ созвучій, коими изобилуетъ въ особенности Испанскій языкъ. Хотя Римляне владѣли Испаніею

столько времени, что для литературы своей могли тамъ пріобрѣсти Квинтиліана, но вліяніе Римскаго просвѣщенія исчезло подъ владычествомъ Вестготовъ и романтическихъ Арабовъ; туземный *romanzo* и новое Кастильское нарѣчіе, присвоивая себѣ столько элементовъ, чуждыхъ Риму, не вспомнили о древнемъ ритмѣ, который, постигнутый во всемъ своемъ достоинствѣ, могъ бы уравновѣсить рѣшительную склонность къ потѣшнымъ побрякушкамъ рифмы и ассонансовъ. Жители Италіи, коимъ по крайней мѣрѣ отечественная почва всегда напоминала о Римѣ, также не приняли древняго метра, и принять не могли уже по той причинѣ, что Итальянская поэзія зачалась не въ Италіи. Германскія племена, разрушая Римскую Имперію, обезображивали и Латинскій языкъ; составилось дикое нарѣчіе, неудобное для поэзіи. Въ это время находимъ новое доказательство тому, что житель Юга всего прежде ищетъ въ стихахъ чувственнаго удовольствія: Итальянцы, весьма мало понимая языкъ Провенцаловъ, съ восторгомъ принимали Трубадуровъ и радовались рифмамъ, однѣмъ *рифмамъ!* — Изъ-за моря носились отголоски Провенцальской поэзіи въ прекрасную Сицилію: *тамъ* зачалась поэзія Итальянская. Если бы *Дантъ* родился однимъ вѣкомъ прежде, то Итальянскій языкъ вѣроятно не удалился бы столько отъ Латинскаго и — можетъ быть — не имѣлъ бы рифмы, и, во всякомъ случаѣ, не представлялъ бы такого разительнаго контраста между женскою нѣжностью своей — и важнымъ, возвышеннымъ, пластическимъ духомъ *божественной комедіи.* Дантъ

уже не могъ разрыть твердаго основанія, положеннаго поэтами Сициліи и Тосканы: онъ могъ только достроить зданіе, по данному плану, и отличаться отдѣлкою. Не взирая на то, пышная терцина не могла замѣнить ритма знатоку Древности, знаменитому поклоннику Музъ: Петрарка на Латинскомъ языкѣ писалъ не только эклоги и посланія, но и *Эпопею*. Даже пѣвецъ Декамерона не хотѣлъ сочинить своей эпитафіи на природномъ языкѣ, не хотѣлъ Итальянскимъ стихомъ сказать, что милая *Поэзія* была его умственнымъ занятіемъ (studium fuit alma poësis).

Языкъ Французскій, происходящій отъ нарѣчія Сѣверной Франціи — langue d'oui — еще гораздо менѣе другихъ романскихъ языковъ могъ обходиться безъ рифмы, ибо онъ устройствомъ своимъ болѣе всѣхъ противится самымъ простымъ метрамъ.

Но рифма завоевала и языки Сѣвера, кои всѣ, кромѣ Польскаго, весьма способны ко всѣмъ Меандрическимъ извивамъ метровъ? И *тамъ* нечего было противопоставить соблазнительному нововведенію, идолу Юга, ибо Сѣверъ никогда не слыхалъ о древнемъ ритмѣ, и не могъ бы уразумѣть его плѣнительныхъ таинствъ, открываемыхъ только на высокой степени просвѣщенія! Увидимъ, какъ Сѣверъ впослѣдствіи поступилъ и еще нынѣ поступаетъ съ рифмою.

Обратимся къ древней Руси. Здѣсь, въ отношеніи къ рифмѣ, представляется нѣчто замѣчательное.

Русскіе до того любятъ созвучіе, что разрѣшили своему языку всѣ плеоназмы; Русскіе такъ охотно замыкаютъ свои пословицы и поговорки рифмою, но — между тѣмъ — не покорились ей въ своей народной поэзіи! Чѣмъ объяснить это мнимое противорѣчіе? Ужели тѣмъ, что легче слагать пѣсню безъ рифмы, нежели съ рифмою? Но Русскій языкъ такъ богатъ рифмами; онѣ такъ легко даются Русскому народу, когда онъ *остритъ и балагуритъ*, что не могли бы затруднять слаганія пѣсни, въ которой нѣтъ и силлабическаго порядка. Мы должны глубже искать разрѣшенія этого вопроса, который не только любопытенъ, но и важенъ тѣмъ, что народная Поэзія есть совершенно вѣрное отраженіе самого народа. Если мы докажемъ, что воздержаніе отъ рифмы имѣетъ причину *эстетическую*, то этимъ прибавится прекрасная черта въ умственной физіогноміи Русскаго.

Первобытная Поэзія всѣхъ коренныхъ народовъ, не подверженныхъ чужому вліянію, была выраженіемъ чистыхъ природныхъ чувствъ и развивалась природнымъ растеніемъ. Природа вѣрна себѣ и чужда всякой искусственности; природа *важна* въ поэтической игрѣ своихъ производительныхъ силъ — и вотъ почему поэзія Евреевъ, Индусовъ, Грековъ, Римлянъ и древнихъ Скандинавовъ не знала рифмы! Народная Русская Поэзія возникала при Владимірѣ; рапсодіи перваго Баяна раздавались на богатырскихъ пирахъ сего солнышка - Князя, и — безо-всякаго сомнѣнія — тѣмъ же размѣромъ, какимъ написано *Слово о Полку*

Игоревъ. Владычество Татаръ и смутныя времена Лжедимитріевъ не имѣли вліянія на нашу народную поэзію — какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ — она осталась свободнымъ растеніемъ отечественной почвы. Но Евреи, Индусы, Греки, Римляне и древніе Скандинавы не знали рифмы; Русскіе жъ издавна ее знали и любили: отъ чего же не подчиняли ей своихъ пѣсень? Отъ того, что считали ее *шуткою*, а шутить не думали своею пѣснею, т. е. священною истиною душевныхъ изліяній. Какъ балалайка и бубны ладятъ только съ веселіемъ Русскимъ, такъ и рифма согласуется только съ краснымъ словцемъ Русскаго балагура! Справедлива ли такая дешевая оцѣнка рифмы? Мы объ этомъ спросимъ у образованнѣйшихъ народовъ, вдавшихся въ соблазны этой Сирены—и надѣемся получить отвѣтъ утвердительный. Мы тому порадуемся, но не удивимся. Если Русскій народъ, уже во времена грубаго невѣжества, вѣрнымъ чувствомъ постигнулъ нѣсколько вѣчныхъ истинъ, религіозныхъ и политическихъ, то гораздо скорѣе могъ онъ тѣмъ же смѣтливымъ чувствомъ постигнуть и ту художественную истину, которая столь близка къ природѣ человѣческой. Этотъ заунывный голосъ, какой обыкновенно слышится въ Русскихъ пѣсняхъ и который есть основный тонъ нашей народной поэзіи, рѣшительно не допускаетъ легкомысленной игры рифмъ. Возьмите одну изъ древнихъ пѣсень, ту, гдѣ раненый воинъ умираетъ среди поля чистаго, на коврѣ, подлѣ огонька; переложите ее въ лучшіе рифмованные сти-

хи и возвратите народу—вы увидите, что уничтожили духъ этой пѣсни: народъ вамъ скажетъ, что рифма имѣетъ въ себѣ нѣчто *шутливое*, и это непріятнымъ образомъ мѣшаетъ сердцу предаваться унынію пѣсни. Поклонимся вкусу народному!

Мы очень хорошо знаемъ, что и въ тѣхъ пѣсняхъ, которыхъ содержаніе довольно серіозно, иногда прокрадываются рифмы; иначе и быть не можетъ, потому, что ихъ такое множество въ нашемъ языкѣ. Русское чувство ихъ *терпитъ*, когда видитъ, что это неумышленно, что пѣсня не подчиняется этому условію. Однако замѣтьте, что Русскій народный стихъ не получаетъ блеска отъ рифмъ — какъ обыкновенно бываетъ—но скорѣе *затмевается* ею и становится чѣмъ-то низшимъ. Для примѣра возьмемъ одну изъ лучшихъ и извѣстнѣйшихъ пѣсень:

Ты, душа моя, красна дѣвица,
Моя прежняя полюбовница!
Не сиди, мой свѣтъ, долго вечеромъ;
Ты не жги свѣчи воску яраго;
Ты не жди меня до бѣла свѣта!

Здѣсь нѣтъ рифмы, потому, что говоритъ *истинное* чувство, чистосердечное состраданіе къ существу, прежде любимому, а нынѣ покидаемому. Далѣе:

Ахъ! задумалъ я вѣдь женитися,
И зашелъ къ тебѣ распроститися,
За любовь твою поклонитися!

Кто не видитъ, что рифмы придаютъ этому мѣсту совершенно различный характеръ? Кто не видитъ, что здѣсь стыдъ измѣны хочетъ скрываться подъ какою-то принужденною шутливостью, ибо невозможно, чтобы добрый молодецъ не улыбнулся, въ особенности при первомъ изъ этихъ стиховъ. Что измѣнникъ лицемѣритъ и дѣйствительно старается выставить свою женитьбу въ смѣшномъ видѣ, это доказывается *тѣмъ,* чѣмъ онъ, въ продолженіе пѣсни, утѣшаетъ плачущую дѣвицу. Далѣе:

Залилась дѣвица горючимъ слезамъ,
Во слезахъ она слово молвила:
« Размѣняемся, другъ, подарками;
Ты отдай, отдай мой золотъ перстень;
Ты возьми, возьми свой булатный ножъ,
Съ которымъ ты все ко мнѣ ѣзжалъ:
Ты пронзи, пронзи мою бѣлу грудь,
Распори мое ретиво сердце! »

Посмотрите, съ какою вѣрностью Русскій инстинктъ, подъ вліяніемъ истиннаго и глубокаго чувства, проходитъ по Русскому языку черезъ толпу соблазнительныхъ красавицъ-рифмъ, не задѣвая ни одной!

Тутъ возговоритъ добрый молодецъ:
«Ты не плачь, не плачь, красна дѣвица!
Не крушн себя ты, душа моя!
Я ходить буду чаще прежняго;
Я любить стану милѣй стараго! »

Здѣсь опять истинное чувство: молодецъ желалъ бы чѣмъ нибудь уменьшить первую великую боль разлуки, хотя бы это обѣщаніе и было въ обиду его (законной) жены. Со стороны видно, что это притворство: не отецъ его женитъ — молодецъ не преминулъ бы упомянуть о томъ—онъ *самъ* покидаетъ свою красную дѣвицу, плѣнившись другою!

Прослезилась тутъ красна дѣвица;
Таково ему слово молвила:
«Ужъ не грѣть солнцу жарче лѣтняго,
Не любить другу милѣй прежняго!
Инъ женись, женись, добрый молодецъ!
Объ одномъ тебя прошу бѣдная:
Не поставь себѣ въ *похваленіе*,
А моей чести въ *поврежденіе*,
Для меня что ты долгъ холостъ былъ!»

Вотъ опять два стиха съ рифмою — а *гдѣ* она встрѣчается? тамъ, гдѣ говорится о *низости:* хвалиться слабостью женщины! Изъ числа тридцати стиховъ *пять* рифмованныхъ — и во всѣхъ пяти стихахъ смыслъ ознаменованъ чѣмъ - то невыгоднымъ! . . Нашъ выборъ палъ на эту пѣсню единственно по той причинѣ, что она рѣшительно лучшая изо всѣхъ намъ извѣстныхъ въ этомъ родѣ, и потому можетъ и должна быть представительнымъ типомъ своего рода. Нужно ли доказывать критически, какъ она хороша правдою чувствъ и поэзіи? Объ этомъ лучше всѣхъ знаетъ сердце каждаго! Она имѣетъ не только національное, но и всемірное достоинство *тою* правдою, которая относится ко всѣмъ време-

намъ и ко всѣмъ народамъ: скорбью отверженной любви! Если бы Русскій языкъ былъ общеизвѣстенъ, эта пѣсня могла бы съ тѣмъ же успѣхомъ быть пропѣта и подъ миртами Италіи, и въ плѣнительныхъ сіеррахъ Испаніи, не взирая на то, что— вмѣсто прекрасной покорности Русской дѣвицы — Итальянка и Испанка отплатили бы за измѣну — ядомъ или кинжаломъ! Природа такъ чистосердечна въ каждомъ человѣкѣ, что невольно признаемъ достоинство и такой добродѣтели, до которой сами досягнуть не можемъ.

Кромѣ *Слова о Полку Игоревѣ*, еще изъ древнихъ Стихотвореній, собранныхъ Киршею Даниловымъ, видно, до какой степени наша народная поэзія, въ особенности, когда она принимаетъ эпическій характеръ, чуждается рифмы. Считаемъ излишнимъ приводить доказательство тому, что сія послѣдняя ладитъ только съ Русскою шуткою; мы могли бы указать на пѣсни легкаго и веселаго содержанія, а именно на пѣсню «За моремъ синица», исполненную созвучій — но читатель, надѣемся, не потребуетъ убѣдительнѣйшихъ доводовъ.

И такъ Славяне необразованные прежде всѣхъ и вѣрнѣе всѣхъ оцѣнили рифму!

Теперь окинемъ быстрымъ взоромъ Европу, чтобъ узнаться, *гдѣ* рифма еще владычествуетъ спокойно, и *гдѣ* уже явились претенданты на ея волшебный скиптръ. Начнемъ съ дальнѣйшей точки, съ Пиренейскаго полуострова.

Что ни говорите о мужескихъ добродѣтеляхъ Испанскаго народа, о его твердости, важности, самобытности—мы все таки не перестанемъ считать его милымъ, пылкимъ и неразсудительнымъ *юношею*, доколѣ будетъ онъ обнаруживать столько фанатизма въ Религіи, столько ревности и мстительности въ любви, столько излишняго пристрастія къ рифмамъ и созвучіямъ въ своей Поэзіи. Ужели климатъ осудилъ его остаться юношею до конца вѣковъ? Это не согласуется съ основнымъ закономъ природы! Климатъ не имѣетъ *такого* сильнаго вліянія на людей: увидимъ, когда коснемся народа, по языку соплеменнаго Испанцамъ! Но климатъ, долгая война съ Маврами, исторія фанатизма и политическихъ событій, продолжающееся донынѣ броженіе столь различныхъ между собою составныхъ элементовъ сего народа—могли до нашихъ временъ продлить и могутъ еще на нѣсколько вѣковъ отсрочить его юношескій возрастъ. Когда нибудь *созрѣетъ* этотъ народъ! Тогда ясный критическій умъ возстанетъ и начнетъ междоусобную войну съ рифмою, какъ нынѣ воюетъ Донъ Карлосъ съ Христиною. Тогда остынетъ пристрастіе къ созвучіямъ; языкъ соотечественниковъ Квинтиліана, способный ко всѣмъ метрамъ, захочетъ совѣщаться о своихъ *редондиліяхъ* (redondillas) съ своимъ умнымъ, любезнымъ родителемъ, съ языкомъ Латинскимъ—и по его благонамѣреннымъ наставленіямъ откажется ото всѣхъ пустозвонныхъ игрушекъ въ Поэзіи. Этому примѣру можетъ безпрепятственно послѣдовать и сосѣдъ его, родной ему братъ по романскому происхожденію

по склонности къ рифмамъ, по способности къ древнимъ метрамъ — языкъ Пѣвца Лузіады! Вотъ отдаленная, возможная будущность; настоящее подвластно рифмѣ!

Отъ народа самаго поэтическаго — отъ Испанцевъ — перейдемъ черезъ Пиренейскія горы къ народу самому *не* поэтическому, какимъ нарекъ его самъ *Вольтеръ* — къ Французамъ! Могучее вліяніе Норманновъ на сѣверную Францію и перевѣсъ ея надъ южною рѣшили навсегда жалкую участь Французскаго стиха. Если бы Хлодовикъ и Гюго Капетъ не сдѣлали Парижа резиденціею Королей, т. е., если бы на югѣ было средоточіе народной жизни — тогда Трубадуры одолѣли бы Труверовъ, языкъ Франціи развился бы изъ романско-провенцальскаго — и тогда, безъ всякаго сомнѣнія, былъ бы также способенъ къ просодіи. Но теперь, безъ великой *революціи* въ языкѣ — чего ожидать нельзя — нѣтъ возможности исправить стихосложеніе, хотя иногда и мелькаетъ довольно порядочная ямбическая строка. И такъ нѣтъ надежды, чтобы во Франціи когда нибудь минуло царствіе рифмъ? Есть — когда Французская Поэзія откажется отъ *стиха!* И почему бы не отказаться? Фенелонъ написалъ свою *эпопею* прозою; теперь у этого народа и *трагедія* иногда пишется прозою — нѣтъ ничего плѣнительнѣе Французской прозы, когда слогъ чистъ и возвышенъ! А какъ много терпѣнія требуютъ отъ читателя и лучшіе Французскіе стихи въ большомъ сочиненіи! Французы сами когда нибудь поймутъ эту правду и

согласятся, что ихъ Поэзія, чтобы содѣлаться *поэзіею* въ истинномъ смыслѣ, прежде всего должна отказаться отъ мишуры и румянъ, которыми ее покрываетъ жеманный стихъ съ своею рифмою. Въ забавной разголосицѣ Французскаго быта слышатся и разсудительные голоса, что доказываетъ начинаніе перехода отъ бурной юности къ лѣтамъ зрѣлаго ума и яснаго спокойствія. Эти достойные люди, которые — къ чести своего народа — противятся пропагандѣ громкой школы Виктора Гюго, сего *чортова стряпчаго* (avvocato del diavolo), при канонизаціи искусства будутъ со временемъ проповѣдывать и уничтоженіе стиха, если иначе не можетъ быть изгнано ложное и мишурное въ Поэзіи.

Всемогущее вліяніе климата на людей подвергается сильному сомнѣнію сближеніемъ Римлянъ съ Итальянцами: подъ тѣмъ же небомъ и на той же почвѣ рождался благородный *Квиритъ*, и нынѣ рождается гнусный *браво*! Нельзя допустить измѣненія въ климатѣ относительно жару: можетъ ли нынѣшнее Итальянское лѣто быть жарче того зноя, который вдохнулъ Горацію эти стихи:

rabiem Canis et momenta Leonis,
Cum semel accepit solem furibundus acutum!

(т. е. бѣшеная ярость Пса (Сиріуса) и стремительное свирѣпство Льва (созвѣздія), пронзеннаго острымъ Солнцемъ). Климатъ не помѣшаетъ Итальянцамъ возвыситься до нравственнаго величія Римлянъ; климатъ не помѣшалъ одному туземному По-

эту, уже въ концѣ пятнадцатаго вѣка, уразумѣть излишество рифмы и противъ нея свидѣтельствовать большими, въ свое время славными произведеніями. *Триссино*, современникъ Аріоста, первый написалъ свою трагедію: Софонизба, въ бѣлыхъ силлабическихъ стихахъ; въ такихъ же стихахъ и національную эпопею: Italia liberata dai Goti. Еслибъ онъ имѣлъ болѣе творчества, болѣе силы и оригинальности — или — если бы по крайней мѣрѣ не держался такъ строго Аристотелевыхъ правилъ, то—можетъ быть— поколебалъ бы царствіе рифмы въ Итальянской Поэзіи; но умъ и ученость у него перевѣсили поэтическое дарованіе; власть его слога не могла поддержать его перваго успѣха. Не взирая на то, Аннибалъ Каро, Сальвини и Маркетти дерзнули бѣлымъ же стихомъ перевести Виргилія, Гомера и Лукреція — и переводы понравились ихъ соотечественникамъ. Нынѣ у нихъ и драматическія пьесы пишутся безъ рифмы; но бѣлый силлабическій стихъ, какъ бы ни былъ хорошъ и богатъ поэзіею, никогда не уничтожитъ рифмы: это можетъ только усовершенствованный ритмъ! и потому очень важна попытка поэтовъ, каковы Ролли, Джильи (Gigli) etc., кои ввели въ свой языкъ гекзаметры, пентаметры, Фалеційскіе, Сафическіе и другіе стихи — и этимъ доказали, что Итальянскій языкъ можетъ быть обработанъ для всѣхъ древнихъ метровъ. Отсюда грозитъ опасность рифмѣ, когда народъ перейдетъ въ другой возрастъ.

То, что въ Италіи есть едва замѣтный зародышъ, представляется въ полномъ развитіи у Сѣверныхъ народовъ. Англичане и Германцы вытѣснили рифму изъ важнѣйшихъ областей Поэзіи, а тамъ, гдѣ еще терпятъ ее, прежняя властительница сдѣлалась простою гражданкою. Если лирическая Поэзія еще причисляетъ ее къ лику своихъ Музъ; то изъ первой она низведена въ послѣднюю, подъ яркою дымкою которой уже не можетъ прятаться бѣдность стиха. Тотъ народъ, который глубже всѣхъ постигнулъ классическую древность и таинство ритма, народъ Германскій, лучше всѣхъ долженствовалъ уразумѣть пустоту рифмы, даже въ одахъ и пѣсняхъ, гдѣ она еще имѣетъ мѣсто. Величайшій изо всѣхъ лирическихъ поэтовъ, *Клопштокъ*, ее отвергнулъ; могла ли бы она существовать, при этой сжатости, при этомъ богатствѣ, при этой возвышенности мыслей? Свидѣтельство его одъ *противъ* рифмы сильнѣе и убѣдительнѣе, нежели звучный хоръ свидѣтельствъ цѣлаго Юга въ ея пользу! Англійская и Германская Публика ея уже не спрашиваетъ, когда ея нѣтъ въ стихахъ: это вѣрный признакъ, что скоро наступитъ время, когда присутствіе рифмы будетъ *мѣшать* въ Англіи и въ Германіи.

Возвратимся на родину. Мы говорили о нашей народной Поэзіи; теперь поговоримъ о Поэзіи нашего просвѣщеннаго общества, въ отношеніи къ рифмѣ. Сіе общество, могучимъ Геніемъ *Петра* отторгнутое отъ народнаго быта и посвященное въ образованность Европейскую, по стремительному

пути нововведеній обронило много *Русскаго*, въ томъ числѣ и вѣрную Русскую оцѣнку рифмы. Она изъ Польши вкралась въ Москву. Кантемиръ, родомъ не Русскій, привилъ ее нашей поэзіи. Ломоносовъ, этотъ *Петръ* нашей словесности, совершилъ исполинскій подвигъ установленіемъ истинной версификаціи намѣсто ложной. Могъ ли онъ совершить болѣе при обстоятельствахъ, въ какихъ находился? Марбургъ и тогдашняя Нѣмецкая литература не могли навести его на то, что онъ всего скорѣе могъ бы узнать отъ Русскаго простолюдина; а въ послѣдствіи Петербургъ, Академія и самый духъ времени въ Россіи, устремленный на Европу и неблагопріятно для народности — все это держало Ломоносова вдали отъ народной поэзіи. Онъ у насъ нашелъ только женскую рифму, сочеталъ ее съ мужескою, допустилъ также скользящую (дактилическую), имъ называемую *тригласную*, и сію послѣднюю потому, что она существуетъ въ Итальянскихъ стихахъ. До какой степени онъ долженствовалъ быть чуждымъ нашей народности, ежели при этомъ случаѣ не вспомнилъ, что дактилическое окончаніе есть самое *Русское!* Разсуждая о томъ, какимъ образомъ Овидій писалъ стихи на туземномъ языкѣ въ Томахъ — если дѣйствительно писалъ, какъ утверждалъ знаменитый изгнанникъ въ одной элегіи изъ Понта — Ломоносовъ составилъ два гекзаметра и два пентаметра, это — кажется — единственные его стихи безъ рифмы. Сумароковъ, Державинъ etc: утвердили ея владычество. Но изрѣдка появлялись и бѣлые стихи и даже нѣкоторые древніе размѣры.

У самаго Державина есть уже много пьесъ безъ рифмъ: укажемъ на Оду *Н. А. Львову,* гдѣ дышитъ нѣчто Гораціянское; на *Дѣву за арфою*, гдѣ слышатся Шиллеровскіе звуки; на *Провидѣніе,* гдѣ весь *Державинъ* самъ, со всѣми своими отличительными признаками. Этимъ тремъ пьесамъ для совершенства не достаетъ только того, чего не доставало самому автору — геніяльному Скиѳу — и вообще первому періоду нашей словесности, т. е., вѣрнаго чувства и тонкаго вкуса, обрѣтаемыхъ на послѣдней степени умственнаго образованія писателя. Этотъ недостатокъ со временемъ будетъ весьма ощутителенъ и уменьшитъ толпу приверженцевъ нашей старой школы.

И такъ уже въ первомъ столѣтіи Русскаго Европеизма, ознаменованномъ почти чудеснымъ успѣхомъ государственымъ, наши поэты начинали сомнѣваться въ необходимости рифмы; но эти рѣдкія попытки не могли отнять у нея ни пяди земли. Первый счастливый приступъ на одинъ изъ крѣпчайшихъ пунктовъ ея крѣпкой позиціи, на лиризмъ, повелъ *В. А. Жуковскій* своею прекрасною элегіею: »О Нина, о Нина etc.« Онъ первый заставилъ нашу публику восхищаться и твердить наизустъ довольно большую пьесу, написанную бѣлыми стихами — *такую* публику, которая уже давно вдалась въ слѣпое пристрастіе къ рифмѣ и, по сіе время, не любитъ того, гдѣ нѣтъ этой игрушки. Какой трудный, какой прекрасный тріумфъ поэта! Онъ же переводомъ Орлеанской Дѣвы отнялъ у рифмы и поле драмы.

Гнѣдичь и *Баронъ Дельвигъ* заняли долину идилліи отличались на разныхъ пунктахъ. Замѣчательно, что тотъ поэтъ, который — по свойству своего генія — довольно далекъ отъ духа народнаго — *Жуковскій* (знаемъ, что онъ пѣвецъ Свѣтланы) — теперь болѣе всѣхъ совпадаетъ съ чувствомъ Русскаго народа относительно рифмы: онъ отъ нея рѣшительно отложился! Другіе же поэты ставятъ щетъ противъ нея не совсѣмъ чистосердечно, иные изъ стараго къ ней пристрастія, иные отъ того, что она сильна во мнѣніи читателей. Она еще не проиграла битвы, но уже вытѣснена изъ своей крѣпкой позиціи—и это весьма важный для нея уронъ, котораго не замѣняетъ пристрастіе публики. Въ столь непродолжительный періодъ просвѣщенія нельзя требовать, чтобъ масса читателей стояла на одной степени образованности съ авторами, и чтобы единственною между ними разницею былъ только словесный даръ сихъ послѣднихъ. Тотъ, кому нравится большое—разумѣется *хорошее* — стихотвореніе безъ рифмъ, этимъ доказываетъ, что онъ любитъ поэзію для одной поэзіи, и цѣлою головою превышаетъ современную толпу. Ихъ весьма не много! Какое изъ произведеній *Пушкина* можетъ сравниться съ его Борисомъ Годуновымъ — но успѣхъ этой пьесы далеко не соотвѣтствовалъ успѣху его поэмъ! Велико ли число поклонниковъ милаго, незабвеннаго *Дельвига*? Развѣ не слышимъ любовнаго ропота публики на *Жуковскаго* за то, что онъ оставилъ рифму? Мы не думаемъ бранить этого пристрастія, ибо оно необходимо связано съ

нарушеніемъ того порядка, по которому *Іоаннъ III* указалъ вести Россію къ величію, ей назначенному Провидѣніемъ. Безсмертный *Петръ* долженъ былъ отмѣнить этотъ порядокъ, для скорѣйшаго развитія физическихъ силъ государства, предоставивъ своимъ преемникамъ въ надлежащее время отозвать назадъ изъ Европы умственную жизнь Россіи и сосредоточить ее въ безконечной полнотѣ народнаго духа. Ежели неоспоримо правда, что Русское просвѣщеніе, для истиннаго блага и лучшаго прославленія Россіи, должно и будетъ развиваться *не* изъ элементовъ Европейскихъ, но изъ величественныхъ стихій нашей народной жизни, то и любимая публикою рифма, несогласная съ основнымъ тономъ Русскаго чувства, должна рѣшительно проиграть битву на поляхъ нашей словесности — и скорѣе у насъ, нежели у какого либо народа.

Авторъ этой статьи признается, что онъ раздѣляетъ съ публикою пристрастіе къ рифмѣ — и этимъ гораздо виновнѣе, нежели многіе другіе, ибо онъ былъ воспитанъ на древнихъ метрахъ, и первые его стихи были Латинскіе гекзаметры и Сафическія строфы. Не взирая на то, что̀ онъ здѣсь сказалъ противъ рифмы, онъ все еще находитъ ее милою очаровательницею, и этою статьею привязываетъ себя къ мачтѣ разума, чтобы не поддаваться Сиренамъ. Изъ критическаго розысканія явствуетъ, что прелесть рифмы есть *обманъ*, обольстившій человѣчество въ его дѣтствѣ и укрѣпившійся давностью многихъ столѣтій — сказка нянюшки, плѣнившая ма-

лютку и милая ему еще въ зрѣломъ возрастѣ. Умъ есть наставникъ сердца, которое, безъ него, можетъ заблудиться до невѣроятной степени: вспомните о народахъ, кои убиваютъ своихъ родителей для того, чтобы сіи послѣдніе не томились дряхлостью! Мы должны вѣрить уму; мы, въ этомъ случаѣ, можемъ ему повѣрить тѣмъ скорѣе, что убѣждены въ чистотѣ его намѣреній, ибо онъ воюетъ противъ собственной своей склонности, разрѣшая современный Европейскій вопросъ о рифмѣ: быть ли ей, или не быть!

Въ наше время, въ Россіи, насмѣшкою, эпиграммою и сатирою доказываютъ успѣшнѣе, нежели серьёзнымъ критическимъ разсужденіемъ. Небольшаго требовалось бы остроумія, чтобы выставить и рифму въ самомъ смѣшномъ видѣ. Стоило бы только возвратиться къ ея началу и, напомнивъ, что Арабы, первые, писывали свои коротенькія оды на *одну* рифму, спросить: у кого Арабы могли заимствовать подобное употребленіе рифмы? У Природы! но у *какой* природы? у *Кукушки*, которая точно такъ, какъ и они, поетъ свою коротенькую оду на *одну* рифму! Этотъ инстинктъ Кукушки былъ примѣняемъ къ звукамъ человѣческаго слова, развился подъ волшебнымъ вліяніемъ Поэзіи — и вотъ вамъ *рифма* — звучащая тѣнь, фигура безъ содержанія, безъ духовнаго тѣла!

Какъ ни забавно *такое* доказательство, но въ немъ все таки заключается болѣе истины, нежели

въ подобныхъ ему доказательствахъ нѣкоторыхъ судей нашей Словесности.

Человѣчество идетъ впередъ — и кинетъ всѣ побрякушки, коими забавлялось въ незрѣломъ возрастѣ. Дальнѣйшее потомство прочтетъ рифмованные стихи съ тѣмъ же неодобреніемъ, съ какимъ мы читаемъ гекзаметры *Леона.* Послѣднимъ убѣжищемъ рифмы будетъ *застольная пѣсня*, или навѣрное—*дамскій альбомъ!*

Баронъ Розенъ.

ДОЛИНА АЖИТУГАЙ.

За Кубанью 3 Іюня 1834.

До восхожденія солнца я оставилъ гостепріимный кровъ моего хозяина и торопился въѣхать на высоту, гордо возвышающуюся надъ долиной, которую я сбирался покинуть. Желая укоротить путь свой, я не поѣхалъ по большой дорогѣ, а поворотилъ влѣво на тропинку, извившуюся змѣей по разноцвѣтной стѣнѣ утеса: усѣянная пестрыми камешками, эта тропинка была привлекательна и вмѣстѣ съ тѣмъ вела на страшный утесъ, какъ бы заманивая любопытнаго въ свои сѣти. Сердце звало меня выше и выше; мнѣ хотѣлось однимъ взглядомъ окинуть родную природу и безъ перерывовъ, безъ всякой послѣдовательности, разомъ, въ одно мгновеніе воскресить цѣлые годы минувшаго. Я взъѣхалъ на гору, и тутъ всѣ воспоминанія о прошедшемъ дружно столпились предо мною. Мысли летѣли къ давно минувшимъ годамъ моего безпечнаго дѣтства, и я долго не могъ обратиться къ че-

му нибудь новому, будучи увѣренъ, что глаза мои не встрѣтятъ ничего подобнаго, и ничто такъ радостно не могло завлечь меня, какъ прошедшіе годы молодости. Я долго, долго предавался подобнымъ размышленіямъ: мнѣ казалось, что природа, давно мною покинутая велѣніемъ судьбы, радостно улыбалась моему возврату—и слеза благодарности брызнула изъ глазъ, очарованныхъ видомъ родныхъ мѣстъ.

Все звало меня къ прежнимъ забавамъ юношества: тамъ стоитъ березка, подлѣ которой виднѣются слѣды разрушенія давно покинутаго мною крова, гдѣ послѣ усталости отъ рѣзвыхъ забавъ я охотно кидался въ объятія упоительнаго сна, не подумавъ ни о чемъ другомъ, какъ только встать, и снова пуститься на ловлю радости — которою такъ богаты первые годы нашей жизни.

Тамъ зеленые бугры пестрѣли цвѣтами, и посреди ихъ возвышался курганъ, покрытый сѣдинами, какъ дѣдъ между внучатами: онъ напомнилъ мнѣ, какъ бывало я игралъ тутъ скатываясь и взбѣгая на него, какъ легкая серна.

Холодный Акужъ * волновалъ надо мной обширную долину, и зеленыя травы, испещренныя цвѣтами, какъ будто склонялись послѣ сна на утренній поцѣлуй другъ къ другу. И тамъ, повсюду воспо-

* Утренній вѣтеръ, который дуетъ по теченію рѣкъ въ ущельяхъ.

минанія толпились въ моей памяти; туда тоже надобно было бросить взоръ и пожертвовать нѣсколькими слезинками умиленія.

Долина Ажитугай начала усѣяваться стадами на ней разкинутыхъ ауловъ: путники пересѣкали ее вдоль и поперегъ, буйныя толпы молодежи — конные и пѣшіе—забавлялись стрѣльбою; дѣти на коняхъ скакали, перегоняя другъ друга; вездѣ и все на ней дышало радостію; вездѣ были слышны по прежнему восторги безпечности, а я одинъ только на ней не находилъ забавъ прежнихъ дней, забывъ, что онѣ умчались невозвратно.

Подъ моими ногами быстро катился Нижигъ съ высокими волнами, которыя подымаются и падаютъ, какъ нѣжная грудь красавицы, волнуемая страстію любви, или самолюбіемъ, обиженнымъ измѣною. Въ прежнія времена берега ея были усѣяны вѣтвистыми деревьями лѣсовъ, въ тѣни которыхъ купался я въ жаркій день лѣта, играя ея прозрачными волнами.

Я очнулся отъ забывчивости. Давно взошедшее солнце, казалось, снова восходило на горизонтѣ: оно было закрыто отъ моихъ взоровъ горою Ару-кизъ *; лучи его, восходя постепенно надъ громадой, скоро засіяли надъ гордою красавицей береговъ Кубани.

*. Прелестная дѣва; почему эта безобразная гора получила такое названіе, неизвѣстно.

Къ сѣверу за Кубанью разстилается роскошная долина, усѣянная жатвами и бакчами * казачьихъ станицъ Невинно-мыской и Барсутцкой. Эта равнина начинается отъ горы Ару-кизъ, названной Русскими Невинною и оканчивается у станицы Погорѣловской, въ разстояніи до пятидесяти верстъ другъ отъ друга, гладкой хоть шаромъ покати, какъ говорится, только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ неприм҃ѣчательными возвышеніями, посреди которыхъ поднимается высокій бугоръ дурткулъ, т. е. четырехугольной — въ видѣ дома. Равнина отъ юга къ сѣверу окружена не высокимъ хребтомъ горъ, и между ними возвышается гора Жегерликъ, покрытая съ сѣвера дремучимъ лѣсомъ, а съ юга и запада роскошною травою. На этой высотѣ чуть бѣлѣется тюрьма Темно-Лѣсной крѣпости — гроза хищныхъ Черкесъ; упираясь съ запада въ утѣсистые, высокіе берега Кубани, эта долина чрезвычайно обманчива: смотришь и не вѣришь глазамъ своимъ, потому что при малѣйшемъ вѣтрѣ она кажется зеленымъ волнующимся моремъ; и тутъ то въ 1813 году была кровопролитная битва между Горцами и Русскими. Поверхность утеса, съ котораго я смотрѣлъ на окружавшіе меня предметы, также равнина, только гораздо обширнѣе, выше описанныхъ. Эта равнина, называемая туземцами Казма, начиная съ востока отъ устья Нижига, или отъ Ажитугай, идетъ къ западу къ рѣкѣ

*. Бакча по Татарски огородъ, а въ Южной Россіи называютъ такъ огороды дальніе, въ которыхъ посѣяны арбузы и дыни.

Урупъ, по прямой линіи, и простирается къ сѣверу слишкомъ на сто верстъ, не будучи ничѣмъ пересѣкаема. Какъ всегдашнее пастбище для овецъ почти всѣхъ Закубанцевъ, она во всякое время дышетъ жизнью, покрытая богатыми стадами, табунами и охотниками; на ней столько же дикихъ козъ, сколько ручныхъ и другихъ звѣрей, особенно волковъ и лисицъ; въ этотъ разъ я ничего не нашелъ на ней замѣчательнаго: — только видны были печальныя слѣдствія губительной войны.

Солнце высоко сіяло надъ моей головой! Мнѣ нужно было пуститься въ путь, и я простился съ великолѣпной природой! Надежда утѣшала меня въ этой разлукѣ — и я, пожелавъ плѣнительнымъ равнинамъ Ажитугай и Казма быть лучше и лучше, поѣхалъ далѣе.

Проѣхавъ тридцать верстъ, я, признаюсь, замечтался, такъ, что и не замѣтилъ этого разстоянія. Все и все говорило мнѣ о дикой и воинственной жизни здѣшнихъ обитателей — и какъ странно попасть вдругъ въ подобныя мѣста прямо изъ Столицы; видѣть вмѣсто правильныхъ улицъ необъятныя степи и вмѣсто щегольскихъ экипажей какого нибудь удалаго Горца съ своимъ вѣрнымъ конемъ. Да! и моему не Европейскому уму представлялась эта странная, мятежная жизнь, и мнѣ пришли въ голову теоріи образованія народовъ, о которыхъ такъ много толкуютъ и толковали.

Странно! давно-ли я самъ вихремъ носился на конѣ въ этомъ разгульномъ краю, а теперь готовъ представить тысячу плановъ для его образованія. Но это дѣло не наше, и намъ остается только желать лучшаго — что будетъ, то будетъ, а моимъ спутникамъ совсѣмъ не до теорій: они запрыгали при видѣ ночлега, а я какъ будто упалъ съ неба: очнувшись, я бросилъ усталый взоръ мой въ даль и вдругъ увидѣлъ новое зрѣлище, которое совершенно поразило меня; думалъ ли я, десять лѣтъ тому назадъ, видѣть на этомъ мѣстѣ Русское укрѣпленіе и имѣть ночлегъ у людей, которымъ я грозилъ враждою, бывши еще дитятею. Всѣ воинскіе пріемы, къ которымъ я принаравливался во время скачекъ на этомъ полѣ, всегда были примѣромъ нападенія на Русскихъ, а теперь я самъ стою на немъ Русскимъ офицеромъ.

Прекрасный Іюньскій вечеръ очаровалъ мои взоры, и чувства снова возвратились къ природѣ. Послѣдніе лучи дневнаго свѣтила спорили съ сіяніемъ Русскаго штыка, какъ будто желая помрачить его побѣдоносную славу. Трехгранный булатъ словно вспомнилъ слова великаго своего вождя: пуля дура, а штыкъ молодецъ, и какъ бы увѣренный въ справедливости его словъ и въ безсмертности своей славы, гордо сверкалъ предъ потухающими лучами. Наконецъ и на этотъ разъ, какъ и всегда, онъ побѣдилъ соперника. Солнце нисходя скрылось за горою; а штыкъ все еще свѣтился

предъ моими глазами; но оно спряталось только отъ моихъ взоровъ, не сводя впрочемъ своихъ пламенныхъ лучей съ вершинъ снѣжныхъ громадъ величественной природы очаровательнаго Кавказа, которыхъ дѣвственные снѣга, какъ-бы пристыженные нескромными лучами, загорѣлись румянцемъ блистательнаго заката. Очарованный прелестными картинами моей дикой родины, съ которою давно не видался, я невольно и въ совершенной забывчивости смотрѣлъ на нее: такъ заманчиво и разнообразно она стояла предо мною; я едва вѣрилъ глазамъ, что я на Кавказѣ; мнѣ казалось, будто сижу въ креслахъ Петербургскаго театра, увлекаясь прелестными декораціями волшебной оперы; но кто видѣлъ великолѣпіе природы, тотъ не захочетъ смотрѣть на рабское подражаніе искусства.

Наконецъ мы добрались до крѣпости Ярсуканской и, встрѣтивъ тамъ стараго товарища, я расположился-было у него на отдыхъ, но не тутъ-то было! Кто бывалъ въ этихъ мѣстахъ, тотъ знаетъ, что лучше спать подъ открытымъ небомъ, нежели въ душныхъ землянкахъ, изобилующихъ всѣми родами насѣкомыхъ. И такъ мы рѣшились заснуть попоходному — въ чистомъ полѣ. Завернувшись въ бурки, мы вышли за порогъ землянки, и прохладной тихой вѣтеръ повѣялъ на насъ легкимъ крыломъ своимъ. Цѣлые два дня я восхищался великолѣпіемъ здѣшней природы, питая себя воспоминаніемъ о прошедшемъ; но день Кавказа ничего не значитъ предъ ночью — такъ упоительна она здѣсь

своимъ легкимъ сумракомъ, прохладою и таинственною тишиною.

Ночь была тиха и тепла. Я попросилъ товарища отправиться со мною на рѣку купаться, и шумъ этой рѣки, казалось, звалъ меня на старинную бесѣду, и я бѣжалъ къ ней, какъ будто и въ волнахъ тоже живетъ воспоминанье. Мы вооружились какъ на бой, ибо здѣсь всегда удовольствіе выкупается опасностью; за то всякая бездѣлка радуетъ васъ, какъ нельзя болѣе. Съ нами было еще двое людей и два вооруженныхъ солдата въ конвоѣ, потому что опасность и ночь заставляетъ мелкихъ людей не краснѣя окружать себя великолѣпною свитою: и по чему же не такъ, кто не пользуется случаемъ? да при томъ я вѣдь первое лице въ этой крѣпости. Какъ угодно называйте, хоть скажите, что на безрыбьѣ и ракъ рыба, однако я все-таки первое лице въ этомъ закоулкѣ. Безопасный пріютъ, стѣна крѣпости, осталась за нами — а впереди, можетъ быть, насъ ждала опасность; но не смотря на это, мы пошли къ рѣкѣ.

Мѣсяцъ освѣщалъ всю равнину. Вдали чернѣлся лѣсъ и посреди ночной мглы казался онъ какъ будто черная туча въ ясный полдень, и тутъ между деревьями блестѣли волны Нижига, осеребренныя луною. Надъ ними гордо возвышался угрюмый Ярсуканъ, усѣянный гранитами скалъ и одѣтый въ зеленую, бархатную мантію душистыхъ травъ. Эта угрюмая гора, всегдашній пріютъ вѣтра

и грозы, какъ ревнивый евнухъ Гарема, нахмурясь глядитъ на долины, усѣянныя цвѣтами, защищая ихъ отъ зноя своею угрюмою тѣнью.

Мы спускались внизъ къ рѣкѣ по утесу, который не такъ высокъ, но по которому однако трудно спускаться, ибо на тропинкѣ его лежатъ довольно большіе камни и по сторонамъ ростутъ густые терновые кусты, мимо которыхъ нужно пробираться осторожно, а не то, при первомъ лишнемъ шагѣ въ сторону отъ тропинки, какъ разъ зацѣпишься за крючковатые сучья и не скоро выпутаешься словно изъ когтей медвѣдя.

Мы спустились внизъ. Лѣсъ на этомъ мѣстѣ раздѣленъ надвое самою природою, въ разстояніи не болѣе, какъ сорока саженъ, и это раздѣленіе еще увеличиваетъ прелесть картины: отсюда рѣка въ полуверстѣ показывается вамъ радугою посреди черной тучи.

Мы пришли къ рѣкѣ, и здѣсь посреди лѣса образуется маленькая, круглая площадка, усыпанная пескомъ и мелкими каменьями, и съ нея только вы можете видѣть рѣку! Взоръ обманывается при видѣ быстро текущей струи съ высокими волнами, какъ будто она не имѣетъ далѣе ни начала, ни конца, исчезающихъ отъ любопытнаго взора въ мракѣ ночи и въ темнотѣ лѣса. Рѣка изливается изъ чащи, и потомъ, наполняя свои берега прозрачными волнами, она исчезаетъ изъ вида, какъ будто поглощенная пастью чудовища.

Съ противнаго берега тѣни деревьевъ, какъ утомленные великаны въ бою, ложились на гибкія волны рѣки и, казалось, дышали жизнію, то подымаясь, то падая вмѣстѣ съ волнами. Тихій вѣтеръ нагонялъ на мѣсяцъ легкія облака, сквозь которыя онъ казался робкой красавицею, идущею подъ дымчатою фатой въ первый разъ на преступное свиданіе къ любовнику. Мы уже были у берега. Я одинъ раздѣлся и, устремивъ умильно глаза къ небу, благодарилъ за возвращеніе меня къ роднымъ берегамъ. Въ одно и то же время мѣсяцъ плавалъ въ облакахъ и въ струяхъ рѣчки; но я, оставивъ мѣсяцъ на небѣ, ловилъ его въ волнахъ какъ дитя. Я былъ счастливъ. Я вспомнилъ беззаботные годы дѣтства и радостно купался, забывъ и тревоги жизни и усталость и цѣлый міръ. Пусть другіе бесѣдуютъ съ бурными волнами морей, пусть взоръ ихъ блуждаетъ въ неизмѣримой поверхности океановъ; я бесѣдую со стройно текущими волнами знакомыхъ береговъ, гдѣ все для меня дышетъ воспоминаніемъ; гдѣ я, единственный отрокъ нѣжной матери моей, вкушалъ блаженство любви и сердечныя ласки на груди родной. Тутъ я росъ надеждой для вдовы безутѣшной и тутъ же простился съ нѣгой безпечной моей юности. Да! эта рѣка мнѣ родная, а тамъ въ долинѣ каждый курганъ, усѣянный благоухающими цвѣтами, зоветъ меня на бесѣду послѣ долгой разлуки. Здѣсь все понятно для моей души: шумъ рѣки, вой вѣтра, лепетъ листовъ, шорохъ кустовъ и угрюмый видъ безплодныхъ скалъ. Бесѣда моя съ окружающею природою была восхитительна. Но я

уже сидѣлъ у берега подъ буркою, всасывая въ себя дымъ трубки и благовонный запахъ Американскаго табаку, который наполнялъ собою упоительный воздухъ. Есть минуты, въ которыя воображеніе человѣка летитъ на все пространство, ему доступное. Душа въ это время желаетъ чего-то непонятнаго, чего-то возвышеннаго, такъ, что слабая природа человѣка не въ состояніи удерживать стремленія души: и такъ, Богъ вѣсть, куда не доходили мои мысли, гдѣ и съ кѣмъ не бесѣдовало мое воображеніе? Утомленный я сидѣлъ у берега, прислушиваясь къ печальному шуму рѣки: казалось, она понимала разстройство моего существа. Я утиралъ съ лица катящіяся струи — но онѣ не были изъ прохладныхъ водъ рѣки, онѣ были теплы и горьки. Товарищъ мой сидѣлъ подлѣ меня, потупивъ взоры въ землю. Онъ не былъ въ рѣкѣ со мною, однако глаза его были влажны. Можетъ быть, ему была завидна моя участь. Конечно! его мечты были на берегахъ Днѣпра! Можетъ, онъ полный надежды, мнилъ уже быть вмѣстѣ съ любимицею своей мысли. Казалось, будто рѣка шептала мнѣ: о какъ чуденъ ты, человѣкъ! Бесѣда съ знакомою природой сей часъ выжимаетъ изъ очей слезу; но ты измѣнилъ ей. Тамъ, недалеко, ждутъ тебя родныя объятія, а мечты твои бродятъ на чужихъ берегахъ, душа твоя живетъ въ чужой землѣ. Наконецъ вотъ и утро. Свѣжій вѣтеръ, казалось, придавливалъ насъ крыломъ своимъ къ нашей нероскошной постели, такъ, что каждому изъ насъ хотѣлось, чтобы удвоилась тяжесть нашихъ покрывалъ. Я изъ-подъ бур-

ки моей украдкою смотрѣлъ на восхожденіе солнца, которое давно уже поднялось съ горизонта, но впутавшись въ густые туманы Ярсукана, скрывалось отъ моихъ взоровъ. Туманъ рѣдѣль, и вотъ свѣтило дня распустило свои радужныя вѣтви на природу, увлаженную росою, наконецъ, увеличиваясь больше и больше, солнце, казалось, прожигало бѣлыя облака тумана, и вотъ оно скоро блистательно покатилось по свѣтлой лазури. Скоро оно поднялось высоко надъ горою, а угрюмая вершина еще не хотѣла скинуть своего бѣлаго утренняго покрывала изъ тумановъ.

Наконецъ я поѣхалъ далѣе. Къ югу отъ меня разстилалась долина, и по ней пыльной полосой вилась дорога, по которой я ѣхалъ; съ правой стороны виднѣлись вдали лѣса на верховьяхъ рѣкъ Урпа, Гегела и Лабе; слѣва тянулся хребетъ небольшихъ горъ, возвышаясь уступами къ югу къ снѣговымъ горамъ выше и выше. Я оглянулся и увидѣлъ знакомый мнѣ гранитный столбъ вышиною двѣ съ половиною сажени. Сердце встрепенулось при видѣ безчувственнаго свидѣтеля прошлаго, и благородный конь мой, казалось, узналъ мои мысли. Быстро, быстро несся скакунъ мой, какъ будто узналъ мое желаніе бесѣдовать безъ свидѣтелей съ безотвѣтнымъ гранитомъ, но также отторгнутымъ какъ и я отъ круга семьи и поставленнымъ на чужой долинѣ, съ которой онъ взиралъ издали на угрюмыя скалы.

Конь мой наскакалъ на холмикъ, гдѣ прикованъ былъ великанъ гранитный, и тутъ я слѣзъ, чтобы поближе посмотрѣть на стараго знакомца. Безобразный старикъ стоялъ угрюмо, нагнувшись къ западу, Богъ знаетъ, для какой причины. Его мрачное чело было осѣнено грубо-изсѣченнымъ крестомъ, этою хоругвію Европы и просвѣщенія, что прежде казалось мнѣ гербомъ какой нибудь древней фамиліи Кавказа, скрытой на холмѣ подъ этимъ гранитомъ. Можетъ быть, это знакъ торжества вѣры, или побѣды; можетъ быть, этотъ столбъ видѣлъ много и много; и не здѣсь ли проходили разрушители древняго міра, неся съ собою грозу на Римъ съ своими страшными вождями. Да, Кавказъ былъ порогомъ Европы, и, можетъ быть, этотъ гранитъ видѣлъ толпы Гунновъ, Маджаровъ, Аваровъ, Печенѣговъ, Турокъ и другихъ незваныхъ гостей древняго міра. Напрасно! Этотъ гранитъ безотвѣтенъ, и рука человѣка не вырѣзала на немъ никакой надписи, поставивъ его въ этой пустынѣ таинственнымъ и молчаливымъ знакомъ чего-то. Да, Кишикъ-Силъ *, ты стоишь чѣмъ-то непонятнымъ въ этой пустынѣ, и время и бури напрасно гложутъ тебя, стараго великана, но подожди! придетъ и твоя пора: ты въ свою очередь падешь, и свирѣпый вѣтеръ бешь-тау ** разнесетъ твой песокъ по пустынѣ! Пусть другіе минуютъ тебя здѣсь, не почтивъ ни

* *Кишикъ* по Татарски значитъ кривой, а *силъ* статуя.

** *Бешь-тау*, пять горъ, гдѣ городъ Пятигорскъ. Восточный вѣтеръ, который дуетъ со стороны этѣхъ горъ, называется Закубанцами бешь-тау-жъ, то есть, вѣтромъ пяти горъ.

словомъ, ни взглядомъ, но я люблю тебя какъ роднаго. И не здѣсь ли, не подъ тѣнью-ли этаго гранита, я любилъ, будучи еще ребенкомъ, помечтать на просторѣ? Да, я помню день, когда черныя тучи, нагоняемыя вѣтромъ, летѣли къ Ярсукану, когда этотъ вѣтеръ страшно вылъ въ ущельяхъ, волны Нижига затопляли берега, и ослѣпительная молнія, разрѣзая тучи, падала стрѣлами внизъ, и потомъ громъ страшно гремѣлъ въ пустынѣ, я сидѣлъ тогда у твоего подножія, я смотрѣлъ на ужасы природы, и мнѣ казалось, что и въ буряхъ есть какое-то наслажденіе. Да, съ тѣхъ поръ я люблю бурю, люблю разгнѣванную природу, люблю ее, угрюмую, безъ прикрасъ человѣка, и вѣрю поэту, что

Есть наслажденіе и въ дикости лѣсовъ;
Есть радость на песчаномъ брегѣ;
И есть гармонія въ семъ говорѣ валовъ,
Дробящихся въ пустынномъ бѣгѣ.

Да, Кавказъ! твои дни и ночи, твои бури, твоя пышная зелень равнинъ и заоблачный снѣгъ твоихъ горъ дышутъ чѣмъ-то потрясающимъ. Все и все здѣсь поражаетъ сердце, и поэту не надобно идти далеко; самый этотъ гранитъ рано, или поздно найдетъ себѣ пѣвца въ будущихъ обитателяхъ Кавказа. Можно сказать даже навѣрное, что самое настроеніе народнаго духа ручается за поэтическое развитіе племенъ Кавказа, и древнія пѣсни его, и бродящіе егегоаки *, все это не безъ достоинства, относительно мысли и силы. Однакожъ, что будетъ,

* Черкескіе барды.

то будетъ, а таинственный этотъ гранитъ увлекъ меня слишкомъ далеко. Наконецъ пришла пора и съ этимъ старикомъ проститься. Вскочивъ въ сѣдло, я поворотилъ круто коня, и скоро пыль занесла слѣдъ мой.

Султанъ Казы-Гирей *.

* Вотъ явленіе, неожиданное въ нашей литературѣ! Сынъ полудикаго Кавказа становится въ ряды нашихъ писателей; Черкесъ изъясняется на Русскомъ языкѣ свободно, сильно и живописно. Мы ни одного слова не хотѣли перемѣнить въ предлагаемомъ отрывкѣ; любопытно видѣть, какъ Султанъ Казы-Гирей (потомокъ Крымскихъ Гиреевъ), видѣвшій вблизи роскошную образованность, остался вѣренъ привычкамъ и преданіямъ наслѣдственнымъ, какъ Русской офицеръ помнитъ чувства ненависти къ Россіи, волновавшія его отроческое сердце; какъ наконецъ Магометанинъ съ глубокой думою смотритъ на крестъ, *эту хоругвь Европы и просвѣщенія.*

Издатель.

КОЛЯСКА.

ПОВѢСТЬ.

Городокъ Б. очень повеселѣлъ, когда началъ въ немъ стоять *** Кавалерійскій полкъ. А до того времени было въ немъ страхъ скучно. Когда бывало проѣзжаешь его и взглянешь на низенькіе мазанные домики, которые смотрятъ на улицу до невѣроятности кисло, то... не возможно выразить, что дѣлается тогда на сердцѣ: тоска такая, какъ будто бы или проигрался, или отпустилъ некстати какую нибудь глупость, однимъ словомъ: не хорошо. Глина на нихъ обвалилась отъ дождя, и стѣны вмѣсто бѣлыхъ сдѣлались пѣгими; крыши большею частію крыты тростникомъ. Какъ обыкновенно бываетъ въ южныхъ городахъ нашихъ, садики, для лучшаго вида, Городничій давно приказалъ вырубить. На улицахъ ни души не встрѣтишь, развѣ только пѣтухъ перейдетъ чрезъ мостовую мягкую какъ подушка отъ лежащей на четверть пыли, которая при малѣйшемъ дождѣ превращается въ

грязь, и тогда улицы городка Б. наполняются тѣми дородными животными, которыхъ тамошній Городничій называетъ Французами. Выставивъ серьёзныя морды изъ своихъ ваннъ, они подымаютъ такое крюканье, что проѣзжающему остается только погонять лошадей поскорѣе. Впрочемъ проѣзжающаго трудно встрѣтить въ городкѣ Б.—Рѣдко, очень рѣдко какой нибудь помѣщикъ, имѣющій 11 душъ крестьянъ, въ нанковомъ сюртукѣ тарабанитъ по мостовой въ какой-то полубричкѣ и полутележкѣ, выглядывая изъ мучныхъ наваленыхъ мѣшковъ и пристегивая гнѣдую кобылу, вслѣдъ за которою бѣжалъ жеребенокъ. Самая рыночная площадь имѣетъ нѣсколько печальный видъ: домъ портнаго выходитъ чрезвычайно глупо не всѣмъ фасадомъ, но угломъ; противъ него строится лѣтъ пятнадцать какое-то каменное строеніе о двухъ окнахъ; далѣе стоитъ самъ по себѣ модный досчатый дворъ, выкрашенный сѣрою краскою подъ цвѣтъ грязи, который на образецъ другимъ строеніямъ воздвигъ Городничій во время своей молодости, когда не имѣлъ еще обыкновенія спать тотчасъ послѣ обѣда и пить на ночь какой-то декоктъ, заправленный сухимъ крыжевникомъ. Въ другихъ мѣстахъ все почти плетень; посреди площади самыя маленькія лавочки; въ нихъ всегда можно замѣтить связку баранковъ, бабу въ красномъ платкѣ, пудъ мыла, нѣсколько фунтовъ горькаго миндаля, дробь для стрѣлянія, демикотонъ и двухъ купеческихъ прикащиковъ, во всякое время играющихъ около дверей въ свайку. Но какъ началъ стоять въ уѣздномъ городкѣ Б.

Кавалерійскій полкъ, все перемѣнилось. Улицы запестрѣли, оживились, словомъ, приняли совершенно другой видъ. Низенькіе домики часто видѣли проходящаго мимо ловкаго, статнаго офицера съ султаномъ на головѣ, шедшаго къ товарищу поговорить о производствѣ, объ отличнѣйшемъ табакѣ, а иногда поставить, тихомолкомъ отъ Генерала, на карточку дрожки, которыя можно было назвать полковыми, потому что онѣ, не выходя изъ полку, успѣвали обходить всѣхъ: сего дня катался въ нихъ Маіоръ, завтра онѣ появлялись въ Поручиковой конюшнѣ, а чрезъ недѣлю смотри опять Маіорскій деньщикъ подмазывалъ ихъ саломъ. Деревянный плетень между домами весь былъ усѣянъ висѣвшими на солнцѣ солдатскими фуражками; сѣрая шинель торчала непремѣнно гдѣ нибудь на воротахъ; въ переулкахъ попадались солдаты съ такими жесткими усами, какъ сапожныя щетки. Усы эти были видны во всѣхъ мѣстахъ. Соберутся ли на рынкѣ съ ковшиками мѣщанки, изъ-за плечь ихъ вѣрно выглядываютъ усы. Офицеры оживили общество, которое до того времени состояло только изъ Судьи, жившаго въ одномъ домѣ съ какою-то Діаконицею, и Городничаго, разсудительнаго человѣка, но спавшаго рѣшительно весь день: отъ обѣда до вечера и отъ вечера до обѣда. Общество сдѣлалось еще многолюднѣе и занимательнѣе когда переведена была сюда квартира бригаднаго Генерала. Окружные помѣщики, о которыхъ существованіи никто бы до того времени не догадался, начали пріѣзжать почаще въ уѣздный городокъ, чтобы видѣться съ господами офи-

церами, а иногда поиграть въ банчикъ, который уже чрезвычайно темно грѣзился въ головѣ ихъ, захлопотанной посѣвами, женниными порученіями и зайцами. Очень жаль, что не могу припомнить, по какому обстоятельству случилось Бригадному Генералу давать большой обѣдъ; заготовленіе къ нему было сдѣлано огромное: стукъ поваренныхъ ножей на Генеральской кухнѣ былъ слышенъ еще близъ городской заставы. Весь рынокъ былъ забранъ совершенно для обѣда, такъ, что Судья съ своею діаконицею долженъ былъ ѣсть однѣ только лепешки изъ гречневой муки, да крахмальной кисель. Небольшой дворикъ Генеральской квартиры былъ весь уставленъ дрожками и колясками. Общество состояло изъ мужчинъ: офицеровъ и нѣкоторыхъ окружныхъ помѣщиковъ. Изъ помѣщиковъ болѣе всѣхъ былъ замѣчателенъ Пиѳагоръ Пиѳагоровичь Чертокуцкій, одинъ изъ главныхъ Аристократовъ . . . уѣзда, болѣе всѣхъ шумѣвшій на выборахъ и пріѣзжавшій туда въ щегольскомъ экипажѣ. Онъ служилъ прежде въ одномъ изъ Кавалерійскихъ полковъ, былъ одинъ изъ числа значительныхъ и видныхъ офицеровъ. По крайней мѣрѣ его видали на многихъ балахъ и собраніяхъ, гдѣ только кочевалъ ихъ полкъ; впрочемъ объ этомъ можно спросить у дѣвицъ Тамбовской и Симбирской губерніи. Весьма можетъ быть, что онъ распустилъ бы и въ прочихъ губерніяхъ выгодную для себя славу, если бы не вышелъ въ отставку по одному случаю, который обыкновенно называется непріятною исторіею: онъ ли далъ кому-то въ старые годы оплеуху, или ему

дали ее, объ этомъ навѣрное не помню, дѣло только въ томъ, что его попросили выйти въ отставку. Впрочемъ онъ этимъ ни чуть не уронилъ своего вѣсу: носилъ фракъ съ высокою таліей на манеръ военнаго мундира, на сапогахъ шпоры и подъ носомъ усы, потому что безъ того дворяне могли бы подумать, что онъ служилъ въ пѣхотѣ, которую онъ презрительно называлъ иногда пѣхтурой, а иногда пѣхонтаріей. Онъ бывалъ на всѣхъ многолюдныхъ ярмаркахъ, куда внутренность Россіи, состоящая изъ мамокъ, дѣтей, дочекъ и толстыхъ помѣщиковъ, наѣзжала веселиться бричками, таратайками, тарантасами и такими каретами, какія и во снѣ никому не снились. Онъ пронюхивалъ носомъ, гдѣ стоялъ Кавалерійскій полкъ, и всегда пріѣзжалъ видѣться съ господами офицерами. Очень ловко соскакивалъ передъ ними съ своей легонькой колясочки, или дрожекъ и чрезвычайно скоро знакомился. Въ прошлые выборы далъ онъ Дворянству прекрасной обѣдъ, на которомъ объявилъ, что если только его выберутъ Предводителемъ, то онъ поставитъ дворянъ на самую лучшую ногу. Вообще велъ себя по-барски, какъ выражаются въ уѣздахъ и губерніяхъ, женился на довольно хорошенькой, взялъ за нею 200 душъ приданаго и нѣсколько тысячь капиталу. Капиталъ былъ тотчасъ употребленъ на шестерку дѣйствительно отличныхъ лошадей, вызолоченные замки къ дверямъ, ручную обезьяну для дома и Француза дворецкаго. Двѣсти же душъ вмѣстѣ съ двумя стами его собственныхъ были заложены въ Ломбардъ, для какихъ-то коммерческихъ

оборотовъ. Словомъ, онъ былъ помѣщикъ какъ слѣдуетъ . . . Изрядной помѣщикъ.—Кромѣ него на обѣдѣ у Генерала было нѣсколько и другихъ помѣщиковъ, но объ нихъ нечего говорить. Остальные были всѣ военные того же полка и два штабъ-офицера: Полковникъ и довольно толстой Маiоръ. Самъ Генералъ былъ дюжъ и тученъ, впрочемъ хорошiй начальникъ, какъ отзывались о немъ офицеры. Говорилъ онъ довольно густымъ значительнымъ басомъ. Обѣдъ былъ чрезвычайный: осетрина, бѣлуга, стерляди, дрофы, спаржа, перепелки, куропатки, грибы доказывали, что поваръ еще со вчерашняго дня не бралъ въ ротъ горячаго, и четыре солдата съ ножами въ рукахъ работали на помощь ему всю ночь *фрикасы* и *желеи*. Бездна бутылокъ, длинныхъ съ лафитомъ, короткошейныхъ съ мадерою, прекрасный лѣтнiй день, окна, открытыя напролетъ, тарелки со льдомъ на столѣ, растрепанная манишка у владѣтелей укладистаго фрака, перекрестный разговоръ, покрываемый Генеральскимъ голосомъ и заливаемый шампанскимъ, все отвѣчало одно другому. Послѣ обѣда всѣ встали съ прiятною тяжестью въ желудкахъ и, закуривъ трубки съ длинными и короткими чубуками, вышли съ чашками кофiю въ рукахъ на крыльцо.

«Вотъ ее можно теперь посмотрѣть», сказалъ Генералъ. «Пожалуста, любезнѣйшiй» примолвилъ онъ, обращаясь къ своему Адъютанту, довольно ловкому молодому человѣку прiятной наружности, «прикажи чтобы привели сюда гнѣдую кобылу! Вотъ вы уви-

дите сами.» Тутъ Генералъ потянулъ изъ трубки и выпустилъ дымъ, «она еще не слишкомъ въ холѣ: проклятой городишка, нѣтъ порядочной конюшни. Лошадь, пуфъ, пуфъ, очень порядочная.»

«И давно, Ваше Превосходительство, пуфъ, пуфъ: изволите имѣть ее!» сказалъ Чертокуцкій.

«Пуфъ, пуфъ, пуфъ, ну . . пуфъ, не такъ давно. Всего только два года какъ она взята мною съ завода!»

«И получить ее изволили объѣзженную, или уже здѣсь изволили объѣздить.»

«Пуфъ, пуфъ, пу, пу, пу,...у...у.. фъ здѣсь» сказавши это, Генералъ весь исчезнулъ въ дымѣ.

Между тѣмъ изъ конюшни выпрыгнулъ солдатъ, послышался стукъ копытъ, наконецъ показался другой въ бѣломъ балахонѣ съ черными огромными усами, ведя за узду вздрагивавшую и пугавшуюся лошадь, которая вдругъ, поднявъ голову, чуть не подняла вверхъ присѣвшаго къ землѣ солдата вмѣстѣ съ его усами. «Нужъ, ну! Аграфена Ивановна!» говорилъ онъ, подводя ее подъ крыльцо.

Кобыла называлась Аграфена Ивановна: крѣпкая и дикая какъ южная красавица, она грянула копытами въ деревянное крыльцо и вдругъ остановилась.

Генералъ, опустивши трубку, началъ смотрѣть довольнымъ видомъ на Аграфену Ивановну. Самъ Полковникъ, сошедши съ крыльца, взялъ Аграфену Ивановну за морду. Самъ Маіоръ потрепалъ Аграфену Ивановну по ногѣ, прочіе пощелкали языкомъ.

Чертокуцкій сошелъ съ крыльца и зашелъ ей взадъ. Солдатъ, вытянувшись и держа узду глядѣлъ прямо посѣтителямъ въ глаза, будто бы хотѣлъ вскочить въ нихъ.

«Очень, очень хорошая!» сказалъ Чертокуцкій, статистая лошадь! а позвольте, Ваше Превосходительство, узнать, какъ она ходитъ?»

«Шагъ у нее хорошъ; только... чортъ его знаетъ ..этотъ дуракъ фершелъ далъ ей какихъ-то пилюль, и вотъ уже два дня все чихаетъ.»

«Очень, очень хороша. А имѣете ли, Ваше Превосходительство, соотвѣтствующій экипажъ?»

«Экипажъ?... Да вѣдь это верховая лошадь.»

«Я это знаю; но я спросилъ Ваше Превосходительство для того, что бы узнать, имѣете ли и къ другимъ лошадямъ соотвѣтствующій экипажъ.»

«Ну, экипажей у меня не слишкомъ достаточно. Мнѣ, признаться вамъ сказать, давно хочется имѣть нынѣшнюю коляску. Я писалъ объ этомъ къ брату моему, который теперь въ Петербургѣ, да не знаю, пришлетъ ли онъ или нѣтъ.»

«Мнѣ кажется, Ваше Превосходительство,» замѣтилъ Полковникъ, «нѣтъ лучше коляски, какъ Вѣнская.»

«Вы справедливо думаете, пуфъ, пуфъ, пуфъ.»

«У меня, Ваше Превосходительство, есть чрезвычайная коляска настоящей Вѣнской работы.»

«Какая? Та, въ которой вы пріѣхали?»

«О нѣтъ. Это такъ, разъѣздная, собственно для моихъ поѣздокъ, но та . . . это удивительно, легка какъ перышко, а когда вы сядете въ нее, то просто какъ бы, съ позволенія Вашего Превосходительства, нянька васъ въ люлькѣ качала?»

«Стало быть покойна?»

«Очень, очень покойна; подушки, рессоры, это все какъ будто на картинкѣ нарисовано.»

«Это хорошо.»

«А ужъ укладиста какъ? то есть, я, Ваше Превосходительство, и не видывалъ еще такой. Когда я служилъ, то у меня въ ящики помѣщалось 10 бутылокъ рому и 20 фунтовъ табаку, кромѣ того со мною еще было около шести мундировъ, бѣлье и два чубука, Ваше Превосходительство, самые длинные, а въ карманы можно цѣлаго быка помѣстить.»

« Это хорошо. »

« Я, Ваше Превосходительство, заплатилъ за нее четыре тысячи.»

« Судя по цѣнѣ, должна быть хороша, и вы купили ее сами? »

« Нѣтъ, Ваше Превосходительство; она досталась по случаю. Ее купилъ мой другъ, рѣдкой человѣкъ, товарищъ моего дѣтства, съ которымъ бы вы сошлись совершенно; мы съ нимъ, что твое, что мое, все равно. Я выигралъ ее у него въ карты. Не угодно ли, Ваше Превосходительство, сдѣлать мнѣ честь пожаловать завтра ко мнѣ отобѣдать, и коляску вмѣстѣ посмотрите.»

« Я не знаю, что вамъ на это сказать. Мнѣ одному какъ то . . . Развѣ ужъ позволите вмѣстѣ съ господами офицерами.»

«И господъ офицеровъ прошу покорнѣйше. Господа, я почту себѣ за большую честь имѣть удовольствіе видѣть васъ въ своемъ домѣ!«

Полковникъ, Маіоръ и прочіе офицеры отблагодарили учтивымъ поклономъ.

« Я, Ваше Превосходительство, самъ того мнѣнія, что если покупать вещь, то непремѣнно хорошую, а если дурную, то нечего и заводить. Вотъ у ме-

ня, когда сдѣлаете мнѣ честь завтра пожаловать, я покажу кое-какія статьи, которыя я самъ завелъ по хозяйственной части.»

Генералъ посмотрѣлъ и выпустилъ изо рту дымъ.

Чертокуцкій былъ чрезвычайно доволенъ, что пригласилъ къ себѣ господъ офицеровъ; онъ заранѣе заказывалъ въ головѣ своей паштеты и соусы, посматривалъ очень весело на господъ офицеровъ, которые также съ своей стороны какъ то удвоили къ нему свое расположеніе, что было замѣтно изъ глазъ ихъ и небольшихъ тѣлодвиженій въ родѣ полупоклоновъ. Черторуцкій выступаетъ впередъ какъ то развязнѣе, и голосъ его принялъ разслабленіе: выраженіе голоса, обремененнаго удовольствіемъ.

«Тамъ, Ваше Превосходительство, познакомитесь съ хозяйкой дома.»

«Мнѣ очень пріятно», сказалъ Генералъ, поглаживая усы.

Чертокуцкій послѣ этаго хотѣлъ немедленно отправиться домой, чтобы заблаговременно приготовить все къ принятію гостей къ завтрашнему обѣду; онъ взялъ уже было и шляпу въ руки, но какъ то такъ странно случилось, что онъ остался еще на нѣсколько времени. Между тѣмъ уже въ комнатѣ были разставлены ломберные столы. Скоро все общество раздѣлилось на четверныя партіи въ вистъ и разсѣялось въ разныхъ углахъ Генеральскихъ комнатъ.

Подали свѣчи. Чертокуцкій долго не зналъ, садиться или не садиться ему за вистъ. Но какъ Гг. офицеры начали приглашать, то ему показалось очень не согласно съ правилами общежитія отказаться. Онъ присѣлъ. Нечувствительно очутился передъ нимъ стаканъ съ пуншемъ, который онъ позабывшись въ туже минуту выпилъ. Сыгравши два роберта, Черторуцкій опять нашелъ подъ рукою стаканъ съ пуншемъ, который то же позабывшись выпилъ, сказавши напередъ: «пора, Господа, мнѣ домой, право пора.» Но опять присѣлъ и на вторую партію. Между тѣмъ разговоръ въ разныхъ углахъ комнаты принялъ совершенно частное направленіе. Играющіе въ вистъ были довольно молчаливы, но неигравшіе, сидѣвшіе на диванахъ въ сторонѣ, вели свой разговоръ. Въ одномъ углу Штабъ-Ротмистръ, подложивши себѣ подъ бокъ подушку, съ трубкою въ зубахъ разсказывалъ довольно свободно и плавно любовныя свои приключенія и овладѣлъ совершенно вниманіемъ собравшагося около него кружка. Одинъ чрезвычайно толстый помѣщикъ съ короткими руками, нѣсколько похожими на два выросшіе картофеля, слушалъ съ необыкновенно сладкою миною, и только по временамъ силился запустить коротенькую свою руку за широкую спину, чтобъ вытащить оттуда табакерку. Въ другомъ углу завязался довольно жаркой споръ о баталіонномъ ученіи, и Чертокуцкій, который въ это время уже вмѣсто дамы два раза сбросилъ валета, вмѣшивался вдругъ въ чужой разговоръ и кри-

чалъ изъ своего угла: «въ которомъ году? или которого полка? не замѣчая, что иногда вопросъ совершенно не приходился къ дѣлу. Наконецъ, за нѣсколько минутъ до ужина, вистъ прекратился, но онъ продолжался еще на словахъ. И казалось, головы всѣхъ были полны вистомъ. Чертокуцкій очень помнилъ, что выигралъ много, но руками не взялъ ничего, и вставши изъ-за стола, долго стоялъ въ положеніи человѣка, у котораго нѣтъ въ карманѣ носоваго платка. Между тѣмъ подали ужинъ. Само собою разумѣется, что въ винахъ не было недостатка и что Чертокуцкій почти невольно долженъ былъ иногда наливать въ стаканъ себѣ потому, что направо и налѣво стояла у него бутылка.

Разговоръ затянулся за столомъ предлинный, но впрочемъ какъ то странно онъ былъ веденъ. Одинъ помѣщикъ, служившій еще въ кампанію 1812 года, разсказалъ такую баталію, какой никогда не было, и потомъ, совершенно неизвѣстно по какимъ причинамъ, взялъ пробку изъ графина и воткнулъ ее въ пирожное. Словомъ, когда начали разъѣзжаться, то уже было три часа, и кучера дожны были нѣсколькихъ особъ взять въ охапку какъ бы узелки съ покупкою, и Чертокуцкій, не смотря на весь аристократизмъ свой, сидя въ коляскѣ, такъ низко кланялся и съ такимъ размахомъ головы, что, пріѣхавши домой привезъ въ усахъ своихъ два репейника.

Въ домѣ все совершенно спало; кучеръ едва могъ сыскать камердинера, который, проводилъ господина

чрезъ гостиную, сдалъ горничной дѣвушкѣ, за которою кое-какъ Чертокуцкій добрался до спальни и уложился возлѣ своей молоденькой и хорошенькой жены, лежавшей прелестнѣйшимъ образомъ, въ бѣломъ какъ снѣгъ, спальномъ платьѣ. Движеніе, произведенное паденіемъ ея супруга на кровать, разбудило ее. Протянувшись, подпявши рѣсницы и три раза быстро зажмуривши глаза, она открыла ихъ съ полусердитою улыбкою; но видя, что онъ рѣшительно не хочетъ оказать на этотъ разъ никакой ласки, съ досады поворотилась на другую сторону, и положивъ свѣжую свою щеку на руку, скоро послѣ него заснула.

Было уже такое время, которое по деревнямъ не называется рано, когда проснулась молодая хозяйка возлѣ храпѣвшаго супруга. Вспомнивши, что онъ возвратился вчера домой въ 4 часу ночи, она пожалѣла будить его, и надѣвъ спальные башмачки, которые супругъ ея выписалъ изъ Петербурга, въ бѣлой кофточкѣ, драпировавшейся на ней какъ льющаяся вода, она вышла въ свою уборную, умылась свѣжею какъ сама водою и подошла къ туалету. Взглянувши на себя раза два, она увидѣла, что сего дня очень недурна. Это по видимому незначительное обстоятельство заставило ее просидѣть передъ зеркаломъ ровно два часа лишнихъ. Наконецъ она одѣлась очень мило и вышла освѣжиться въ садъ. Какъ нарочно время было тогда прекрасное, какимъ можетъ только похвалиться лѣтній южный день. Солнце, вступивши на полдень, жарило всею силою лучей; но подъ темными густыми алеями гулять

было прохладно, и цвѣты, пригрѣтые солнцемъ, утрояли свой запахъ. Хорошенькая хозяйка вовсе позабыла о томъ, что уже 12 часовъ и супругъ ея спитъ. Уже доходило до слуха ея послѣобѣденное храпѣнье двухъ кучеровъ и одного форейтора, спавшихъ въ конюшнѣ, находившейся за садомъ. Но она все сидѣла въ густой алеѣ, изъ которой былъ открытъ видъ на большую дорогу, и разсѣянно глядѣла на безлюдную ея пустынность, какъ вдругъ показавшаяся вдали пыль привлекла ея вниманіе. Всмотрѣвшись она скоро увидѣла нѣсколько экипажей. Впереди ѣхала открытая двумѣстная легонькая колясочка; въ ней сидѣлъ Генералъ съ толстыми, блестѣвшими, на солнцѣ эполетами и рядомъ съ нимъ Полковникъ. За ней слѣдовала другая четвероместная; въ ней сидѣлъ Маіоръ съ Генеральскимъ Адъютантомъ и еще двумя насупротивъ сидѣвшими офицерами; за коляской слѣдовали извѣстныя всѣмъ полковыя дрожки, которыми владѣлъ на этотъ разъ тучный Маіоръ; за дрожками четвероместный бонвояжъ, въ которомъ сидѣли четыре офицера и пятый на рукахъ .. за бонвояжемъ рисовались три офицера на прекрасныхъ гнѣдыхъ лошадяхъ въ темныхъ яблокахъ.

«Неужели это къ намъ?» подумала хозяйка дома.. «Ахъ, Боже мой! въ самомъ дѣлѣ они поворотили на мостъ!» Она вскрикнула, всплеснула руками и побѣжала чрезъ клумбы и цвѣты прямо въ спальню своего мужа. Онъ спалъ мертвецки.

«Вставай, вставай! вставай скорѣе!» Кричала она дергая его за руку.

«А?» проговорилъ потягиваясь Чертокуцкій неразскрывая глазъ.

«Вставай, Пульпультикъ!» слышишь ли? гости!

»Гости, какіе гости?« сказавши это, онъ испустилъ небольшое мычаніе, какое издаетъ теленокъ, когда ищетъ мордою сосцовъ своей матери. »Мм«... ворчалъ онъ »протяни, Моньмуня, свою шейку! я тебя поцѣлую.»

«Душенька, вставай ради Бога скорѣй. Генералъ съ офицерами! Ахъ, Боже мой, у тебя въ усахъ репейникъ.»

«Генералъ? А, такъ онъ уже ѣдетъ? Да что же это, чортъ возьми, меня никто не разбудилъ. А обѣдъ, чтожъ обѣдъ, все ли тамъ какъ слѣдуетъ готово?

«Какой обѣдъ?»

«А я развѣ не заказывалъ.»

«Ты? ты пріѣхалъ въ 4 часа ночи и сколько я ни спрашивала тебя, ты ничего не сказалъ мнѣ. Я тебя, Пульпультикъ потому не будила, что мнѣ жаль тебя стало: ты ничего не спалъ» . . . Послѣд-

нія слова сказала она чрезвычайно томнымъ и умоляющимъ голосомъ.

« Чертокуцкій, вытаращивъ глаза, минуту лежалъ на постелѣ, какъ громомъ пораженный. Наконецъ вскочилъ онъ въ одной рубашкѣ съ постели, позабывши, что это вовсе неприлично.

« Ахъ, я лошадь! » сказалъ онъ, ударивъ себя по лбу. » Я звалъ ихъ на обѣдъ. Что дѣлать? далеко они? »

« Я не знаю . . . они должны сію минуту уже быть. »

« Душенька . . . спрячься! . . . « Эй, кто тамъ! ты, дѣвчонка! ступай, чего дура боишься, пріѣдутъ офицеры сію минуту. Ты скажи, что Барина нѣтъ дома, скажи, что и небудетъ совсѣмъ, что еще съ утра выѣхалъ, слышишь! и дворовымъ всѣмъ объяви, ступай скорѣе!

« Сказавши это, онъ схватилъ наскоро халатъ и побѣжалъ спрятаться въ экипажный сарай, полагая тамъ положеніе свое совершенно безопаснымъ. Но ставши въ углу сарая, онъ увидѣлъ, что и здѣсь можно было его какъ нибудь увидѣть. « А вотъ это будетъ лучше » мелькнуло въ его головѣ, и онъ въ одну минуту отбросилъ ступени близъ стоявшей коляски, вскочилъ туда, закрылъ за собою дверцы,

для бо́льшей безопасности закрылся фартукомъ и кожею, и притихъ совершенно согнувшись въ своемъ халатѣ.

Между тѣмъ экипажи подъѣхали къ крыльцу.

«Вышелъ Генералъ и встряхнулся, за нимъ Полковникъ, поправляя руками султанъ на своей шляпѣ. Потомъ соскочилъ съ дрожекъ толстый Маіоръ, держа подъ мышкою саблю. Потомъ выпрыгнули изъ бонвояжа тоненькіе Подпоручики съ сидѣвшимъ на рукахъ Прапорщикомъ, наконецъ сошли съ сѣделъ рисовавшіеся на лошадяхъ офицеры.

«Барина нѣтъ дома,» сказалъ входя на крыльцо лакей.

«Какъ нѣтъ? стало быть онъ однакожъ будетъ къ обѣду?

«Никакъ нѣтъ. Они уѣхали на весь день. Завтра развѣ около этаго только времени будетъ.»

«Вотъ тебѣ на!» сказалъ Генералъ «какъ же это?...»

«Признаюсь, это штука,« сказалъ Полковникъ смѣясь.

«Да нѣтъ, какъ же этакъ дѣлать? продолжалъ Генералъ съ неудовольствіемъ:« Фить . . . Чортъ . . . Ну не можешь принять, зачѣмъ напрашиваться?»

« Я, Ваше Превосходительство, не понимаю, какъ можно это дѣлать » сказалъ одинъ молодой офицеръ.

« Что?» сказалъ Генералъ, имѣвшій обыкновеніе всегда произносить эту вопросительную частицу когда говорилъ съ оберъ-офицеромъ.

« Я говорилъ, Ваше Превосходительство, какъ можно поступать такимъ образомъ.»

« Натурально . . . Ну не случилось что ли — дай знать покрайней мѣрѣ, или не проси. »

« Чтожъ, Ваше Превосходительство, нѣчего дѣлать, поѣдемте назадъ!» сказалъ Полковникъ.

« Разумѣется, другаго средства нѣтъ. Впрочемъ коляску мы можемъ посмотрѣть и безъ него. Онъ вѣрно ее не взялъ съ собою. Эй, кто тамъ, подойди братецъ, сюда! »

»Что изволите?»

»Ты конюхъ? «

»Конюхъ, Ваше Превосходительство.»

«Покажи-ка намъ новую коляску, которую недавно досталъ Баринъ! »

«А вотъ пожалуйте въ сарай!»

Генералъ отправился вмѣстѣ съ офицерами въ арай.

« Вотъ извольте, я ее не много выкачу, здѣсь эмненько.»

«Довольно, довольно, хорошо!»

Генералъ и офицеры обошли вокругъ коляску тщательно осмотрѣли колеса и рессоры.

« Ну, ничего нѣтъ особеннаго, сказалъ Генералъ, оляска самая обыкновенная.

« Самая неказистая, сказалъ Полковникъ, совер- енно нѣтъ ничего хорошаго. »

«Мнѣ кажется, Ваше Превосходительство, она со ѣмъ не стоитъ четырехъ тысячъ,» сказалъ одинъ ъ молодыхъ офицеровъ.

« Что? »

« Я говорю, Ваше Превосходительство, что мнѣ жется, она не стоитъ четырехъ тысячъ.»

« Какое четырехъ тысячъ! она и двухъ не сто- ь. Просто ничего нѣтъ. Развѣ внутри есть что

нибудь особенное... Пожалуста, любезной, отстегни кожу.» . . .

И глазамъ офицеровъ предсталъ Чертокуцкій, сидящій въ халатѣ и согнувшійся необыкновеннымъ образомъ.

«А, вы здѣсь!» . . . сказалъ изумившійся Генералъ.»

Сказавши это, Генералъ тутъ же захлопнулъ дверцы, закрылъ опять Чертокуцкаго фартукомъ и уѣхалъ вмѣстѣ съ господами офицерами.

Н. Гоголь.

Изъ А. Шенье.

Покровъ, упитанный язвительною кровью,
Кентавра мстящій даръ, ревнивою любовью
Алкиду переданъ. Алкидъ его пріялъ.
Въ божественной крови ядъ быстрый побѣжалъ.
Се — ярый мученикъ, въ ночи скитаясь, воетъ;
Стопами тяжкими вершину Эты роетъ;
Гнетъ, ломитъ древеса; исторженные пни
Высоко громоздитъ; его рукой они
Въ костеръ навалены; онъ ихъ зажегъ; онъ всходитъ;
Недвижимъ на кострѣ онъ въ небо взоръ возводитъ;
Подъ мышцей палица; въ ногахъ Немейскій левъ
Разостланъ. Дунулъ вѣтръ; поднялся свистъ и ревъ;
Треща горитъ костеръ; и вскорѣ пламя, воя,
Уноситъ къ небесамъ безсмертный духъ Героя.

О
ДВИЖЕНІИ ЖУРНАЛЬНОЙ ЛИТТЕРАТУРЫ,
ВЪ 1834 И 1835 ГОДУ.

Журнальная литтература, эта живая, свѣжая, говорливая, чуткая литтература, также необходима въ области наукъ и художествъ, какъ пути сообщенія для Государства, какъ ярмарки и биржи для купечества и торговли. Она ворочаетъ вкусомъ толпы, обращаетъ и пускаетъ въ ходъ все выходящее наружу въ книжномъ мірѣ, и которое безъ того было бы въ обоихъ смыслахъ мертвымъ капиталомъ. Она быстрый, своенравный размѣнъ всеобщихъ мнѣній, живой разговоръ всего тиснимаго типографскими станками; ея голосъ есть вѣрный представитель мнѣній цѣлой эпохи и вѣка, мнѣній, безъ нее бы исчезнувшихъ безгласно. Она волею и неволею

захватываетъ и увлекаетъ въ свою область девять десятыхъ всего, что дѣлается принадлежностію литтературы. Сколько есть людей, которые судятъ, говорятъ и толкуютъ потому, что всѣ сужденія поднесены имъ почти готовыя, и которые сами отъ себя вовсе не толковали бы, не судили, не говорили. И такъ журнальная литтература во всякомъ случаѣ имѣетъ право требовать самаго пристальнаго вниманія.

Можетъ быть, давно у насъ не было такъ рѣзко замѣтно отсутствія журнальной дѣятельности и живаго современнаго движенія, какъ въ послѣдніе два года. Безцвѣтность была выраженіемъ бо́льшей части повременныхъ изданій. Многіе старые журналы прекратились, другіе тянулись медленно и вяло; новыхъ, кромѣ Библіотеки для чтенія и въ послѣдствіи Московскаго Наблюдателя, не показалось, между тѣмъ, какъ именно въ это время была замѣтна всеобщая потребность умственной пищи, и значительно возрасло число читающихъ. Какъ ни бѣдна эта эпоха, но она такое же имѣетъ право на наше вниманіе, какъ и та, которая бы кипѣла движеніемъ, ибо также принадлежитъ Исторіи нашей словесности. Читатели имѣли полное право жаловаться на скудость и постной видъ нашихъ журналовъ: Телеграфъ давно потерялъ тотъ рѣзкій тонъ, который давало ему воинственное его положеніе въ отношеніи журналовъ Петербургскихъ. Телескопъ наполнялся статьями, въ которыхъ не было ничего свѣжаго, животрепещущаго. Въ это время

книгопродавецъ Смирдинъ, давно уже извѣстный своею дѣятельностію и добросовѣстностію, который одинъ только, къ стыду прочихъ недальнозоркихъ своихъ товарищей, показалъ предпріимчивость и своими оборотами далъ движеніе книжной торговлѣ, книгопродавецъ Смирдинъ рѣшился издавать журналъ обширный, энциклопедической, завоевать всѣхъ Литтераторовъ, сколько ни есть ихъ въ Россіи, и заставить ихъ участвовать въ своемъ предпріятіи. Въ программѣ были выставлены имена почти всѣхъ нашихъ Писателей. Профессоръ Арабской Словесности г. Сенковскій взялся быть распорядителемъ журнала; къ нему былъ присоединенъ Редакторомъ г. Гречь, извѣстный уже постояннымъ изданіемъ двухъ журналовъ: Сѣверной Пчелы и Сына Отечества. Не знаемъ, сами ли они взялись за сіе дѣло, или упрошены были г. Смирдинымъ; но въ томъ и другомъ случаѣ книгопродавецъ по общему мнѣнію поступилъ нѣсколько неосмотрительно. Успѣвши соединить для своего изданія такое множество Литтераторовъ, онъ долженъ былъ предоставить ихъ суду избраніе Редактора.

Никто тогда не позаботился о весьма важномъ вопросѣ: долженъ ли журналъ имѣть одинъ опредѣленной тонъ, одно уполномоченное мнѣніе, или быть складочнымъ мѣстомъ всѣхъ мнѣній и толковъ. Журналъ на сей щетъ отозвался глухо, обыкновеннымъ объявленіемъ, что критика будетъ самая благонамѣренная и безпристрастная, чуждая всякой личности и неприличности, обѣщаніе, которое

дастъ всякой журналистъ. Съ выходомъ первой книжки публика ясно увидѣла, что въ журналѣ господствуетъ тонъ, мнѣнія и мысли *одного*, что имена писателей, которыхъ блестящая шеренга наполнила полстраницы заглавнаго листка, взята была только напрокатъ, для привлеченія большаго числа подписчиковъ.

Книгопродавецъ Смирдинъ исполнилъ съ своей стороны все, чего публика въ правѣ была *отъ него* требовать. Туже самую честность, которая всегда отличала его, показалъ онъ и въ изданіи журнала. Журналъ выходилъ съ необыкновенною исправностію: подписчики вмѣстѣ съ первымъ числомъ каждаго мѣсяца встрѣчали толстую книгу, какой у насъ въ прежнее время ни одна типографія не могла бы поставить въ два мѣсяца. Вмѣсто обѣщаннаго числа осмнадцати листовъ въ мѣсяцъ, выходило иногда вдвое болѣе. Теперь разсмотримъ, исполнили ли долгъ тѣ, которымъ онъ ввѣрилъ внутреннее распоряженіе журнала. — Главнымъ дѣятелемъ и движущею пружиною всего журнала былъ г. Сенковскій. Имя г. Греча выставлено было только для формы, покрайней мѣрѣ никакого дѣйствія не было замѣтно съ его стороны. Г. Гречь давно уже сдѣлался почетнымъ и необходимымъ Редакторомъ всякаго предпринимаемаго періодическаго изданія: такъ обыкновенно почтеннаго пожилаго человѣка приглашаютъ въ посаженые отцы на всѣ свадьбы. Но какая цѣль была редакціи этого журнала, какую задачу предположила она рѣшить? Здѣсь по неволѣ должны мы задуматься, что безъ сомнѣ-

нія сдѣлаетъ и читатель. Въ программѣ ничего не сказалъ г. Сенковскій о томъ, какой начерталъ для себя путь, какую выбралъ себѣ цѣль; всѣ увидѣли только, что онъ взошелъ незамѣтно въ первый номеръ и въ концѣ его развернулся какъ полный хозяинъ.

Впрочемъ нельзя жаловаться и на это: положимъ, для журналиста необходимъ рѣзкій тонъ и нѣкоторая даже дерзость (чего однакожъ мы не одобряемъ, хотя намъ извѣстно, что съ подобными качествами журналисты всегда выигрываютъ въ мнѣніи толпы), но на что преимущественно было обращено вниманіе сего хозяина, какая мысль его пересиливала всѣ прочія, къ чему направлено было его пристрастіе, были ли гдѣ замѣтны тѣ неподвижныя правила, безъ коихъ человѣкъ дѣлается безхарактернымъ, которыя даютъ ему оригинальность и опредѣляютъ его физіогномію?

Прочитавши все помѣщенное имъ въ этомъ журналѣ, слѣдуя за всѣми словами, сказанными имъ, невольно остановимся въ изумленіи: что это такое? что заставляло писать этого человѣка? Мы видимъ человѣка, который беретъ деньги вовсе недаромъ, который трудится до поту лица, не только заботится о своихъ статьяхъ, но даже переправляетъ чужія, однимъ словомъ, является неутомимымъ. Для чего же вся эта дѣятельность? Послѣдуемъ за распорядителемъ во всѣхъ родахъ его сочиненій и скажемъ нѣсколько словъ о главныхъ качествахъ его статей. Это во всѣхъ отношеніяхъ необходимо.

Г. Сенковскій является въ журналѣ своемъ какъ критикъ, какъ повѣствователь, какъ ученый, какъ сатирикъ, какъ глашатай новостей и проч. и проч., является въ видѣ Брамбеуса, Морозова, Тютюнджу Оглу, А. Бѣлкина, наконецъ въ собственномъ видѣ. Какъ ученый, г. Сенковскій помѣстилъ довольно большую статью о Сагахъ, статью исполненную ипотезъ не собственныхъ, но схваченныхъ наудачу изъ разныхъ бѣгло прочитанныхъ книгъ, ипотезъ, вовсе не принадлежащихъ Русской Исторіи. Эти Саги, которыя проницательный Шлёцеръ, не имѣющій донынѣ равнаго по строгому и глубокому критическому взгляду, призналъ за басни, недостойныя никакого вниманія, эти Саги онъ ставитъ краеугольнымъ камнемъ Русской Исторіи и не приводитъ ни одного доказательства, повѣреннаго критикою: онъ вовсе не опредѣлилъ ихъ истиннаго и единственнаго достоинства. Саги суть поэтическое созданіе народа, игравшаго великую въ исторіи роль. Эта статья, испещренная реторическими фигурами, понравилась добрымъ, но ограниченнымъ людямъ, а г. Булгаринъ даже написалъ рецензію, въ которой поставилъ г. Сенковскаго выше Шлёцера, Гумбольта и всѣхъ когда либо существовавшихъ Ученыхъ. Другое весьма важное притязаніе г. Сенковскаго и настоящій конекъ его есть Востокъ. Здѣсь онъ всегда возвышалъ голосъ, и какъ только выходило какое нибудь сочиненіе о Востокѣ, или упоминалось гдѣ нибудь о Востокѣ, хотя бы даже это было въ стихотвореніи, онъ гнѣвался и утверждалъ, что Авторъ не можетъ судить и не долженъ судить о Востокѣ

что онъ не знаетъ Востока. Слово, сказанное съ сердцемъ, очень извинительно въ человѣкѣ, влюбленномъ въ свой предметъ и который между тѣмъ видитъ, какъ мало понимаютъ его другіе; но этотъ человѣкъ уже долженъ покрайней мѣрѣ утвердить за собою авторитетъ. Г. Сенковскому точно слѣдовало бы издать что нибудь о Востокѣ. Человѣку, ничего не сдѣлавшему, трудно вѣрить на слово, особливо, когда его сужденія такъ легковѣсны и проникнуты духомъ нетерпимости; а изъ нѣкоторыхъ его отрывковъ о Востокѣ видны тѣже самые недостатки, которые онъ безпрестанно порицаетъ у другихъ. Ничего новаго не сказалъ онъ въ нихъ о Востокѣ, ни одной яркой черты, сильной мысли, геніальнаго предположенія! Нельзя отвергать, чтобы г. Сенковскій не имѣлъ свѣдѣній, напротивъ очень видно, что онъ много читалъ, но у него нигдѣ не замѣтно этой движущей господствующей силы, которая направляла бы его къ какой нибудь цѣли. Всѣ эти свѣдѣнія находятся у него въ какомъ-то броженіи, другъ другу противорѣчатъ, между собой не уживаются. Разсмотримъ его мнѣнія, относящіяся собственно къ текущей изящной литтературѣ. Въ критикѣ г. Сенковскій показалъ отсутствіе всякаго мнѣнія, такъ, что ни одинъ изъ читателей не можетъ сказать навѣрное, что болѣе нравилось рецензенту и заняло его душу, что пришлось по его чувствамъ: въ его рецензіяхъ нѣтъ *ни положительнаго, ни отрицательнаго вкуса, вовсе никакого*. То, что ему нравится сегодня, завтра дѣлается предметомъ его насмѣшекъ. Онъ первый поставилъ г. Кукольника наряду съ Гёте,

и самъ же объявилъ, что это сдѣлано имъ потому только, что такъ ему вздумалось. Стало быть, у него рецензія не есть дѣло убѣжденія и чувства, а просто слѣдствіе расположенія духа и обстоятельствъ. Вальтеръ Скоттъ, этотъ великій геній, коего безсмертныя созданія объемлютъ жизнь съ такою полнотою, Вальтеръ Скоттъ названъ шарлатаномъ. И это читала Россія, это говорилось людямъ уже образованнымъ, уже читавшимъ Вальтеръ Скотта. Можно быть увѣрену, что г. Сенковскій сказалъ это безъ всякаго намѣренія, изъ одной опрометчивости; потому что онъ никогда не заботится о томъ, что говоритъ, и въ слѣдующей статьѣ уже не помнитъ вовсе написаннаго въ предыдущей.

Въ разборахъ и критикахъ г. Сенковскій тоже никогда не говорилъ о внутреннемъ характерѣ разбираемаго сочиненія, не опредѣлялъ вѣрными и точными чертами его достоинства: Критика его была или безусловная похвала, въ которой рецензентъ отъ всей души тѣшился собственными фразами, или хула, въ которой отзывалось какое-то странное ожесточеніе. Она состояла въ мелочахъ, ограничивалась выпискою двухъ-трехъ фразъ и насмѣшкою. Ничего не было сказано о томъ, что предполагалъ себѣ цѣлью авторъ разбираемаго сочиненія, какъ оное выполнилъ, и если не выполнилъ, какъ долженъ былъ выполнить. Больше всего г. Сенковскій занимался разборомъ разнаго литтературнаго сора, множествомъ всякаго рода пустыхъ книгъ; надъ ними шутилъ, трунилъ и показы-

валъ то остроуміе, которое такъ нравится нѣкоторымъ читателямъ. Наконецъ даже завязалъ цѣлое дѣло о двухъ мѣстоименіяхъ: *сей* и *оный*, которыя показались ему, неизвѣстно почему, неумѣстными въ Русскомъ слогѣ. Объ этихъ мѣстоименіяхъ писаны имъ были цѣлые трактаты, и статьи его, разсуждавшія о какомъ бы то ни было предметѣ, всегда оканчивались тѣмъ, что мѣстоименія сей и оный совершенно неприличны. Это напомнило старый процессъ Тредьяковскаго за букву ижицу и десятеричное і, который въ послѣдствіи еще не такъ давно поддерживалъ одинъ Профессоръ. Книга, въ которой г. Сенковскій встрѣчалъ эти двѣ частицы, была торжественно признаваема написанною дурнымъ слогомъ.

Его собственныя сочиненія, повѣсти и тому подобное, являлись подъ фирмою Брамбеуса. Эти повѣсти и статьи въ родѣ повѣстей, своимъ близкимъ, неумѣреннымъ подражаніемъ нынѣшнимъ писателямъ Французскимъ, произвели всеобщее изумленіе, потому что г. Сенковскій охуждалъ гласно всю текущую Французскую литтературу. Непостижимо, какъ въ этомъ случаѣ онъ имѣлъ такъ мало смѣтливости и до такой степени щиталъ простоватыми своихъ читателей. Неизвѣстно тоже, почему называлъ онъ нѣкоторыя статьи свои фантастическими. Отсутствіе всякой истины, естественности и вѣроятности еще нельзя считать фантастическимъ. Фантастическія сочиненія Б. Брамбеуса напоминаютъ книги, какихъ нѣкогда было очень много, какъ

то: не любо не слушай, а лгать не мѣшай, и тому подобныя. Таже безотчетность и еще менѣе устремленія къ доказательству какой нибудь мысли. Опытные читатели замѣтили въ нихъ чрезвычайно много похищеній, сдѣланныхъ наскоро, на всемъ бѣгу: авторъ мало заботился о ихъ связи. То, что въ оригиналахъ имѣло смыслъ, то въ копіи было безъ всякаго значенія.

Таковы были труды и дѣйствія распорядителя Б. для Ч. Мы почли нужнымъ упомянуть о нихъ нѣсколько обстоятельнѣе потому, что онъ одинъ законодательствовалъ въ Библіотекѣ для чтенія, и что мнѣнія его разносились чрезвычайно быстро вмѣстѣ съ четырьмя тысячами экземпляровъ Журнала по всему лицу Россіи.

Невозможно, чтобы журналъ, издаваемый при средствахъ, доставленныхъ книгопродавцемъ Смирдинымъ, былъ плохъ. Онъ уже выигрывалъ тѣмъ, что издавался въ большомъ объемѣ толстыми книгами. Это для подписчиковъ была пріятная новость, особливо для жителей нашихъ городовъ и сельскихъ помѣщиковъ. Въ Библіотекѣ находились переводы иногда любопытныхъ статей изъ иностранныхъ журналовъ, въ отдѣлѣ стихотворномъ попадались имена свѣтилъ Русскаго Парнасса. Но постоянно лучшимъ отдѣленіемъ ея была *смѣсь*, вмѣщавшая въ себѣ очень много разнообразныхъ свѣжихъ новостей, отдѣленіе живое, чисто журнальное. Изящная проза, оригинальная и переводная, повѣсти и прочее, ока-

зывала очень мало вкуса и выбора. Въ Библіотекѣ для чтенія случилось еще одно дотолѣ не слыханное на Руси явленіе. Распорядитель ея сталъ переправлять и передѣлывать всѣ почти статьи въ ней печатаемыя, и любопытно то, что онъ объявлялъ объ этомъ самъ довольно смѣло и откровенно. »У насъ«, говоритъ онъ, въ Библіотекѣ для чтенія, не такъ, какъ въ другихъ журналахъ: мы никакой повѣсти не оставляемъ въ прежнемъ видѣ, всякую передѣлываемъ: иногда составляемъ изъ двухъ одну, иногда изъ трехъ, и статья значительно улучшается нашими передѣлками. Такой странной опеки до сихъ поръ на Руси еще не бывало.

Многіе писатели начали опасаться, чтобы публика не приняла статей, часто помѣщаемыхъ безъ подписи или подъ вымышленными именами, за ихъ собственныя, и потому начали отказываться отъ участія въ изданіи сего журнала. Число сотрудниковъ такъ умалилось, что на другой годъ издатели уже не выставили длиннаго списка именъ и упомянули глухо, что участвуютъ лучшіе литтераторы, не означая какіе. Журналъ хотя не измѣнился въ величинѣ и планѣ, но статьи замѣтно начали быть хуже; видно было менѣе старанія. Библіотеку уже менѣе читали въ Столицахъ, но все также много въ провинціяхъ, и мнѣнія ея также обращались быстро. Обратимся къ другимъ журналамъ.

Сѣверная Пчела заключала въ себѣ оффиціальныя извѣстія, и въ этомъ отношеніи выполнила

свое дѣло. Она помѣщала извѣстія политическія, заграничныя и отечественныя новости. Редакторъ г. Гречь довелъ ее до строгой исправности: она всегда выходила въ положенное время; но въ литтературномъ смыслѣ она не имѣла никакого опредѣленнаго тона и не выказывала никакой сильной руки, двигавшей ея мнѣнія. Она была какая-то корзина, въ которую сбрасывалъ всякой все, что ему хотѣлось. Разборы книгъ, всегда почти благосклонные, писались пріятелями, а иногда самими авторами. Въ Сѣверной Пчелѣ пробовали остроту пера разные незнакомцы, скрывавшіеся подъ разными буквами, безъ сомнѣнія люди молодые, потому что въ статьяхъ выказывалось довольно удальства. Они нападали развѣ уже на самаго беззащитнаго и круглаго сироту. На счетъ неопрятныхъ изданій являлись остроумныя колкости, нѣсколько похожія одна на другую. Сущность рецензій состояла въ томъ, чтобы расхвалитъ книгу и при концѣ сложить съ себя весь грѣхъ такою оговоркою: впрочемъ желательно, чтобы почтенной авторъ исправилъ небольшія погрѣшности относительно языка и слога, или: хорошая книга требуетъ хорошаго изданія, и тому подобное, за что авторъ разбираемой книги иногда обижался и жаловался на пристрастіе рецензента. Книги часто были разбираемы тѣми же самыми рецензентами, которые писали извѣстія о новыхъ табачныхъ фабрикахъ, открывавшихся въ Столицѣ, о помадѣ и проч.; сіи извѣстія иногда довольно остроумно и въ шуткахъ своихъ показывали ловкихъ и хорошо воспитанныхъ людей безъ сомнѣнія имѣв-

шихъ основательныя причины быть довольными фабрикантами. Впрочемъ отъ Сѣв. Пчелы больше требовать было нечего: она была всегда исправная ежедневная афиша, ея дѣломъ было пригласить публику, а судить она предоставляла самой публикѣ.

Журналъ, носившій названіе Сына отечества и Сѣвернаго Архива, былъ почти невидимкою во все время. О немъ никто не говорилъ, на него никто не ссылался, не смотря на то, что онъ выходилъ исправно еженедѣльно и что печаталъ такую огромную программу на своей оберткѣ, какую врядъ ли гдѣ можно было встрѣтить. Въ Сынѣ отечества (говорила программа) будетъ Археологія, Медицина, Правовѣдѣніе, Статистика, Русская Исторія, Всеобщая Исторія, Русская Словесность, Иностранная Словесность, наконецъ просто Словесность, Географія, Этнографія, Историческая Галлерея и прочее. Иной ахнетъ, прочитавши такую ужасную программу и подумаетъ, что это огромнѣйшее энциклопедическое изданіе, когда либо существовавшее на свѣтѣ. Ни чуть ни бывало: выходила худенькая, тоненькая книжечка въ три листа начинавшаяся статьею о какихъ нибудь болѣзняхъ, которой не читали даже медики. Критическая статья, а тѣмъ еще болѣе живая и современная, не была въ немъ постоянною. Новости политическія были тѣже сухіе факты, взятые изъ Сѣверной Пчелы, слѣдственно уже всѣмъ извѣстные. Помѣщаемыя какія-то оригинальныя повѣсти были довольно странны, чрезвычайно коротенькія и совершенно безцвѣтны. Если попа-

далось что нибудь достойное замѣчанія, то оно оставалось незамѣтнымъ. Имена Редакторовъ гг. Булгарина и Греча стояли только на заглавномъ листкѣ; но съ ихъ стороны рѣшительно не было видно никакого участія. Однакожъ журналъ существовалъ, стало быть читатели и подписчики были. Эти читатели и подписчики были почтенные и пожилые люди, живущіе въ провинціяхъ, которымъ что нибудь почитать также необходимо, какъ заснуть часикъ послѣ обѣда, или выбриться два раза въ недѣлю.

Издавалась еще въ Петербургѣ въ продолженіе всего этаго времени Газета чисто литтературная, освобожденная отъ всякихъ вторженій наукъ и важныхъ свѣдѣній, не политическая, не статистическая, не энциклопедическая, любительница стараго, но при всемъ томъ имѣвшая особенный характеръ. Названіе этой газеты: Литтературныя прибавленія къ Инвалиду. Въ ней помѣщались легонькія повѣсти: бесѣды деревенскихъ помѣщиковъ о Литтературѣ, бесѣды часто довольно обыкновенныя, но иногда мѣстами проникнутыя колкостями близкими къ истинѣ: читатель къ изумленію своему видѣлъ, что помѣщики къ концу статьи дѣлались совершенными литтераторами, принимали къ сердцу текущую литтературу и приправляли свои мнѣнія ѣдкою насмѣшкою. Этотъ журналъ всегда оказывалъ оппозицію противу всякаго счастливаго наѣздника, хотя его вся тактика часто состояла только въ томъ, что онъ выписывалъ одно какое нибудь мѣсто, доказывающее журнальную опромет-

чивость, и присовокуплялъ отъ себя довольно злое замѣчаніе не длиннѣе строчки съ восклицательнымъ знакомъ. Г. Воейковъ былъ чрезвычайно дѣятельный ловецъ и какъ рыбакъ сидѣлъ съ удой на берегу, не теряя терпѣнія, хотя на его уду попадалась большею частію мелкая рыба, а большая обрывалась. Въ Редакторѣ была замѣтна чисто литтературная жизнь, и онъ съ неохлажденнымъ вниманіемъ не сводилъ глазъ съ журнальнаго поля. Я не знаю, много ли было читателей его Газеты, но она очень стоила того, чтобы иногда въ нее заглянуть.

Въ Москвѣ издавался одинъ только Телескопъ, съ небольшими листками прибавленія, подъ именемъ Молвы; журналъ въ началѣ отозвавшійся живостью, но вскорѣ простывшій, наполнявшійся статьями безъ всякаго разбора, лишенный всякаго литтературнаго движенія. Видно было, что издатели не прилагали о немъ никакого старанія и выдавали книжки какъ нибудь.

Монополія, захваченная Библіотекою для чтенія, не могла не задѣть за живое другихъ журналовъ. Но Сѣверная Пчела была издаваема тѣмъ же самымъ г. Гречемъ, котораго имя нѣкоторое время стояло на заглавномъ листкѣ въ Библіотекѣ какъ главнаго ея Редактора, хотя это званіе, какъ мы уже видѣли, было только почетное, и потому очень естественно, что Сѣверная Пчела должна была хвалить все, помѣщаемое въ Библіотекѣ, и настоящаго ея движителя, являвшагося подъ множествомъ разныхъ именъ, на-

зывать Русскимъ Гумбольтомъ. Но и безъ того она врядъ ли бы могла явиться сильною противницею, потому что не управлялась единою волею; разные литтераторы заглядывали туда только по своей надобности. Сынъ Отечества долженъ былъ повторять слова Пчелы. И такъ всего только два журнала могли возстать противъ его мнѣній. Г. Воейковъ показалъ въ литтератуныхъ прибавленіяхъ что-то похожее на оппозицію; но оппозиція его состояла въ легкихъ замѣткахъ журнальныхъ промаховъ, и иногда удачной остротѣ, выраженныхъ отрывисто, въ немногихъ словахъ, съ насмѣшкою, очень понятною для немногихъ литтераторовъ, но не замѣтною для непосвященныхъ. Нигдѣ не помѣстилъ онъ обстоятельной и основательной критики, которая опредѣлила бы сколько нибудь направленіе новаго журнала. Телескопъ въ соединеніи съ Молвою дѣйствовалъ противъ Библіотеки для чтенія, но дѣйствовалъ слабо, безъ постоянства, терпѣнія и необходимаго хладнокровія. Въ статьяхъ критическихъ онъ былъ часто исполненъ негодованія противъ новаго счастливца, шутилъ надъ баронствомъ г. Сенковскаго, сдѣлалъ нѣсколько справедливыхъ замѣчаній относительно его страннаго подражанія Французскимъ писателямъ, но не видѣлъ дѣла во всей ясности. Въ Молвѣ повторялись тѣже намеки на Брамбеуса часто по поводу разбора совершенно посторонняго сочиненія. Кромѣ того Телескопъ много вредилъ себѣ опаздываніемъ книжекъ, неаккуратностію изданія, и критическія статьи его чрезъ то еще менѣе были въ оборотѣ.

Очевидно, что силы и средства этихъ журналовъ были слишкомъ слабы въ отношеніи къ Библіотекѣ для чтенія, которая была между ними какъ слонъ между мелкими четвероногими. Ихъ бой былъ слишкомъ неравенъ, и они, кажется, не приняли въ соображеніе, что Библіотека для чтенія имѣла около пяти тысячь подписчиковъ, что мнѣнія Библіотеки для чтенія разносились въ такихъ слояхъ общества, гдѣ даже не слышали, существуютъ ли Телескопъ и Литтературныя прибавленія, что мнѣнія и сочиненія, помѣщаемыя въ Библіотекѣ для чтенія, были расхвалены издателями тойже Библіотеки для чтенія, скрывавшимися подъ разными именами, расхвалены съ энтузіазмомъ, всегда имѣющимъ вліяніе на большую часть публики; ибо то, что смѣшно для читателей просвѣщеныхъ, тому вѣрятъ со всѣмъ простодушіемъ читатели ограниченные, какихъ по количеству подписчиковъ можно предполагать болѣе между читателями Библіотеки, и къ тому же большая часть подписчиковъ были люди новые, доголѣ не знавшіе журналовъ, слѣдственно принимавшіе все за чистую истину; что наконецъ Библіотека для чтенія имѣла сильное для себя подкрѣпленіе въ 4,000 экземплярахъ Сѣв. Пчелы.

Ропотъ на такую неслыханную монополію сдѣлался силенъ. Въ Москвѣ наконецъ нѣсколько литтераторовъ рѣшились издавать какой нибудь свой журналъ. Новый журналъ нуженъ былъ не для публики, т. е. для большаго числа читателей, но собственно для литтераторовъ, различно при-

тѣсняемыхъ Библіотекою. Онъ былъ нуженъ 1) для тѣхъ, которые желали имѣть пріютъ для своихъ мнѣній, ибо *Б. д. Ч.* не принимала никакихъ критическихъ статей, если не были онѣ по вкусу главнаго распорядителя; 2) для тѣхъ, которые видѣли съ изумленіемъ, какъ на ихъ собственныя сочиненія наложена была рука распорядителя; ибо г. Сенковскій началъ уже переправлять, безо всякаго разбора лицъ, всѣ статьи, отдаваемыя въ Библіотеку. Онъ переправлялъ статьи военныя, историческія, литтературныя, относящіяся къ политической экономіи и проч., и все это дѣлалъ безъ всякаго дурнаго намѣренія, даже безъ всякаго отчета, не руководствуясь никакимъ чувствомъ надобности, или приличія. Онъ даже придѣлалъ свой конецъ къ комедіи Фонвизина, не разсмотрѣвши, что она и безъ того была съ концомъ.

Все это было очень досадно для писателей, рѣшительно не имѣвшихъ мѣста, куда бы могли подать жалобу свѣту и читателямъ.

Но уже одинъ слухъ о новомъ журналѣ возбудилъ негодованіе Библіотеки для Чтенія и подвинулъ ее къ неожиданному поступку: она увѣряла своихъ читателей и подписчиковъ съ необыкновеннымъ жаромъ, что новый журналъ будетъ бранчивой и неблагонамѣренный. Статья, помѣщенная по этому же случаю въ Сѣверной Пчелѣ, казалось, была писана человѣкомъ, въ отчаяніи предвидѣвшимъ свою конечную погибель. Въ ней увѣдомляли публику, что

новый журналъ хотѣлъ уронить Библіотеку для Чтенія, потому только, что издатели онаго объявили, что будутъ выпускать таковое же число листовъ, какъ и Б. д. Ч. Поступокъ чрезвычайно неосмотрительный! Въ подобномъ дѣлѣ необходимо скрыть свои мелкія чувства искусно и потомъ, выждавъ удобный случай, нанесть обдуманный ударъ. Если я издаю журналъ, зачѣмъ же не издавать его и другому? И какъ могу гнѣваться, если другой скажетъ, что онъ будетъ брать меня въ образецъ? Не долженъ ли я напротивъ его благодарить? Не показываетъ ли онъ тѣмъ степень уваженія, мною заслуженнаго въ публикѣ? Чѣмъ больше соревнованія, тѣмъ больше выигрыша для читателей и для Литтераторовъ

Но разсмотримъ, въ какой степени Москов. Набл. выполнилъ ожиданія публики, жадной до новизны, ожиданіе читателей образованныхъ, ожиданіе Литтераторовъ и опасеніе Библіотеки для Чтенія.

Новый журналъ, не смотря на ревностное стараніе привести себя во всеобщую извѣстность, не имѣлъ средствъ огласить во всѣ углы Россіи о своемъ появленіи, потому что единственные глашатаи вѣстей были его противники; Сѣверная Пчела и Библіотека для Чтенія, которые конечно не помѣстили бы благопріятныхъ о немъ объявленій. Онъ начался довольно поздно, не съ новымъ годомъ, слѣдственно не въ то время, когда обыкновенно начинаются подписки, наконецъ онъ пренебрегъ бы-

стрымъ выходомъ книжекъ и срочною ихъ постав-
кою. Но важнѣйшія причины неуспѣха заключались
въ характерѣ самаго журнала. По первымъ вышед-
шимъ книжкамъ уже можно было видѣть, что пред-
положеніе журнала было слѣдствіемъ одного горя-
чаго мгновенія. Въ Московскомъ Наблюдателѣ тоже
не было видно никакой сильной пружины, которая
управляла бы ходомъ всего журнала. Редакторъ
его видѣнъ былъ только на заглавномъ листкѣ. Имя
его было почти неизвѣстно. Онъ написалъ доселѣ
нѣсколько сочиненій статистическихъ, имѣющихъ
много достоинства, но которыхъ публика чисто лит-
тературная не знала вовсе. Литтературныя мнѣнія
его были неизвѣстны. Въ этомъ состояла большая
ошибка издателей Московскаго Наблюдателя. Они
позабыли, что редакторъ всегда долженъ быть вид-
нымъ лицемъ. На немъ, на оригинальности его мнѣ-
ній, на живости его слога, на общепонятности и об-
щезанимательности языка его, на постоянной свѣ-
жей дѣятельности его, основывается весь кредитъ
журнала. Но г. Андросовъ явился въ Московскомъ
Наблюдателѣ вовсе незамѣтнымъ лицомъ. Если же-
ланіе издателей было постановить только почетна-
го редактора, какъ вошло въ обычай у насъ на лѣ-
нивой Руси, то въ такомъ случаѣ они должны бы-
ли труды редакціи разложить на себя; но они оста-
вили всю отвѣтственность на редакторѣ, и Москов-
скій Наблюдатель сталъ похожъ на тѣ ученыя об-
щества, гдѣ члены ничего не дѣлаютъ и даже не
бываютъ въ присутствіи, между тѣмъ, какъ пре-
зидентъ является каждый день, садится въ свои кре-

сла и велитъ записывать протоколъ своего уединеннаго засѣданія. Въ журналѣ было нѣсколько очень хорошихъ статей, его украсили стихи Языкова и Баратынскаго — эти перлы Русской поэзіи, но при всемъ томъ въ журналѣ не было замѣтно никакой современной живости, никакого хлопотливаго движенія; не было въ немъ разнообразія необходимаго для изданія періодическаго. Замѣчательныя статьи, поступавшія въ этотъ журналъ, были похожи на оазисы, зеленѣющіе посреди цѣлаго моря песчаныхъ степей. Притомъ издатели, какъ кажется, мало имѣли свѣдѣнія о томъ, что нравится и что не нравится публикѣ. Статьи часто хорошія дѣлались скучными, потому только, что они тянулись изъ одного нумера въ другой съ несносною подписью: продолженіе впредь. Вотъ каковъ былъ журналъ, долженствовавшій бороться съ Библіотекой для Чтенія.

Наблюдатель начался оппозиціонною статьею г. Шевырева о торговлѣ, зародившейся въ нашей Литтературѣ. Въ ней Авторъ нападаетъ на торговлю въ ученомъ мірѣ, на всеобщее стремленіе составить себѣ доходъ изъ Литтературныхъ занятій. Первая ошибка была здѣсь та, что Авторъ статьи обратилъ вниманіе не на главный предметъ. Во вторыхъ: онъ гремѣлъ противъ пишущихъ за деньги, но не разрушилъ никакого мнѣнія въ публикѣ касательно внутренней цѣнности товара. Статья сія была понятна однимъ Литтераторамъ, нанесла досаду Библіотекѣ для Чтенія, но ничего не дала знать

публикѣ, не понимавшей даже, въ чемъ состояло дѣло. Притомъ сіи нападенія были несправедливы, потому что устремлялись на непреложный законъ всякаго дѣйствія. Литтература должна была обратиться въ торговлю, потому что читатели и потребность чтенія увеличилась. Естественное дѣло, что при этомъ случаѣ всегда больше выигрываютъ люди предпріимчивые безъ большаго таланта, ибо во всякой торговлѣ, гдѣ покупщики еще простоваты, выигрываютъ больше купцы оборотливые и пронырливые. Должно показать, въ чемъ состоитъ обманъ, а не перещитывать ихъ барыши. Что Литтераторъ купилъ себѣ доходный домъ, или пару лошадей, это еще не бѣда; дурно то, что часть бѣднаго народа купила худой товаръ и еще хвалится своею покупкою. Должно было обратить вниманіе Г. Шевыреву на бѣдныхъ покупщиковъ, а не на продавцовъ. Продавцы обыкновенно бываютъ люди наѣздные: сего дня здѣсь, а завтра Богъ знаетъ гдѣ. При этомъ случаѣ сдѣланъ былъ несправедливый упрекъ книгопродавцу Смирдину, который вовсе невиноватъ, который за предпріимчивость и честную дѣятельность заслуживаетъ одну только благодарность. Нѣтъ спора, что онъ далъ, можетъ быть, много воли людямъ, которымъ приличнѣе было заниматься просто торговлею, а не Литтературою. Талантъ неискателенъ, но корыстолюбіе искательно. На это также смѣшно жаловаться, какъ было бы странно жаловаться на правительство, встрѣтивши недальновиднаго чиновника. Для таланта есть потомство, этотъ неподкупный ювелиръ, который

оправляетъ одни чистые бриллiянты. Г. Шевыревъ показалъ въ статьѣ своей благородный порывъ негодованiя на прозаическое, униженное направленiе Литтературы, но на большинство публики эта статья рѣшительно не сдѣлала никакого впечатлѣнiя. Библiотека отвѣчала коротко въ духѣ обыкновенной своей тактики: обратившись къ зрителямъ, т. е. къ подписчикамъ, она говорила: вотъ какое неблагородство духа показалъ г. Шевыревъ, неприличiе и неимѣнiе высокихъ чувствъ, упрекая насъ въ томъ, что мы трудимся для денегъ, тогда какъ и проч. Это обыкновенная политика Петербургскихъ журналовъ и газетъ. Какъ только кто нибудь сдѣлаетъ имъ упрекъ въ корыстолюбiи и въ бездѣйствiи, они всегда жалуются публикѣ на неприличiе выраженiй и неблагородство духа своихъ противниковъ, говорятъ, что статья эта писана съ цѣлiю только поддѣть публику и забрать отъ читателей деньги, что они почитаютъ съ своей стороны священнымъ долгомъ предувѣдомить публику.

И такъ выходка Московскаго Наблюдателя скользнула по Библiотекѣ для Чтенiя, какъ пуля по толстой кожѣ Носорога, отъ которой даже не чихнуло тучное четвероногое. Выславши эту пулю, Московскiй Наблюдатель замолчалъ. Доказательство, что онъ не начерталъ для себя обдуманнаго плана дѣйствiй и что рѣшительно не зналъ, какъ и съ чего начать. Должно было или не начинать вовсе, или если начать, то уже не отставать. Только постояннымъ дѣйствiемъ могъ Наблюдатель дать себѣ ходъ и сдѣлать имя

свое извѣстнымъ публикѣ, какъ сдѣлалъ его извѣстнымъ Телеграфъ, дѣйствуя такимъ же образомъ и почти при такихъ же обстоятельствахъ. Наблюдатель выпустилъ вслѣдъ за тѣмъ нѣсколько нумеровъ, но ни въ одномъ изъ нихъ не сказалъ ничего въ защиту и подкрѣпленіе своихъ мнѣній. Чрезъ нѣсколько нумеровъ показалась наконецъ статья, посвященная Брамбеусу, по поводу одной давно напечатанной въ Библіотекѣ статьи, подъ именемъ: Брамбеусъ и юная словесность, въ которой Брамбеусъ назвалъ самъ себя законодателемъ какой-то новой школы и водителемъ новой эпохи въ Русской Литтературѣ.

Это въ самомъ дѣлѣ было чрезвычайно странно. случалось, что Литтераторы иногда похваливали самихъ себя, или подъ именемъ друзей своихъ, или даже сами отъ себя, но все же съ нѣкоторою застѣнчивостію, и послѣ сами старались все это какъ нибудь загресть собственными руками, чувствуя, что нѣсколько провинились. Но никогда еще Авторъ не хвалилъ себя такъ свободно и непринужденно, какъ баронъ Брамбеусъ. Эта оригинальная статья слишкомъ была ярка, чтобы не быть замѣченною. Ею занялся и Телескопъ и потрунилъ надъ нею довольно забавно, только вскользь; съ обыкновенною смѣтливостію о ней намекнулъ г. Воейковъ; она возродила статью и въ Московскомъ Наблюдателѣ. Цѣль этой статьи была доказать, откуда баронъ Брамбеусъ почерпнулъ талантъ свой и знаменитость? какими твореніями чужихъ хозяевъ пользовался какъ своимъ? другими слова-

ми: изъ какихъ лоскутовъ баронъ Брамбеусъ сшилъ себѣ халатъ? Нѣсколько безгласныхъ книжекъ выходившихъ въ слѣдъ за тѣмъ, совершенно погрузили М. Наблюдателя въ забвеніе. Даже самая Библіотека для Чтенія перестала наконецъ упоминать о немъ, какъ о безсильномъ противникѣ; продолжала шутить надъ важнымъ и неважнымъ, и говорить все то, что первое попадалось подъ перо ея.

Вотъ каковы были дѣйствія нашихъ журналовъ. Изложивъ ихъ, разсмотримъ теперь, что сдѣлали они въ эти два года такого, которое должно вписаться въ Исторію нашей Литтературы, оставить въ ней свою оригинальную черту; какія мнѣнія, какіе толки они утвердили, что опредѣлили и какой мысли дали право Гражданства.

Длинная программа, сулящая статистику, медицину, литтературу ничего не значитъ. Извѣщеніе о томъ, что критика будетъ благонамѣренная, чуждая личностей и партій, то же не показываетъ цѣли. Она должна быть необходимымъ условіемъ всякаго журнала. Даже множество помѣщенныхъ въ журналѣ статей ничего не значитъ, если журналъ не имѣетъ своего мнѣнія и не оказывается въ немъ направленіе хотя даже одностороннее къ какой нибудь цѣли. Телеграфъ издавался, кажется, съ тѣмъ, чтобы испровергнуть обветшалыя, заматорѣлыя, почти машинальныя мысли тогдашнихъ нашихъ старожиловъ, классиковъ; Московскій Вѣстникъ, одинъ изъ лучшихъ журналовъ, не смотря на то, что въ немъ

немного было современнаго движенія, издавался съ тѣмъ, чтобы познакомить публику съ замѣчательнѣйшими созданіями Европы, раздвинуть кругъ нашей Литтературы, доставить намъ свѣжія идеи о писателяхъ всѣхъ временъ и народовъ. Здѣсь не мѣсто говорить, въ какой степени оба сіи журнала выполнили цѣль свою; покрайней мѣрѣ, стремленіе къ ней было чувствуемо въ нихъ читателями. Но разсмотрите внимательно издававшіеся въ послѣдніе два года журналы; уловите главную нить каждаго изъ нихъ: сей-то нити и не сыщете. Развернувши ихъ, будете поражены мелкостью предметовъ, вызвавшихъ толки ихъ. Подумаете, что рѣшительно ни одного важнаго событія не произошло въ Литтературномъ мірѣ. А между тѣмъ:

1) Умеръ знаменитый Шотландецъ, великій живописатель сердца, природы и жизни; полнѣйшій, обширнѣйшій геній XIX вѣка.

2) Въ литтературѣ всей Европы распространился безпокойный, волнующійся вкусъ. Являлись опрометчивыя, безсвязныя, младенческія творенія, но часто восторженныя, пламенныя — слѣдствіе политическихъ волненій той страны, гдѣ рождались. Странная, мятежная какъ комета, неорганизованная какъ она, эта литтература волновала Европу, быстро облетѣла всѣ углы читающаго міра. Пусть эти явленія будутъ всеміро-Европейскія, хотя они отражались и въ Россіи; разсмотримъ литтературныя событія чисто Русскія:

3) Распространилось въ большой степени чтеніе романовъ, холодныхъ, скучныхъ повѣстей, и оказалось очень явно всеобщее равнодушіе къ поэзіи.

4) Вышли новыми изданіями Державинъ, Карамзинъ, гласно требовавшіе своего опредѣленія и настоящей вѣрной оцѣнки такъ, какъ и всѣ прочіе старые писатели наши, ибо въ литтературномъ мірѣ нѣтъ смерти, и мертвецы также вмѣшиваются въ дѣла наши и дѣйствуютъ вмѣстѣ съ нами, какъ и живые. Они требовали возвращенія того, что дѣйствительно имъ слѣдуетъ; они требовали уничтоженія неправаго обвиненія, неправаго опредѣленія, безсмысленно повтореннаго въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ и повторяемаго донынѣ.

Но сказали ли журналы наши, руководимые строгимъ размышленіемъ, что такое былъ Вальтеръ Скоттъ, въ чемъ состояло вліяніе его, что такое Французская современная Литтература, отъ чего, откуда она произошла, что было поводомъ неправильнаго уклоненія вкуса и въ чемъ состоялъ ея характеръ? Отъ чего поэзія замѣнилась прозаическими сочиненіями? На какой степени образованія стоитъ Русская публика и что такое Русская публика? Въ чемъ состоитъ оригинальность и свойство нашихъ писателей?

Напрасно въ этомъ отношеніи читатель станетъ искать въ нихъ новыхъ мыслей или какихъ

нибудь слѣдовъ глубокаго, добросовѣстнаго изученія. Вальтеръ Скотта у насъ только побранили. Французскую Литтературу одни приняли съ дѣтскимъ энтузіазмомъ, утверждали, что модные писатели проникнули тайны сердца человѣческаго, дотолѣ сокровенныя для Сервантеса, для Шекспира.... другіе безотчетно поносили ее, а между тѣмъ сами писали во вкусѣ той же школы еще съ большими несообразностями. Вопросомъ: отъ чего у насъ въ большомъ ходу водяные романы и повѣсти? вовсе не занялись, а вмѣсто того въ добавокъ напустили и своихъ еще собственныхъ. О нашей публикѣ сказали только, что она почтенная публика и что должна подписываться на всѣ журналы и разныя изданія, ибо ихъ можетъ читать и отецъ семейства и купецъ и воинъ и Литтераторъ; о Державинѣ, Карамзинѣ и Крыловѣ ничего не сказали, или сказали то, что говоритъ уѣздный учитель своему ученику, и отдѣлались пошлыми фразами.

О чемъ же говорили наши журналы? Они говорили о ближайшихъ и любимѣйшихъ предметахъ: они говорили о себѣ, они хвалили въ своихъ журналахъ собственныя свои сочиненія; они рѣшительно были заняты только собою; на все другое они обращали какое-то холодное, безстрастное вниманіе. Великое и замѣчательное было какъ будто невидимо. Ихъ равнодушная критика обращена была на тѣ предметы, которые почти не заслуживали вниманія.

Въ чемъ же состоялъ главный характеръ этой критики? Въ ней очень явственно было замѣтно:

1) Пренебреженіе къ собственному мнѣнію. Почти никогда не было замѣтно, чтобы критикъ считалъ свое дѣло важнымъ и принимался за него съ благоговѣніемъ и предварительнымъ размышленіемъ, чтобы, водя перомъ своимъ, думалъ о небольшомъ числѣ возвышенно-образованныхъ современниковъ, передъ которыми онъ долженъ дать отвѣтъ въ каждомъ своемъ словѣ. Журнальная критика по большой части была какимъ-то гаэрствомъ. Какъ хвалили книгу покровительствуемаго автора? Не говорили просто, что такая-то книга хороша или достойна вниманія, въ такомъ-то и такомъ-то отношеніи, совсѣмъ нѣтъ. «Это книга» говорили рецензенты, удивительная, необыкновенная, неслыханная, геніяльная, первая на Руси, продается по пятнадцати рублей; авторъ выше Вальтеръ Скотта, Гумбольта, Гёте, Байрона. Возьмите, переплетите и поставьте въ библіотеку вашу; также и второе изданіе купите и поставьте въ библіотеку: хорошаго не мѣшаетъ имѣть и по два экземпляра.

Большая часть книгъ была разхвалена безъ всякаго разбора и совершенно безотчетно. Если счесть всѣ тѣ, которыя попали въ первоклассныя, то иной подумаетъ, что нѣтъ въ мірѣ богаче Русской Литературы, и только черезъ нѣсколько времени противоположные толки тѣхъ же самыхъ рецензентовъ

о тѣхъ же самыхъ книгахъ заставятъ его задуматься и приведутъ въ недоумѣніе. Таже самая неумѣренность являлась въ упрекахъ сочиненіямъ писателей, противъ которыхъ рецензентъ питалъ ненависть или неблагорасположеніе. Такъ же безотчетно изливалъ онъ гнѣвъ свой, удовлетворяя минутному чувству.

2) Литтературное безвѣріе и литтературное невѣжество. Эти два свойства особенно распространились въ послѣднее время у насъ въ Литтературѣ. Нигдѣ не встрѣтишь, чтобы упоминались имена уже окончившихъ поприще писателей нашихъ, которые глядятъ на насъ въ лучахъ славы съ вышины своей. Ни одинъ изъ критиковъ не поднялъ благоговѣйно глазъ своихъ, чтобы ихъ примѣтить. Никогда почти не стоятъ на журнальныхъ страницахъ имена Державина, Ломоносова, Фонвизина, Богдановича, Батюшкова. Ничего о вліяніи ихъ, еще остающемся, еще замѣтномъ. Никогда они даже не брались въ сравненіе съ нынѣшнею эпохой. Что наша эпоха кажется какъ будто отрублена отъ своего корня, какъ будто у насъ вовсе нѣтъ начала; какъ будто Исторія прошедшаго для насъ не существуетъ. Это Литтературное невѣжество распространяется особенно между молодыми рецензентами, такъ, что вообще современная критическая Литтература совершенно похожа на наносную. Не успѣетъ пройти годъ-другой, какъ толки, въ началѣ довольно громкіе, уже безгласные, неслышные какъ звукъ безъ отголоска, какъ фразы, сказанныя на вчерашнемъ балѣ. Имена писателей, уже упрочившихъ свою

славу, и писателей, еще требующихъ ея, сдѣлались совершенною игрушкою. Одинъ рецензентъ роняетъ тѣхъ, которыхъ поднялъ его противникъ, и все это дѣлается безъ всякаго разбора, безъ всякой идеи. Иное имя бываетъ обязано славою своею ссорѣ двухъ рецензентовъ. Не говоря о писателяхъ отечественныхъ, рецензентъ, о какой бы пустѣйшей книгѣ ни говорилъ, непремѣнно начнетъ Шекспиромъ, котораго онъ вовсе не читалъ. Но о Шекспирѣ пошло въ моду говорить — и такъ подавай намъ Шекспира. Говоритъ онъ: « съ сей точки начнемъ мы теперь разбирать открытую предъ нами книгу. Посмотримъ, какъ авторъ нашъ соотвѣтствовалъ Шекспиру,» а между тѣмъ разбираемая книга чепуха, писанная вовсе безъ всякихъ притязаній на соперничество съ Шекспиромъ, и сходствуетъ развѣ только съ духомъ и образомъ выраженій самаго рецензента.

3) Отсутствіе чистаго эстетическаго наслажденія и вкуса. Еще въ Московскихъ Журналахъ видишь иногда какой нибудь вкусъ, что нибудь похожее на любовь къ искусству; напротивъ того критики журналовъ Петербургскихъ, особенно такъ называемые благопристойные, чрезвычайно ничтожны. Разбираемыя сочиненія превозносятся выше Байрона, Гёте и проч.! Но нигдѣ не видитъ читатель, чтобы это было признакомъ чувства, признакомъ пониманія, изтекло изъ глубины признательной, растроганной души. Слогъ ихъ, не смотря на наружное часто вычурное и блестящее убранство, дышетъ

мертвящею холодностію. Въ немъ видна живость или горячая замашка только тогда, когда рецензентъ задѣтъ за живое и когда дѣло относится къ его собственному достоинству. Справелливость требуетъ упомянуть о критикахъ Шевырева, какъ объ утѣшительномъ исключеніи. Онъ передаетъ намъ впечатлѣнія въ томъ видѣ, какъ приняла ихъ душа его. Въ статьяхъ его вездѣ замѣтенъ мыслящій человѣкъ, иногда увлекающійся первымъ впечатлѣніемъ.

4) Мелочное въ мысляхъ и мелочное щегольство. Мы уже видѣли, что критика не занималась вопросомъ важнымъ. Вниманіе рецензій было устремлено на цѣлую ширенгу пустыхъ книгъ и вовсе не съ тѣмъ, чтобы разбирать ихъ, но чтобы блеснуть любезностію, заставить читателя разсмѣяться. До какой степени критика занялась пустяками и ничтожными спорами, читатели уже видѣли изъ знаменитаго процесса о двухъ бѣдныхъ мѣстоименіяхъ: сей и оный. Вотъ до чего дошла наконецъ Русская критика!

Кто же были тѣ, которые у насъ говорили о Литтературѣ. Въ это время не сказалъ своихъ мнѣній ни Жуковскій, ни Крыловъ, ни Князь Вяземскій, ни даже тѣ, которые еще не такъ давно издавали журналы, имѣвшіе свой голосъ и показавшіе въ статьяхъ своихъ вкусъ и знаніе: нужно ли послѣ этаго удивляться такому состоянію нашей Литтературы?

Отъ чего же не говорили сіи писатели, показавшіе въ твореніяхъ своихъ глубокое эстетическое чувство? Считали ли они для себя низкимъ спуститься на журнальную сферу, гдѣ обыкновенно бойцы всякаго рода заводятъ свой шумной бой? Мы не имѣемъ права рѣшить этаго. Мы должны только замѣтить, что критика, основанная на глубокомъ вкусѣ и умѣ, критика высокаго таланта имѣетъ равное достоинство со всякимъ оригинальнымъ твореніемъ: въ ней виденъ разбираемый писатель, въ ней виденъ еще болѣе самъ разбирающій. Критика, начертанная талантомъ, переживаетъ эфемерность журнальнаго существованія. Для Исторіи Литтературы она не оцѣнима. Наша словесность молода. Корифеевъ ея было немного; но для критика мыслящаго она представляетъ цѣлое поле, работу на цѣлые годы. Писатели наши отлились совершенно въ особенную форму и, не смотря на общую черту нашей Литтературы, черту подражанія, они заключаютъ въ себѣ чисто Русскіе элементы: и подражаніе наше носитъ совершенно сѣверообразный характеръ, представляетъ явленіе, замѣчательное даже для Европейской Литтературы.

Но довольно. Заключимъ искреннимъ желаніемъ, чтобы съ текущимъ годомъ болѣе показалось дѣятельности, и при бо́льшемъ количествѣ журналовъ явилось бы болѣе независимости отъ монополіи, а черезъ то болѣе соревнованія у всѣхъ соотвѣтствовать своей цѣли. Покрайней мѣрѣ замѣтно какое-то утѣшительное стремленіе уже и въ томъ нѣко-

встрѣтилъ *жирнаго быка*, коего угощалъ одинъ мясникъ виномъ, передъ лавкой своей, увѣшенной говядиной и гирландами. Оттуда гость съ шумными своими провожатыми отправился съ визитами къ Королю, Министрамъ и по Сенжерменскому предмѣстью, гдѣ въ нѣкоторыхъ старинныхъ домахъ никогда не отказываютъ ему въ угощеніи. Вездѣ дарили и деньгами Амура, который сходилъ для принятія даровъ съ колесницы своей. Въ три часа я отправился бродить по булеварамъ, гдѣ экипажи тянулись въ два ряда (ливрейные имѣютъ право занимать, съ масками, средину). Толпы тѣснились по обѣимъ сторонамъ булевара. Окна унизаны были зрителями и шляпками. Маски, фуры и коляски съ разноцвѣтными костюмами, кавалькады тянулись отъ храма Магдалины до Бастиліи. Полиціи мало, порядокъ сохранялся самъ собою, почти какъ въ Римѣ на Святой недѣлѣ, гдѣ во все время не случилось ни одного несчастія, и гдѣ еще тѣснѣе булеварной масляницы. Одна изъ многолюднѣйшихъ фуръ съ масками заѣхала къ *Тортони*; изъ оконъ началась съ толпою перестрѣлка букетами, конфектами, апельсинами; Тортони затворилъ ставни. Мы прогуляли до 5 часовъ. Ввечеру маски разъѣзжали съ факелами. Я отказался отъ *Мюсара* и провелъ вечеръ въ чтеніи Токевиля о *демократіи* (въ Америкѣ). Талейранъ называетъ его книгу умнѣйшею и примѣчательнѣйшею книгою нашего времени; а онъ знаетъ и Америку, и самъ Аристократъ, такъ какъ и Токевиль, котораго всѣ связи съ Сенжерменскимъ предмѣстьемъ. Вы согласитесь съ за-

ключеніемъ Автора. «On rémarque aujourd'hui moins de difference entre les Européens et les descendans du nouveau monde, malgré l'océan qui les divise, qu'entre certaines villes du treizieme siecle qui n'étaient separées que par une rivière. Si ce mouvement d'assimilation rapproche des peuples étrangers, à plus forte raison il s'oppose à ce que les rejetons du même peuple deviennent étrangers les uns aux autres» и т. д. Авторъ кончитъ сближеніемъ двухъ противоположныхъ народовъ: Русскихъ и Англо-Американцевъ. Leur point de depart est different, leurs voies sont diverses; néanmoins chacun d'eux semble appelé par un dessein secret de la Providence á tenir un jour dans ses mains les destinées de la moitié du monde.

Вчера сіяло солнце и грѣла насъ весна: сегодня постъ и пошелъ снѣгъ. На улицахъ кое-гдѣ запоздалые провожаютъ масляницу. Кухарка наша возвратилась съ балу въ 6 часовъ утра.

Безъ масляницы не узнаешь вполнѣ Парижа. Нигдѣ нѣтъ такой суматохи: всѣ пляшутъ, почти въ каждомъ домѣ балъ, по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ кварталахъ. Работница à 25 sols par jour, несетъ послѣдній франкъ на балъ и въ нарядную лавку. Пьяныхъ меньше, но веселыхъ болѣе. Увѣряютъ, что никогда еще такой свалки экипажей и пѣшеходцевъ не бывало на гуляньяхъ и въ маскерадахъ. Начнутся проповѣди въ Notre-Dame и въ главныхъ церквахъ, но посѣтителей будетъ болѣе изъ высшаго класса. Въ Воскресенье въ Notre-Dame начнетъ свои поученія Лакордеръ, экс-сотрудникъ Ла-

мене. Надобно заранѣе запастись мѣстомъ, иначе не услышишь его. Постараюсь не пропустить ни одной проповѣди. Есть и другіе Духовные Ораторы, но менѣе блистательные.

Я видѣлъ сей часъ въ мастерской M me Lefranc, племянницы M me Lebrun, сходный портретъ *Жанена* и актрисы Volny (т. е. Leontine Fay) въ ролѣ Еврейки, когда она пишетъ роковое письмо. Сходства много; отдѣлка золотомъ шитаго бѣлаго платья прекрасная; и въ портретѣ блѣдная бѣлизна оригинала. Не могу привыкнуть ни къ здѣшнимъ выставкамъ, ни къ здѣшнимъ картиннымъ галлереямъ послѣ Итальянскихъ.

Полночь. Старецъ Буанароти (потомокъ Микель-Анджело) обѣдалъ у насъ. Онъ живая хроника послѣдняго полувѣка; вотъ вкратцѣ жизнь его. Онъ былъ въ молодости другомъ Тосканскаго Преобразователя Леопольда; и до революціи еще, оставивъ отечество, пріѣхалъ во Францію. Здѣсь обольстили его первыя идеи революціи: онъ написалъ къ Леопольду, отсылая ему Тосканскій орденъ его, что онъ душею и помышленіемъ принадлежитъ тогдашней Франціи и не можетъ ужиться въ отечествѣ. Съ тѣхъ поръ дѣйствовалъ онъ въ сферѣ, въ которой кружилась тогда Франція: Директорія посадила его въ тюрьму. Наполеонъ его не освободилъ; но во все время его владычества онъ жилъ или по тюрьмамъ, или по городамъ, подъ присмотромъ, гдѣ засталъ его и 1814 годъ. Въ заговорѣ, Бабеномъ описанномъ, его едва не повѣсили. Послѣ 1814 года онъ скитался въ бѣдности,

жилъ трудами и не принималъ помощи ни отъ богатаго сына, въ Сіенѣ живущаго, ни отъ пріятелей: теперь Voyer d'Argenson даетъ ему канурку, гдѣ онъ философомъ доживаетъ вѣкъ, одинъ, съ воспоминаніями. Дряхлая жена въ бѣдности въ Женевѣ. Онъ характеризируетъ многихъ прекрасно и разсказываетъ подробности о происшествіяхъ и лицахъ, не многимъ извѣстныхъ. Въ молодости и послѣ коротко знавалъ Наполеона; въ Корсикѣ жилъ въ домѣ его матери и, когда Наполеонъ пріѣзжалъ повидаться съ нею, то въ послѣднюю ночь, которую Подпоручикъ Буонапарте провелъ въ домѣ родительскомъ, Буонароти спалъ съ нимъ на одной постелѣ. Съ тѣхъ поръ они иногда ссорились, но никогда не мирились. Буонапарте попалъ на тронъ, Буонаротти въ тюрьму.

Я надѣялся видѣть M-lle Mars въ Mariage de Figaro и пошелъ во Французскій театръ, но обманулся; давали Marino Faliero, котораго видалъ не разъ. Я зашелъ въ театръ du palais Royal и изъ четырехъ пьесъ видѣлъ двѣ съ половиною. L'aumonier du Regiment очень забавенъ: Онъ на сценѣ сперва въ своемъ костюмѣ, но послѣ въ Егерскомъ! Поётъ, любезничаетъ и спасаетъ честь своего брата; забываясь, иногда дѣлаетъ пастырскія увѣщанія. Другая пьеса: les chansons de Desaugiers, очень забавна: всѣ его пѣсни въ лицахъ и онъ самъ на сценѣ. Во второмъ актѣ олицетворена пѣсня: Souvenez-vous-en! въ третьемъ сцена съ живописцемъ и съ его моделью. Все знакомое, но все оживлено

дѣйствіемъ. Лафонтеновскій характеръ Дезожье изображенъ въ анекдотахъ его жизни и въ пѣсняхъ его, коими онъ выкупалъ изъ тюрьмы, давалъ приданое. Скрибъ называетъ его: «Le premier chansonier peut-être de tous les tems, qui faisoit des chansons, comme Lafontaine faisoit des fables.» Въ послѣднемъ актѣ не забытъ и Beranger.

Всѣ мои письма отсылайте къ ***; я ихъ пишу болѣе для себя, чѣмъ для васъ.

18 *Февраля.* Министерство все еще не сложилось: увѣряютъ, что Монтебелло, мой пріятель, котораго и Ж. знаетъ, воспитанникъ Кузена, будетъ Министромъ Просвѣщенія. Лучше бы ему оставаться Посломъ въ Бернѣ! Вѣрнѣе.

Стезя величія къ *отставкѣ* насъ ведетъ.

Я разбираю теперь собранныя мною въ двухъ Архивахъ сокровища и привожу ихъ въ порядокъ: бумаги Иностраннаго Архива по хронологическому порядку, а другія по матеріямъ. Начальство Архива, вѣроятно съ вѣдома Министра, пересмотрѣвъ всѣ мои бумаги, кромѣ тѣхъ, кои я самъ переписалъ, вынуло нѣсколько листовъ, кои почитаетъ неприличнымъ для сообщенія въ чужія руки; но нѣкоторыя изъ сихъ бумагъ извѣстны мнѣ по содержанію; другія я самъ переписалъ въ свои тетради, и слѣдовательно потеря почти ничтожная. Существенный трудъ будетъ состоять въ перепискѣ и въ приведеніи въ порядокъ моихъ собственноручныхъ отмѣтокъ; ибо часто я отмѣчалъ наскоро, по Рус

ски и по Французски, смотря по удобности; но всегда съ пендантическою точностію. Конечно много и неважнаго; но большая часть существенно принадлежитъ Исторіи, для нее необходима. Всѣ списки на большой бумагѣ, самой огромной величины, какую я найти могъ; писано довольно мелко — и конечно болѣе двухъ сотъ листовъ, а если считать все переписанное, то дойдетъ и до четырехъ сотъ. Сверхъ тóго есть и другіе акты. Окончательный трудъ будетъ въ Москвѣ, на досугѣ и, если позволятъ, съ помощію Московскаго Архива и его чиновниковъ.

Б. М. Ф. издалъ еще какой-то сборникъ: если въ немъ есть что либо изъ моего Архива, напр. о Карамзинѣ и проч.; то не худо бы прислать его ко мнѣ, съ журналомъ, который такъ исправно посылаетъ почтенный и любезный С**. Обоимъ кланяюсь всѣмъ сердцемъ.

Я возвратился сейчасъ отъ братьевъ Сіамцевъ les jumeaux-Siamois, и жалѣю, что прежде не побывалъ у нихъ, когда еще статья, напечатанная въ журналѣ Дебатовъ, не выпарилась изъ головы моей. Я ожидалъ найти двухъ сросшихся уродовъ, но нашелъ двухъ хорошо и опрятно одѣтыхъ мальчиковъ, двадцати четырехъ лѣтъ, хотя по росту и лицу имъ этихъ лѣтъ и нельзя дать; куртка, панталоны; бѣлье съ модными запанками. Черноволосые и сбиваются на Китайскія или Калмыцкія физіономіи; довольно смуглые. Они встрѣтили мен

Англійскимъ привѣтомъ и подошли ко мнѣ; я взялъ ихъ за руки; но, признаюсь, долго не могъ рѣшиться пристально смотрѣть на кожаный, живый рукавъ, который на половинѣ бока связываетъ тѣла ихъ.

Я не Физіологъ и не обязанъ дѣлать наблюденія надъ печальною игрою природы. Mr. Bolot (professeur de langues et d'éloquence pratique), служащій имъ дядькою и объяснителемъ для публики, разсказывалъ намъ свои наблюденія, увѣряя, что въ психологическомъ отношеніи это явленіе труднѣе объяснить, чѣмъ въ физіологическомъ. Они любятъ другъ друга *братски*; съ самаго младенчества привычки, пища и сонъ, все было имъ общее, они просыпаются и засыпаютъ въ одинъ моментъ; принимаютъ одну и туже пищу и въ одно время; вкусы ихъ одинаковы, какъ физическіе такъ и интеллектуальные, въ одно время развернулись ихъ способности, зажглась въ нихъ искра божества: умъ. Они оба любятъ лучше читать поэтовъ, чѣмъ прозаиковъ — Шекспира, Байрона. Выучились языкамъ: Англійскому и Французскому, съ одинаковымъ успѣхомъ. Послѣднему недавно начали учиться и уже понимаютъ много и кое-какъ говорятъ. Сверхъ того они знаютъ по Китайски и по Сіямски: языки сіи, какъ увѣрялъ меня Mr. Bolot, совершенно различны, хотя народы, ими говорящіе, и сосѣды. Они почти всегда веселы и во взаимной любви находятъ источникъ наслажденій. Странно было видѣть ихъ въ ходьбѣ, или въ разговорѣ другъ съ другомъ

садятся, встаютъ въ одинъ моментъ, какъ будто повинуясь единственному движенію невидимой воли. Къ родителямъ пишутъ всегда заодно, говоря: *я*, а не *мы*, хотя это *я* и къ обоимъ относится. Желаютъ, собравъ капиталъ достаточной, возвратиться восвояси, и спѣшатъ выѣхать изъ Парижа; ибо, странное дѣло! здѣсь они менѣе всего, судя по пропорціи многолюдства, собрали денегъ, чѣмъ въ другихъ городахъ. Не удивительно! До нихъ ли? Здѣсь и Ласенеръ и Фіэски и Камеры — и смѣна Министровъ и булевары и вѣчно полные театры! Да и кто здѣсь дѣлалъ надъ ними наблюденія? Но физіологи часто являлись. Geoffroy de St. Hilaire, Flourens—Cuvier уже нѣтъ! Но по части Психологіи? Учитель Реторики! Изъ разговора его замѣтилъ я, что онъ не имѣетъ первыхъ началъ науки о душѣ и о связи ея съ тѣломъ! Вообразите себѣ Блуменбаха или Крейсига — и предоставьте сію двойчатку Шуберту, подъ высшимъ надзоромъ друга и наставника его Шелинга. Какими результатами обогатили бы они, каждый по своей части, науку о человѣкѣ! Афишка дастъ вамъ слабое понятіе о ихъ наружности. Если удосужусь, то еще разъ побываю у нихъ, и постараюсь предупредить толпу, дабы наединѣ побесѣдовать съ ними. Вечеръ провелъ я въ трехъ Русскихъ салонахъ; поболталъ о матушкѣ Москвѣ; поспорилъ съ Издателемъ de la France, *Делилемъ*, о нравственномъ состояніи Франціи, и пролюбезничалъ за полночь съ нашими дамами: М. К. Ш. и проч. Тамъ узналъ я, что въ 8 часовъ утра на другой день совершится казнь трехъ пре-

ступниковъ; но принужденъ былъ дать слово дамамъ нейти туда — и сдержалъ его.

19 *Февраля.* Она совершилась и я тамъ не былъ. *Пепенъ* ничего не открылъ новаго о другихъ, но болѣе еще обвинилъ себя. Журналисты оппозицій возстаютъ за то, что его жену допускали менѣе и на кратчайшій срокъ къ нему, чѣмъ Нину къ Фіэски. Но пора развеселить васъ *цвѣтами Луизы* Collet (née Pervil). Я нашелъ ихъ вчера въ окнѣ книгопродавца: Fleurs du midi, Poësie par Louise Colet, и вспомнилъ, что мнѣ, кажется, когда-то о нихъ говаривалъ Шатобріянъ, коего именемъ, то есть похвалою, желала она украсить заглавіе своей книжки. Шатобріянъ отказалъ, но такъ, что и отказъ служитъ ей комплиментомъ. Два письма его напечатаны въ предисловіи. Въ нихъ, кромѣ комплиментовъ, есть что-то похожее и на глубокое чувство, и почти на мысль: Permettez moi, toute fois de Vous dire, avec ma vieille experiènce, que Vous louez beaucoup trop le malheur; la peine ignorée vous a dictée des stances pleines de charme et de melancolie; la douleur connue n'inspire pas si bien. Ne dites plus: Laissez les jours de joie à des mortels obscurs. (Tourmens du Poëte p. 10.)

« Il faut maintenant prier pour Vous même, Madame, quant à moi, je demande au ciel qu'il ne sépare jamais pour Vous le bonheur de la gloire. »

Я, кажется, вамъ писалъ о кандидатствѣ Моле въ Академіи, на ваканцію Лене. Il y avoit hier trois

concurrens, Molé, Hugo et Dupaty. Mr Molé qui saisissait déjà la présidence — n'est *pas même Academicien*; c'est Dupaty qui a obtenu la majorité. On dit que ce sont les Academiciens du tiers parti qui n'ont pas voulu de lui, en disant: «Il n'a pas voulu de nous pour collegues, nous ne pouvions pas vouloir de lui pour confrère». J'en suis d'autant plus faché pour Ballanche, car ceux qui lui ont conscilie de ne pas se mettre sur les rangs, ne l'ont fait que dans l'éspoir de faire entrer Mr Molé. Je n'ai pas pû encore me procurer son ouvrage des années 1806 et 1809. On dit qu'il y est le Platon de l'absolutisme.

19 *Февраля. Вечеръ.* Сего дня обѣдалъ я у Лежитимистовъ и съ Лежитимистками и кончилъ вечеръ у Полурусскихъ съ Русскими. Сообщу вамъ четверной каламбуръ: «Pour être aimé de son peuple il faut au Roi des Grecs quatre choses: coton, soie, fil et laine» (Qu'Othon soit philhelène).

Поутру осматривалъ бронзовый Surtout, который Посолъ нашъ заказалъ за сорокъ тысячь франковъ dans le gout de la Renaissance, первому бронзовому мастеру въ Парижѣ. Журналы разхвалили его и богачи съѣзжаются въ магазинъ любоваться. Послѣ завтра увидитъ его и Король. Въ самомъ дѣлѣ отдѣлка прекрасная. Тутъ же и бронзово-малахитовый храмъ, сдѣланный по заказу Д—ова для одного изъ дворцовъ въ С. Петербургѣ.

Въ Генварской книжкѣ этого года London Review нѣсколько превосходныхъ статей, въ числѣ литтературныхъ: о лекціяхъ *Гизо* и о новой книгѣ *Гюго* les chants du Crepuscule. Описавъ наружность и характеръ и всю жизнь Гюго, онъ разбираетъ его какъ Поэта и, кажется, довольно безпристрастно: прекрасная характеристика Байрона и Beranger и опять о Гюго. Кончитъ предвѣщаніемъ близкой литтературной кончины Гюго. Но мнѣ недосугъ выписывать именно тѣ сужденія, съ коими хотѣлось васъ познакомить и кои такъ безпристрастно, съ Англійскимъ практическимъ взглядомъ на Поэзію и на Поэтовъ, изложены. Въ концѣ разборъ сочиненія Гюго. Какъ ни говори, а все онъ имѣлъ болѣе права занять мѣсто въ Академіи, чѣмъ Дюпати, почти забытый водевилистъ, коему Скрибъ проложилъ туда дорогу. Если бы въ Академіи шло дѣло объ однихъ талантахъ, то Лирикъ Гюго конечно можетъ быть сосѣдомъ Ламартина и пр. Но тамъ, по завѣщанію *Монтьона*, раздаютъ призы скромной добродѣтели: согласится ли юная дѣва принять вѣнецъ изъ рукъ того, о коемъ можно бы сказать: «Мать дочери *претитъ* стихи его читать!»

Скажутъ, что Академія не церковь; что тамъ не проповѣдуютъ, и что Пѣвецъ Орлеанской дѣвы былъ красой ея — но съ тѣхъ поръ Cuvier исполнялъ строгое завѣщаніе добродушнаго Монтьона, и Академія навсегда приняла на себя сію обязанность.

Скажутъ, что Гюго образцовый мужъ, образцовый отецъ семейства; но Академія, но Публика знаютъ его по нѣкоторымъ пьесамъ, по множеству стиховъ, кои не могутъ быть образцовыми въ нравственномъ отношеніи.

22 *Февраля.* Я не успѣлъ кончить дневника моего, ибо съ утра до вечера былъ три дня въ хлопотахъ. M-me. S. приняла меня въ своей уборной, которую убрала она во вкусѣ Маркизши Лудв. XV. и обѣщала отправить съ *Лебуромъ* нѣсколько книжекъ, о коихъ увѣдомлю въ концѣ письма. Отъ нея прошелъ я къ Б. которая познакомила меня съ прелестными стихами Гишпанскими и съ Адвокатомъ Ораторомъ Berryer, коего по сіе время знавалъ я только au Palais de Justice и въ Камерѣ Депутатовъ. Она учится по Гишпански и перевела мнѣ нѣсколько оригинальныхъ стиховъ, кои хотѣлось бы мнѣ запомнить. Къ ней сбирается весь высшій кругъ, по Воскресеньямъ, до обѣда; но *немногихъ* принимаетъ она въ тотъ же часъ по Субботамъ. Я радъ былъ встрѣтить Берье и поболтать съ нимъ о дѣлѣ и о музыкѣ. Онъ любитъ *жить* и любитъ жизнь въ большомъ свѣтѣ и съ Артистами; страстенъ къ Итальянской музыкѣ и въ связи съ Россини и проч. но охотникъ говорить и о дѣлахъ Государственныхъ; не смотря на Легитимизмъ, видитъ его съ высока, такъ какъ и всѣ вещи и людей, имѣющихъ вліяніе на были и небылицы вѣка сего. Отъ любезной вѣтреницы прошелъ онъ къ С. которая не надивится универсальности и его глубоко-

мыслію и таланту, съ коимъ и то и другое выражаетъ онъ въ рѣчахъ своихъ и въ разговорѣ. Возвращаясь отъ М. встрѣтилъ я (полу-отставнаго тогда, а сегодня уже совершенно отставнаго) Министра Гизо; мы пожали другъ другу руку и онъ приглашалъ меня въ свой скромный домикъ Rue Ville l'Evêque, гдѣ я видалъ его чаще, нежели въ Министерскихъ палатахъ его Сенжерменскаго предмѣстья. Вечеръ провелъ у С., и кончилъ у Ш съ Русскими дамами и съ Литтераторомъ St. Felix; но одинъ изъ примѣчательнѣйшихъ дней въ моей Парижской жизни — Воскресенье первое поста, 21 Февраля. Въ одно утро слышалъ я двѣ проповѣди: одну въ Соборѣ Notre Dame, гдѣ молодой (34 лѣтъ) Лакордеръ проповѣдывалъ, или лучше сказать импровизировалъ съ необыкновеннымъ краснорѣчіемъ, съ чувствомъ непритворнымъ и съ вѣрою истинною и внутреннею. Я пріѣхалъ туда въ одиннадцать съ половиною и нашелъ уже почти всю церковь полною; кое-какъ пробрался я поближе къ каѳедрѣ, у коей пріятель заготовилъ для меня стулъ. Въ часъ вся церковь огромная и пространная, съ хорами и переходами, наполнилась большей частію молодежью; на хорахъ были и дамы. Парижскій Архіерей съ причтомъ и четверо другихъ Епископовъ прибыли къ проповѣди. Лакордеръ, хотя слабый грудью и разстроенный потерею недавно матери, говорилъ часъ съ искреннимъ, сильнымъ убѣжденіемъ. Я еще ничего подобнаго во Французскихъ церквахъ не слыхалъ. Въ Берлинѣ слыхалъ я часто Шлейермахера, въ Англіи и въ Шотландіи другихъ зна-

менитыхъ проповѣдниковъ; но Католическаго, сильнаго Оратора слышу я въ первый разъ, и какого же? Не подражателя другимъ образцовымъ Французскимъ ораторамъ; а самобытнаго, оригинальнаго. Въ Лакордерѣ есть много Боссюэтовскаго, но это Боссюэтъ, прочитавшій Ламене и знающій умственныя буйства нашего вѣка, Раціонализмъ и Мистицизмъ Германіи, Сен-Симонистовъ и проч. Иногда онъ удивляетъ глубокомысліемъ, какъ Паскаль, и смѣлыми, оригинальными оборотами и выраженіями, кои въ другомъ показались бы площадными. Онъ приводилъ слушателей въ какой-то энтузіазмъ и точно поражалъ ихъ словомъ своимъ. Съ какимъ глубокимъ знаніемъ натуры и характера нѣкоторыхъ системъ философскихъ обозрѣлъ онъ ихъ хотя бѣгло, но достаточно для убѣжденія слушателей. Онъ характеризировалъ Раціоаналистовъ и Мистиковъ. Первыхъ находитъ уже въ вѣкѣ Августа, а потомъ за три столѣтія до насъ. Послѣднихъ доводитъ онъ до самаго пункта, гдѣ они прикосновенны, такъ сказать, самой Церкви, и здѣсь остановился онъ въ сей блистательной и вѣрной характеристикѣ до слѣдующаго Воскресенья. Были движенія истинно Ораторскія, но какъ ихъ упомнить? Я записалъ нѣкоторые *обрывки*, кои напоминаютъ мнѣ только мысль его; но порывы краснорѣчія неосязаемы и должны быть представлены въ связи съ главною мыслію. Въ заключеніи прекрасно сказалъ онъ, кажется, о Словѣ Божіемъ, въ коемъ красоты неистощимы: «Il n'y a rien de nouveau sous le Soleil, mais le Soleil est tous les jours nouveau». Мнѣ хотѣлос

передать вамъ хотя нѣсколько красотъ его ораторства, но невозможно. Боюсь также испортить, какъ записки Шатобріяна. Изъ Собора, проникнутый и разтроганный Лакордеромъ, прошелъ я въ другую церковь въ Сенжерменскомъ предмѣстьѣ, St. Thomas d'Aquin; самая модная аристократическая. Тамъ проповѣдуетъ Revellion, Іезуитъ, поступившій въ орденъ изъ Генералъ-Адвокатовъ и даже жившій на испытаніи и въ уединеніи болѣе 10 лѣтъ. Онъ пользуется большимъ кредитомъ у Легитимистовъ, и церковь также была полна, какъ Notre Dame, но преимущественно Аристократками и Легитимистами. И здѣсь едва нашелъ мѣсто близъ каѳедры. Іезуитъ декламировалъ sur les malheurs du tems, sur la société ebranlée dans ses bases et sur des lieux communs dans ce genre; parcequ'il n'y avoit que peu d'élus, и эти избранные едва ли не въ Сенжерменскомъ предмѣстьѣ. Онъ сравнивалъ этотъ остатокъ *немногихъ вѣрныхъ* съ плодами, оставшимися на деревѣ, которое уже отрясено бурею и садовниками. Но эти плоды, кои, не смотря на потрясеніе дерева, не спали съ него, не дозрѣли и обыкновенно кислы: «Ce sont des fruits peu mûrs et aigres», прошепталъ я вслухъ. Сосѣдка моя поморщилась. Выслушавъ проповѣдь, я сказалъ: «c'est un sermon pour le faubourg.» Сосѣдка моя отворотилась отъ меня, а я поспѣшилъ на обѣдъ къ Лукуллу Т—ну; mais l'impression produite sur mon âme étoit encore toute vivante; j'ai bien senti et je l'ai su après que tous les sermons de Lacordaire sont improvisés; il n'en fait préalablement que la charpente et puis il parle d'inspiration, sans

s'embarasser du public qui l'écoute, ne poursuivant que la pensée, et produisant des émotions qu'il éprouve lui même; il présente le Christianisme comme la face la plus lumineuse, que la verité ait revêtue, après avoir tracé en grands traits les ombres du Paganisme, dans toutes ses révolutions. Lacordaire prechera encore sept fois, jusqu'après Paques, et puis une fois dans la chapelle de l'institut Chateaubriand. Puis il compte partir pour Rome et y rester, deux, trois et peut être même cinq ans, pour se remettre et y étudier. Il n'aura pas de grands maitres pour l'éloquence chretienne, mais il sera à la source de grandes inspirations, et apprendra à connaitre l'église de Rome sous d'autres points de vue. La dernière fois il y a été avec Lamenais.

Ms. Trolopp parle aussi d'un sermon de Lacordaire, mais elle dit encore moins de celui qu'elle a entendu: elle se borne à décrire le temple et la foule et ne cite que son propre bavardage.

Послѣ такихъ духовныхъ предметовъ какъ описывать обѣдъ Т—на и трюфли и Стразбургскую говядину? Вечеръ у С. съ милой Л. и съ отцемъ ея; der Alte ueberall und Nirgends! Онъ былъ всѣмъ и при всѣхъ и во всѣ эпохи Французской Исторіи, послѣ революціи. Помнитъ все, знаетъ всѣхъ — и охотно разсказываетъ что видѣлъ, слышалъ за годами.

Вы уже знаете о новомъ Министерствѣ: малень-

Ничего не дѣлаетъ, жирѣетъ только, а прикидывается, что онъ такой, сякой, и то надѣлалъ, и то поправилъ: настоящая добродѣтель! Вишь, чего захотѣлъ! Ордена! И вѣдь получитъ! получитъ мошенникъ! получитъ! Этакіе люди всегда успѣваютъ. А я? А? вѣдь пятью годами старѣе его по службѣ! и до сихъ поръ не представленъ. Какая противная фізіономія! И разнѣжился: ему совсѣмъ не хотѣлось бы, но только для того, чтобы показать вниманіе начальства. Еще проситъ, чтобы я замолвилъ за него! Да, нашелъ кого просить, голубчикъ. Я таки тебѣ удружу порядочно, и ты таки ордена не получишь! не получишь! не получишь! *(подтвердительно ударяетъ нѣсколько разъ кулакомъ по ладони и уходитъ.)*

Н. Гоголь.

РАЗБОРЪ

ПАРИЖСКАГО МАТЕМАТИЧЕСКАГО ЕЖЕГОДНИКА

НА 1836 ГОДЪ.

(Annuaire du Bureau des Longitudes présenté au Roi).

Coelique meatus,
Describent radio et surgentia sidera dicent.
Virg

Языческіе философы и монахи прежнихъ времен Христіанства взирали на ученость какъ на что-то таинственное, принадлежащее только малому числу любимцевъ премудрости. Почти непроницаемая завѣса сокрывала отъ очей общественности ихъ трудолюбивую жизнь, посвященную дѣятельности и открытіямъ. Самые даже поэты имѣли въ виду похвалу малаго числа своихъ согражданъ, и Гораціево : odi profanum vulgus et arceo, было такъ сказать общимъ правиломъ ученыхъ. Книгопечатаніе и науки отвлеченныя, а въ особенности новая математика, положили предѣлы сему медленному ходу ума человѣческаго. Трудность учиться изъ рукописей, по большой части дорогихъ и рѣдкихъ, исчезла. Приспосо-

бленіе Алгебры къ Геометріи ввело въ математическое ученіе ясность въ доказательствахъ и слогѣ, которая распространилась на всѣ части науки. Галилей и Торичелли должны, по нашему мнѣнію, почитаться отцами теперешняго нашего просвѣщенія, ибо они первые обратились къ многолюдству и положили основаніе великимъ открытіямъ *Невтона*. Галилей извѣстенъ большей части читателей только по его астрономическому страданію, но не многіе знаютъ, съ какою точностію онъ опредѣлилъ наиважнѣйшія правила Статики; какъ приспособилъ свои исчисленія къ пользѣ Архитектуры и съ какою ревностною подробностію онъ излагалъ правила для твердости стѣнъ, сводовъ и куполовъ, и разныхъ строеній. Исторія наукъ на всякомъ шагу являетъ печальное доказательство, сколько времени потребно для самой очевидной истины, чтобы она сдѣлалася общественною и полезною. Въ послѣднихъ только годахъ Англійское и Французское ремесленничество начало употреблять пустые металлическіе цилиндры, и мало людей знаютъ, что Галилей первый доказалъ, что крѣпость таковыхъ подпоръ не зависитъ отъ совершеннаго наполненія ихъ внутренности, и (что еще достойнѣе удивленія) къ математическому доказательству философъ не преминулъ присовокупить взятое изъ анатоміи животныхъ и птицъ, коихъ кости и перья суть цилиндры не наполненные. Таковая же участь ожидала и гидравлическое открытіе Паскаля, ибо въ началѣ только нынѣшняго вѣка Англійскій художникъ Брама (Bramah) приспособилъ оное къ своей гидростатической машинѣ для тис-

нenія. Новое направленіе учености обѣщаетъ содѣлать таковыя событія не столь частыми, и Философы нашихъ временъ, въ особенности Англичане и Французы, стараются сколько возможно обращаться къ многолюдству, говорить языкомъ для него понятнымъ, возраждать и удовлетворять во всѣхъ состояніяхъ жажду къ полезнымъ познаніямъ. Первый шагъ, сдѣланный на семъ новомъ поприщѣ, если мы не ошибаемся, принадлежалъ, прежде еще Фонтенеля, безсмертному сотруднику Россійской Академіи Наукъ Эйлеру, въ книгѣ Lettres à une Princesse d'Allemagne: съ тѣхъ поръ сіе благотворное распространеніе свѣта сдѣлалось наипохвальнѣйшимъ рвеніемъ Французскихъ и Англійскихъ ученыхъ. Мы назовемъ изъ нихъ первымъ Карла Дюпеня, коего курсъ Геометріи и Механики, преподаваемый имъ самимъ въ Парижѣ, не имѣлъ въ виду никакого другаго рода людей кромѣ ремесленниковъ, въ коихъ онъ не предполагалъ никакого предварительнаго познанія, даже и разумѣнія обыкновенныхъ ученыхъ словъ. Мы не взойдемъ въ странную распрю съ тѣми, которые утверждаютъ, что устраненіе алгебраическихъ формулъ и неупотребленіе диференціальнаго исчисленія можетъ будто бы повредить ходу самой науки. Таковое опроверженіе кажется намъ совершенно безразсуднымъ. Мы не видимъ, чтобы число испытателей отвлеченныхъ истинъ науки уменьшалось съ умноженіемъ людей, пріобрѣтшихъ въ Дюпеневой школѣ только тѣ познанія, которыя усовершенствовали въ нихъ способность къ избранному ими ремеслу. Что до насъ касается, мы признаемся, что

съ восторгомъ видали на сихъ урокахъ приходящихъ въ бѣлыхъ, отъ работы замаранныхъ фартукахъ: каменьщиковъ, плотниковъ, столарей, и проч. въ семь часовъ вечера, по окончаніи своихъ работъ, слушать ученаго Профессора, который съ самою краснорѣчивою ясностію излагалъ имъ теорію о равновѣсіи, движеніи и даже тяжести газовъ, взявъ атмосферическую за единицу. Такимъ образомъ онъ не только давалъ невидимо геометрическое направленіе ихъ уму, но и облагороживалъ духъ, показывая, что и ихъ смиренное назначеніе въ жизни сцѣпляется съ самыми высокими предметами мудрости человѣческой. На семъ поприщѣ Англичане не остались назади своихъ сосѣдей. Явное превосходство Англійскаго языка по краткости словъ, для всякихъ отраслей учености, и по способности живописно изображать подробности физическихъ предметовъ; ощутительная прибыль, происходящая отъ приспособленія науки къ ремесленности, особенно съ тѣхъ поръ, когда паровыя машины подвинули Англію на высоту еще недостижимую для другихъ Европейцевъ: все сіе побудило тамъ цѣлое общество ученыхъ, подъ предводительствомъ Профессора Ларднера, выдавать постепенно курсы разныхъ частей науки, подъ названіемъ Britisch Cyclopedia. Таковое предпріятіе не имѣло въ виду исключительно ремесленниковъ, какъ Дюпеновъ курсъ Математики, но и людей высшихъ сословій, кои въ молодости своей науками не занимались. Всякій курсъ продается порознь, и мы осмѣливаемся особенно рекомендовать читателямъ механику Ларднера и Оптику Бревсте-

ра (Brewster), кои отличаются ясностію слога и избраніемъ наизанимательнѣйшихъ предметовъ. Наконецъ Г-жа Сомервиль выдала маленькую книжку подъ названіемъ: *О союзѣ физическихъ наукъ*, заключающую въ себѣ всю премудрость цѣпи познаній человѣческихъ. Однимъ словомъ, всѣ старанія сіи клонились къ облегченію дороги во храмъ наукъ для тѣхъ, кои прежде пугались ея непроходимости.

Возвратясь въ наше отечество, послѣ долговременнаго отсутствія, мы съ радостію взираемъ на возрастающій въ немъ порывъ къ просвѣщенію. По словамъ книгопродавцевъ, требованіе Русскихъ книгъ удесятерилось въ нынѣшнее царствованіе; число писателей умножилось; но къ сожалѣнію, сколько намъ извѣстно, все сіе ограничивается литтературою и нѣкоторыми историческими произведеніями. Даже въ обѣихъ столицахъ, блистательнѣйшіе молодые умы обѣщаютъ своему отечеству только плоды историческихъ, политическихъ и литтературныхъ трудовъ. Науки, такъ сказать, остаются назади, исключительнымъ занятіямъ школъ, или удѣломъ людей, посвятившихъ себя какой либо отдѣльной части государственной службы. Таковое несогласіе съ ходомъ по сему предмету умовъ въ Европѣ, тогда, какъ во всемъ другомъ наши соотечественники храбро борются съ нею, вовсе для насъ неудобопонятно, и мы изложимъ слышанныя нами объясненія, не позволяя себѣ рѣшить справедливости оныхъ. Нѣкоторые полагаютъ, что издавна у насъ введенная постепенность въ гражданскую жизнь, совсѣмъ не-

извѣстная для Европы, мѣшаетъ способностямъ молодыхъ людей развиваться, и совершенствоваться посвященіемъ многихъ лѣтъ, потому что и при самомъ успѣхѣ не получили бы они въ обществѣ того вѣса и тѣхъ преимуществъ, которые ежедневными и по большой части незначущими канцелярскими упражненіями они необходимо пріобрѣтутъ съ теченіемъ времени и съ полученіемъ гражданскихъ чиновъ; что лихорадочное стремленіе, неизбѣжно мучащее служащихъ и ихъ родственниковъ, къ достиженію таковыхъ повышеній, иногда и не распространяющихъ круга ихъ дѣятельности, но всегда лестныхъ для малаго честолюбія, отнимаетъ спокойствіе духа, необходимое для наукъ. Бентамъ думалъ противное, думалъ, что таковыя постепенныя поощренія полезны, но послѣ вящшихъ изысканій перемѣнилъ свое мнѣніе. Онъ прибавляетъ, что невозможность для самыхъ ревностныхъ начальниковъ, не токмо молодаго студента, но и взрослаго мужа поставить *прямо* на ту высоту, гдѣ бы великія природныя дарованія, освѣщенныя науками, сдѣлали его истинно полезнымъ, отнимаетъ желаніе имъ предаваться; и наконецъ говоритъ, что гражданскіе чины, питая еще тщеславіе и по окончаніи службы доставленіемъ въ обществѣ почетнаго отличія, лишаютъ смиренную науку того блеска, которымъ бы она сама по себѣ сіяла въ уравненномъ гражданскомъ быту дворянства, или другихъ сословій.

Другіе, особливо иностранцы, упрекаютъ соотечественниковъ нашихъ въ недостаткѣ нужной

настойчивости; но можно ли, кажется, сдѣлать таковой упрекъ сотрудникамъ и потомъ исполнителямъ предпріятій Петра Великаго? Третьи говорятъ еще, что наши профессоры отвлеченныхъ и естественныхъ наукъ, пріобыкши взирать на нихъ только съ точки зрѣнія пользы для военной или морской службы, не пекутся о ихъ дальнѣйшемъ распространеніи, и сіе обвиненіе кажется также неосновательнымъ въ землѣ, гдѣ Эйлеръ оставилъ свой благотворный примѣръ Академіи. Какъ бы то ни было, въ недоумѣніи истинной причины исключительнаго вкуса къ литтературѣ, мы съ нашей стороны имѣемъ въ предметѣ сею статьею возбудить не токмо въ юношахъ, но и въ созрѣломъ читател желаніе къ занятіямъ, которыя новое просвѣщені так облегчило, что и нѣжный полъ не находит большаго затрудненія, въ понятіи правилъ прост и ясно изложенныхъ. Лесть не наше дѣло, но мы безъ всякаго опасенія опроверженій отъ Европей скихъ ученыхъ говоримъ утвердительно, что никака царствующая Фамилія въ Европѣ и вообще никако правленіе не приготовило въ теченіе одного вѣка стол великое количество матеріальныхъ средствъ для удов летворенія жажды къ физическимъ познаніямъ, сколь ко Августѣйшая Фамилія Романовыхъ своему народу Академія, Университеты, Кабинеты, инструменты всякаго рода, дорогою цѣною купленные, богаты библіотеки, все приглашаетъ не токмо въ обѣих столицахъ, но и во многихъ губернскихъ городах юношу и старца во храмъ, гдѣ уже не можетъ пугат ихъ таинственный шарлатанизмъ древней учености.

Во время отсутствія нашего произвелась въ России важная перемѣна: общее вниманіе обратилось на выдѣлываніе не однихъ отечественныхъ, но даже и иноземныхъ произведеній. Мы признаемся, что не раздѣляемъ мнѣнія тѣхъ, которые почитаютъ мануфактуры за наилучшее средство къ обогащенію государства. Въ особенности, недостатокъ населенія въ Россіи и химическое изслѣдованіе почвы большей части нашихъ Европейскихъ губерній, доказывающее, что онѣ пользуются исключительнымъ, отъ самой природы полученнымъ удобреніемъ, произходящимъ отъ поташа погибшихъ растеній, не позволяютъ намъ предполагать, чтобы употребленіе капиталовъ на фабрики было наивыгоднѣйшимъ въ такомъ положеніи вещей. Мы признаемъ однако же при семъ новомъ направленіи умовъ ту выгоду, что оно должно непремѣнно возродить потребность механическихъ и химическихъ познаній. Столичный городъ Москва преобразился въ городъ мануфактурный, и дворянство Русское посвятило большіе капиталы на устроеніе фабрикъ, отъ коихъ зависитъ все ихъ благосостояніе. Большая часть сихъ владѣтелей уже люди пожилые, которые оставили службу, дабы умножить доходы своихъ наслѣдственныхъ имѣній. Если бы науки естественныя все еще заключались въ толстыхъ Латинскихъ фоліантахъ, или зависѣли отъ формулъ высокаго анализиса, мы со всѣмъ нашимъ усердіемъ не осмѣлились бы побуждать ихъ къ предпріятію такихъ трудовъ, къ которымъ, увы! единая молодость способна; но благодаря новому направленію Европейскаго просвѣщенія, библіотека ихъ

можетъ составиться изъ 50 или еще менѣе томовъ, in 8°, на прочтеніе коихъ два года могутъ быть достаточны, безъ всякой помощи учителя. Ободренные первымъ чтеніемъ таковыхъ книгъ, какова Дюпенева и Ларднера Механика, или даже нѣкоторыхъ дешевыхъ такъ называемыхъ *магазейновъ*, они привыкнутъ ихъ читать, такъ сказать, безъ остановки, какъ нѣкоторые любимые романы, съ тою еще выгодою, что не найдутъ въ оныхъ отравительной пищи народнымъ ненавистямъ, а напротивъ, поощреніе любитъ все человѣчество.

Дешевизна есть основаніе просвѣщенія нашего вѣка, ибо она предполагаетъ удобоприступность для многаго количества людей къ вещамъ полезнымъ, и отъ того явились дилижансы на дорогахъ, омнибусы въ городахъ, паровыя машины на фабрикахъ и стереотипныя изданія въ библіотекахъ. Мелочно распространять познанія, и стараться главное о томъ, чтобы общество заключало менѣе совершенно непросвѣщенныхъ, нежели малое число глубоко ученыхъ людей, есть, можно сказать, въ краткихъ словахъ изображеніе всѣхъ Европейскихъ усилій. Мы не знаемъ, сколько таковое направленіе будетъ способствовать къ возвышенію человѣческаго духа, но уже по опыту видимъ полезные онаго плоды, не только въ отношеніи ремесленности и умноженіи домашняго благосостоянія, но даже и въ важныхъ ежедневныхъ открытіяхъ, неисключительно ученому сословію принадлежащихъ. Читатель проститъ конечно усердію нашему столь длинное всту-

пленіе къ разсмотрѣнію осьмушечной книжки, но оно казалось намъ необходимымъ для оправданія нашего труда. Книжка сія есть Ежегодникъ издаваемый нѣкоторыми членами Института, подъ простымъ названіемъ: Bureau des longitudes. Цѣна оной въ Парижѣ одинъ франкъ, несоставляющій нашего рубля; а едва ли есть во всей Европѣ періодическое изданіе, заключающее въ такомъ маломъ объемѣ столько полезныхъ свѣдѣній для всякаго рода людей. Первѣйшіе Профессоры математическихъ и физическихъ наукъ стараются помѣстить въ ономъ занимательнѣйшую статью, принимая въ соображеніе и потребность вкуса, изъявленную въ прошедшемъ году, и нужду времени. Такъ напримѣръ въ Ежегодникѣ 36 года, Профессоръ Араго излагаетъ простымъ слогомъ все извѣстное Астрономіи о той кометѣ, которою мы всѣ нѣсколько мѣсяцевъ тому любовались, или пугались, по мѣрѣ нашихъ познаній или предразсудковъ и толкованій невѣждъ. Собраніе сихъ Ежегодниковъ за нѣсколько лѣтъ составитъ уже библіотеку, достойную уваженія ума просвѣщеннаго и полезную для всякаго пищу.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о важнѣйшихъ статьяхъ сего Математическаго Календаря. Нѣкоторые изъ нашихъ читателей не имѣютъ, можетъ быть, яснаго понятія о Метрической системѣ: постараемся въ нѣсколькихъ словахъ объяснить покрайней мѣрѣ цѣль оной. Потребность имѣть мѣру постоянную, точную, общую для всего государства, и которую бы можно было найти и тогда, когда

бы всѣ физическія изобрѣтенія оной изчезли, побудила Институтъ во Франціи, и потомъ Королевское общество въ Англіи опредѣлить единицу размѣра изъ чего нибудь неизмѣняемаго. Французы избрали меридіанъ долготы земнаго шара, измѣрили градусъ онаго въ разныхъ широтахъ съ величайшею подробностію, и раздѣлили оный на сорока - милліонныя части, которую взяли за единицу мѣры длины и назвали метромъ. Мы назовемъ способъ сей астрономическимъ, и онъ конечно представляетъ въ себѣ нѣчто великое, показывающее силу человѣческаго ума. Англичане, опытомъ удостовѣрясь въ долготѣ маятника, бьющаго секунды на высотахъ Гренвича, приняли таковый маятникъ основаніемъ своихъ мѣръ. Читатель конечно не ожидаетъ отъ насъ подробности изложенія системы таковыхъ размѣровъ, но и то, что мы уже сказали, достаточно къ убѣжденію его о пользѣ оныхъ; ибо ни длина меридіана, ни длина маятника, бьющаго секунды, не перемѣнится одна никогда, а другая въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ, такъ, чтобы часть, взятая за единицу, не представляла тойже длины, которую имѣла она при началѣ введенія системы. Для вѣса употребили и тѣ и другіе кубическую часть той же единицы, наполнивъ таковую форму дистилированною водою въ опредѣленномъ мѣстѣ и подъ опредѣленнымъ градусомъ теплоты. Всякой удобно кажется поймеmъ, что при избраніи тяжести воды для единицы вѣса, они равномѣрно охранились отъ невѣрности и измѣненія въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ.

всѣхъ другихъ матеріальныхъ размѣровъ тяжести *. Читатели наши найдутъ въ началѣ Ежегодника сравнительную таблицу сей Философической системы мѣръ съ тѣми, которыя ввели обычаи и съ которыми и въ самыхъ просвѣщеннѣйшихъ земляхъ простолюдинъ съ трудомъ разстается. Греческія названія, для самой продолжительности и распространенія системы неизбѣжныя, долго затрудняли Французскихъ поселянъ и даже городскихъ жителей; но теперь мы сами съ радостію имѣли случай удостовѣриться, что и самые бѣднѣйшіе между тѣми и другими знаютъ наизусть большую часть десятеричныхъ раздѣленій длины и вѣса. Такимъ образомъ принятыя, въ разныхъ губерніяхъ различествующія, хотя того же названія мѣры вѣса и длины, въ контрактахъ совсѣмъ уже не употребляются, и худо опредѣленныя слова: toise, arpent, gros, livre совершенно въ нѣсколько лѣтъ исчезнутъ **. Въ таблицѣ о повышеніи морскихъ водъ, тѣ изъ нашихъ читателей, которые сомнѣвались бы въ пользѣ Астрономіи, убѣдятся въ противномъ. Они усмотрятъ, что исчисленіе Лапласа о совокупномъ дѣйствіи солнца и луны на океанъ, не только приспособлено къ мореплаванію; но и къ успокоенію портовыхъ жителей во Франціи, которые изъ приложенной таблицы узнаютъ и число мѣсяца и самую высоту прибавленія воды въ портахъ. Конечно астрономическій способъ не можетъ быть употребленъ для Балтійскаго моря; но

* Стран. 54.

** Стран. 35.

какъ многіе философы убѣждены, что во всѣхъ физическихъ явленіяхъ можно изъ долголѣтнихъ, постоянныхъ и разномѣстныхъ примѣчаній извлечь періодическій законъ, то и мы надѣемся, что стараніями нашихъ ученыхъ, прекрасный городъ, Петромъ Великимъ воздвигнутый, не будетъ всегда жить въ темномъ невѣдѣніи о эпохѣ наводненія и даже о правдоподобной высотѣ онаго.

Въ заключеніяхъ, извлеченныхъ изъ таблицъ, движенія народонаселенія во Франціи, находится содержаніе новорожденныхъ мужескаго пола къ женскому какъ 17 : 16. Мы не скроемъ отъ нашихъ читателей нашего сомнѣнія, чтобы сей плодъ 17-лѣтняго наблюденія былъ достаточенъ къ отверженію содержанія новорожденныхъ мужескаго пола къ женскому какъ 21—20, которое не только въ Европѣ, но даже и въ Америкѣ, славный Баронъ Гумбольдъ нашелъ вездѣ справедливымъ. Мы полагаемъ, что еще надобно вящшіе опыты къ принятію того, который находится въ семъ Ежегодникѣ. Не взирая на сіе разнствованіе, коему болѣе или менѣе всегда статистическіе вопросы подвержены, мы рекомендуемъ однакожъ нашимъ читателямъ таблицу * *о правдоподобіи жизни*, по которой всякой можетъ самъ собою охранить себя отъ обмана, когда захочетъ положить свой капиталъ въ таковой доходъ, который бы со смертію его уничтожился **. Статья о кометѣ, возвратившейся прошлаго Декабря, любо-

* Стран. 39.

** Стран. 189.

пытна не токмо по астрономическимъ, но и по историческимъ своимъ отношеніямъ. Профессоръ Астрономіи Араго соединилъ въ оной все, что доселѣ извѣстно. Нѣтъ уже болѣе сомнѣнія, что комета сія есть та самая, которая испугала Европу въ 1456 году и въ которой суевѣріе тогдашняго времени находило какую-то связь съ успѣхами Оттоманскаго оружія. Хотя слава Галлея, давшаго имя свое сей кометѣ, въ исчисленіи ея 75-лѣтняго вращенія и не оспорима; однако же мы не можемъ не порадоваться тому, что западная ученость неисключительно учавствовала въ сей важной услугѣ, оказанной Астрономіи. Нашъ братъ Славянинъ, славный Польской Астрономъ Гевелліусъ, болѣе всѣхъ другихъ облегчилъ Галлею трудъ астрономическаго исчисленія, которое въ древнія времена почлось бы пророческимъ. Мы сами любовались на хранящійся въ Варшавской обсерваторіи глобусъ, принадлежавшій Гевелліусу, на которомъ Польской Астрономъ черстилъ теченіе Галлеевой кометы. Араго утверждаетъ, что прошлогоднешнее оной явленіе не принесло новыхъ доказательствъ для новой теоріи Гершеля о эфирѣ, существующемъ въ пространствѣ міровъ. Теорія сія, въ особенности основанная на наблюденіяхъ Прусскаго Астронома Энке, по случаю кометы, носящей его имя и являющейся всякія 7 лѣтъ, предполагаетъ постепенное уменьшеніе фигуры и бѣга кометъ, т. е. что онѣ, какъ и мы, носятъ признаки своей старости, теряютъ мало по малу посредствомъ тонкаго эфира, обнимающаго все пространство, быстроту своего бѣга, и въ силу всеоб-

щаго закона притяженія, приближаются къ блистательному гробу своему — солнцу. Любопытный читатель найдетъ о семъ предметѣ краснорѣчивую рѣчь Гершеля въ собраніи, о которомъ мы уже говорили подъ названіемъ Britisch Cyclopedia. Мы надѣемся, что имя сего славнаго мужа не пострадаетъ во мнѣніи людей просвѣщенныхъ, отъ дерзкой наглости какого-то шарлатана въ Америкѣ или въ Голландіи, который въ нынѣшнемъ году выдалъ книжку, въ коей описаны разные предметы, будто бы видѣнные Гершелемъ въ лунѣ, какъ то: строенія, крѣпости, летающія существа, намъ подобныя и пр. Къ стыду Европы книжка сія съ жадностію раскупилась въ обществѣ людей порядочныхъ, вѣрующихъ такому безстыдному обману. Остроумная статья о Гіероглифахъ * не заключаетъ ничего особенно новаго, но примѣчательна по нашему мнѣнію тѣмъ, что она показываетъ, какіе успѣхи Французы, по крайней мѣрѣ ученые, сдѣлали съ временъ Наполеоновыхъ въ отношеніи народнаго и просвѣщеннаго великодушія. Сія какъ будто бы необходимость въ сосѣдственной ненависти, безстыдно признаваемая многими за полезное правило, и которую Министръ Питъ называлъ *черною клеветою на человѣческое сердце*, такъ мало уже дѣйствуетъ на мнѣніе, что въ спорѣ между Юнгомъ и Шамполіономъ о первенствѣ открытія Египетскаго фигурнаго письма, явно принадлежащемъ послѣднему, Французской ученый почти съ робостію излагаетъ свое

* Стран. 238.

мнѣніе и оканчиваетъ такъ, что, отдавъ справедливость памяти Шамполіона, поставляетъ однакожъ Англійскаго философа выше своего соотечественника. Остальное содержаніе сего Ежегодника въ особенности писано для мореплавателей, но и въономъ найдутъ читатели много полезныхъ свѣдѣній о физической Географіи земнаго шара.

Мы не можемъ при окончаніи удержаться отъ удовольствія выписать приращеніе пространства Парижа.

	Гектары.	
При Юліи Кесарѣ, за 56 лѣтъ до нашего лѣтосчисленія, первая окружность Парижа содержала	38	78
При Юліанѣ въ 375 г. 2 окружн.	15	28
— Филиппѣ Авг. въ 1221 г. 3 —	252	85
— Карлѣ VI — — 1383 » 4 —	439	20
— Генрихѣ III —— 1581 » 5 —	483	60
— Людовикѣ XIII—1634 » 6 —	567	80
— Людовикѣ XIV—1686 » 7 —	1103	70
— Людовикѣ XV —1717 » 8 —	1338	12
— Людовикѣ XVI—1788 —	3370	43
Нынѣ	3450	00

Взглянуть на сію картину труднаго и медленнаго возрастанія баловня вѣковъ и на одностолѣтній Петербургъ, по нашему мнѣнію, есть самое лучшее средство, дабы постигнуть въ единой мигъ все величіе духа Петра Великаго и могущество Его народа.

Князь Козловскій.

ПАРИЖЪ.

(ХРОНИКА РУССКАГО).

Не знаю, сберусь ли съ силами написать къ Б
Я такъ морально и интеллектуально охилѣлъ, посл
шестинедѣльной простуды, что едва ноги таскаю
а въ ногахъ и въ перѣ вся моя умственна
сила! Сколько бы должно было измарать стра
ницъ, что бы передать вамъ быль и небылицы
послѣднихъ недѣль, но, право, силъ нѣтъ! Едва
въ журналѣ отмѣчено видѣнное, слышенное, чи
танное! Фіэски, балы, отставки Министровъ
убавка процентовъ. Языкъ мой, врагъ мой, могя
бы сказать и Броглію: къ чему «Est-ce clair?» Ce
qui n'est clair dans tout cela, c'est que cette
allocution peu aimable pour une chambre si com-

plaisante, a fait couler à fonds le ministère. Я жа-
лѣю Доктринеровъ: гдѣ найти другаго Guizot для
просвѣщенія? Онъ соединяетъ три элемента Евро-
пейской сивилизаціи (четвертаго нѣтъ, ибо Сла-
вянскій не въ счету): Французскій, Англійскій и
Германскій (для Итальянскаго онъ выписалъ сюда
Росси). Вчера было Воскресенье, и день пріемный
Эксминистровъ Гизо и Тьера; en courtisans de
la chute Ministérièle, я черезъ силу отправился
сперва къ Гизо, потомъ къ Тьеру; нашелъ сало-
ны и прихожія полные посѣтителей и посѣти-
тельницъ: Академики, Депутаты, Перы, искатели
фортуны, *Бадо*, Дюки, Генералы — все тутъ было,
кромѣ Дипломатическаго Корпуса. Тѣхъ же и то же
нашелъ я и у Тьера, гдѣ насъ встрѣчала прелест-
ная, подъ стать мужу, миніятюрная жена его. Они
еще не отставлены; но прошенія поданы и приня-
ты. Вѣстовщики разносятъ списки новымъ Мини-
страмъ. Угадываютъ *Дюпена* — первымъ Минист-
ромъ Юстиціи. Другой братъ Предсѣдатель Акаде-
міи, третій Старшиною (Doyen) Адвокатовъ, и всѣ
трое вездѣ, даже на гробовой доскѣ матери: ci git la
mère des trois Dupin! (Недавно имъ за это доста-
лось въ судѣ отъ одного оскорбленнаго Автора-
Адвоката). Почти всѣ увѣрены, что Министры воз-
вратятся въ свои дворцы, увѣряютъ даже, что и
очень скоро; но врядъ ли? возвратъ ихъ осно-
ванъ на неопытности преемниковъ, коихъ полити-
ческія мнѣнія не разнствуютъ существенно отъ
Доктринеровъ; а такъ какъ Король не возьметъ
никого съ *лѣвой стороны* и не распуститъ тепе-

решней Камеры, то и трудно возобновить *тоже* другими. Вчера Гизо, желая возвратиться къ одной дамѣ, которую оставилъ для того, чтобы встрѣтить другую, сказалъ тому, кто занялъ между тѣмъ его мѣсто: Permettez, Mr., c'est la seule place que je veux garder. И для моихъ трудовъ въ Архивѣ эта перемѣна не безъ хлопотъ. Я долженъ былъ еще и прежде кончить работу; но не безъ надежды идти далѣе 1742 года, или по крайней мѣрѣ кончить его. Теперь хотя Mignet и остается главнымъ Архивистомъ, но кто будетъ Министромъ? Да и согласится ли Mignet допускать меня въ Архивъ? я и домогаться этого не буду. Они и безъ того едва не раскаеваются, что впустили козла въ огородъ. — А сколько капусты! чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ! Лѣсъ вѣковый, но еще полный жизни Исторической! все это прервалось въ началѣ царствованія Елисаветы Петровны и войны Ея со Швеціею! ..... Я возвратился сей часъ съ послѣдняго роута моего сосѣда Эксминистра Брогліо, гдѣ нашелъ тьму кромешную, т. е. Дипломатовъ, Депутатовъ, Ротшильдовъ, Чиновниковъ, бальныхъ знакомствъ и проч. и узналъ почти навѣрное, что Министерство устроится завтра, (слѣдовательно и отъѣздъ А. можетъ ускориться). Отъ него узнаете, столько же, сколько и изъ газетъ: политическія дрязги, а я передамъ вамъ все, что придетъ въ голову изъ другой сферы здѣшней народной государственной жизни. Съ чего начать? съ процесса Фіэски? но вы знаете его подробно изъ журналовъ, и даже всѣ прикосновенныя къ

нему обстоятельства; не достаетъ вамъ портрета его и его товарищей: вотъ одинъ листъ въ пяти лицахъ. Онъ, т. е. Фіэски, точно такъ отвратительно изуродованъ, какъ онъ видимъ въ литографіи; но не такъ старообразъ, какъ въ особомъ листѣ; надъ однимъ вискомъ площадка обритая, послѣ ужасной раны, иногда пластыремъ прикрываемая. *Жизны полный* еще и по сю пору, фарсеръ, Итальянскій *Браво,* но иногда не безъ примѣчательныхъ движеній въ словахъ и въ чувствахъ: напр. одинъ разъ онъ точно поразилъ слушателей, сказавъ: La mort, c'est ma maitresse àprésent. Но обыкновенно онъ рисуется, даетъ себѣ позиціи и витійствуетъ посвоему, хотя и не всегда натурально. Morey очень сходенъ, также и другой, особливо Pepin. Вѣроятно рѣшусь идти смотрѣть казнь ихъ. Для Ч. посылаю двѣ статьи въ Gas. de France о Боссюэтѣ. Онѣ писаны бывшими Издателями Quotidienne и съ большимъ искусствомъ. Куда меня бросило отъ Фіэски? Но, право, что-то не пишется: чтеніе—по случаю болѣзни—отучило меня отъ пера. Кстати о чтеніи: недавно Ламартинъ присылалъ своего пріятеля ** читать отрывокъ изъ своей огромной Поэмы С. П. С—ной: этотъ отрывокъ названъ, кажется, Jocelyn. С. П. увѣряла меня, что она ничего лучшаго въ этомъ родѣ не читывала; tout y est poësie et verité. Я слышалъ, что Поэма дойдетъ до двадцати пяти тысячь стиховъ и что теперь уже болѣе двѣнадцати тысячь! Даже и къ нему меня не тянетъ; Шатобріяна не видалъ уже болѣе двухъ мѣсяцевъ; рѣдко заглядываю къ Рекамье и къ Ба-

ланиу и встрѣчаю знаменитости только въ *роутахъ* Министерскихъ и Академическихъ. Погрузился въ Исторію—и недавно нашелъ въ Раумерѣ любопытную компиляцію: біографію Императрицы Анны, *Бартольда.* Именно та эпоха, для которой собрано у меня множество Архивскихъ матеріяловъ. Много и въ печатной статьѣ Историческихъ подробностей; но мои драгоцѣннѣе et plus authentiques. Но Бартольдъ исказилъ Историческіе факты своимъ гнуснымъ умничаньемъ. За Рейномъ ужъ такъ не пишутъ, а за моремъ и подавно! Я бы не огорчился нимало отставкой Тьера и Гизо, еслибъ она привела ихъ къ отставной ихъ любовницѣ — Исторіи; но врядъ-ли? Они останутся людьми политическими, и возвратятся скорѣе снова къ портфелямъ, нежели къ перу. Спасибо, что вы хоть по Субботамъ мои письма читаете, и жалѣю, что не зналъ объ этомъ прежде, т. е. тогда, какъ писалъ охотно и обо всемъ. Я не видалъ еще ни одного нумера Московскаго Наблюдателя. Я думалъ, что онъ подобьетъ меня или мою письмо-охотливость; но не тутъ-то было! Мои Вѣнскія, Итальянскія и Парижскія письма, трепетавшія тогдашними новинками, устарѣли и отцвѣли. Недавно была у насъ на вечеринкѣ вдова Бенжаменъ-Констана, урожденная Ганденбергъ, племянница Князя Министра. Умная и образованная женщина, принимающая живое участіе въ серіозной Французско-Нѣмецкой Литтературѣ и даже присутствующая на шарлатанскихъ лекціяхъ Лерминье. Она долго о немъ со мною разсуждала, и кажется, мнѣ удалось едва-ли не разоча-

ровать ее на счетъ болтуна-философа-Профессора, который не выѣхалъ еще изъ Египта въ Исторіи о народномъ правѣ! Другая дѣвица, лѣтъ 19 Англичанка, Мезофанти въ юбкѣ; знаетъ очень хорошо восемь языковъ и выучилась по-Русски, такъ что всѣхъ васъ читать можетъ. И собой не дурна, жаль только, что училась Русской грамотѣ и Литтературѣ у **. Я обѣщалъ ей книгъ, но и за ней волочиться нѣкогда! Вообразите, до какого самоотверженія дошло мое Историческое крохоборство! Торопясь кончить 43-й фоліантъ Архивскій, я не пошелъ въ Академію на пріемъ Скриба, коего такъ умно отпѣлъ Вильмень. Ни въ одномъ куплетѣ, ни въ одной пѣсенкѣ Комико-Водевилиста нѣтъ столько чистаго, критическаго остроумія, сколько въ похвалахъ-критикахъ безсмѣннаго Секретаря Академіи. Эта новизна останется примѣрною, и впередъ не все хвалить будутъ въ пріемныхъ привѣтствіяхъ; пора и критикѣ воцариться на Ришельевскомъ трибуналѣ! — Я возилъ Л**ва на послѣдній блестящій балъ Брогліо, гдѣ была вся знать, вся Дипломатика, весь *людъ нужный, должностный,* и красавицы со всѣхъ концевъ Европы, и изъ нашей Митавы.

10 *Февраля.* Такъ какъ ты Академическія тетради называешь *тряпьемъ*; то я и не посылаю ихъ ни тебѣ, ни въ Москву; совѣтую однакожъ прочесть посылаемую мною Араго о Cuvier, о Шапталѣ, о Т. Юнгѣ — и даже Карла Дюпена объ успѣхахъ Математическихъ наукъ. Если

достану Скриба и Вильменя, то пришлю и для тебя. Но какъ же Европейскому Журналисту или даже и не Журналисту обойтись безъ этихъ указателей хода наукъ и просвѣщенія вообще? Я совсѣмъ неохотникъ до наукъ точныхъ, а еще менѣе знатокъ въ оныхъ, но по необходимости долженъ изрѣдка заглядывать въ Академію по понедѣльникамъ для того, чтобъ быть au courant главныхъ открытій, даже попытокъ въ томъ, что дѣлается *немногими* для всѣхъ и каждаго? Иначе взглядъ на міръ нравственный, на міръ интеллектуальный и даже политичеекій, будетъ не вѣренъ. Энциклопедическій взглядъ не мѣшаетъ *специяльности*, и съ тѣхъ поръ, какъ я справляюсь объ успѣхахъ машинъ и о газѣ, я лучше сужу о Лудвигѣ XIV и о Петрѣ Великомъ. Въ наукахъ нравственно-политическихъ соображеній сего рода справка съ другими сестрами-науками еще нужнѣе, почти необходима; напр. въ политической экономіи, въ финансахъ. Впрочемъ и здѣсь Депутаты наканунѣ ораторства твердятъ правила, кои должны руководствовать ихъ въ управленіи государственной финансовой машины. Промахи дорого имъ стоятъ, и не одни Министры падаютъ, но съ ними иногда и кредитъ Государственный! Кстати о наукахъ и о гигантскомъ ходѣ просвѣщенія: миніятюрное доказательство оному прилагаемый у сего Annuaire du bureau des longitudes на этотъ годъ, гдѣ статьи *Араго* ставятъ это ежегодное Астрономическое явленіе наряду, если не выше, съ *Лихтенберговымъ* Альманахомъ, гдѣ Физикъ-Горбушка Лихтенбергъ, Коментаторъ Гогарда, помѣщалъ свои

открытія въ Физикѣ и Астрономіи, и съ Шубертовымъ Петербургскимъ Нѣмецкимъ календаремъ, гдѣ нашъ Астрономъ и Классическій писатель знакомитъ Россію съ науками и съ Небомъ. Въ *Анню эръ* статья о *Египетскихъ іероглифахъ* (стр. 238) прекрасная и для насъ понятная. По такимъ книжкамъ можно впрочемъ судить болѣе объ Академіяхъ, нежели о народномъ просвѣщеніи. Прочтите *Араго* о *Т. Юнгѣ;* нигдѣ съ такимъ искусствомъ не соединяетъ онъ науки съ біографіей: отличительное качество его похвальныхъ рѣчей въ Академіи. Fontenelle, Cuvier, Араго, каждый въ этомъ родѣ имѣлъ что-то особенное, и каждый сдѣлался классическимъ въ этомъ родѣ.

Полночь. Преодолѣвъ лѣнь, провелъ пріятный вечеръ у нашей знакомой, которая повторила мнѣ свое мнѣніе о Поэмѣ Ламартина и обрадовала надеждою, что въ теченіи мѣсяца часть оной выйдетъ. Стихи (всего восемьсотъ), кои она слышала, подъ заглавіемъ les laboureurs, c'est la destinée de l'homme sur la terre et dans le ciel. Отдѣленіе Поэмы, къ коему эта глава принадлежитъ, изъ восьми тысячь пяти сотъ стиховъ. Оно уже кончено. Сей Поэмы написано уже до двадцати пяти тысячь стиховъ. Она не охотница до Ламартина, вѣроятно съ тѣхъ поръ, какъ Магометанство ему такъ понравилось; но эти стихи хвалитъ съ необыкновеннымъ восхищеніемъ. «C'est biblique». Тутъ нашелъ я и Дюшессу St. Simon, которая издала 21-й волюмъ записокъ предка своего мужа, и теперь въ процессѣ съ двумя книгопродав-

цами за второе изданіе, которое будетъ дешевлѣ, если выдетъ. Она хлопотала, чтобы ей выдали остальныя, никогда непечатанныя записки предка, хранящіяся въ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ, но ей отказали, хотя право Правительства основано на произвольномъ lettre de cachet, въ слѣдствіе коего отобраны сіи рукописи во время оно. Сверхъ того дѣдъ Дюка С. Симона, писавшаго записки, также написалъ свои записки, въ коихъ также много любопытнаго, и Гизо вытребовалъ ихъ изъ Архива. Она и объ этой рукописи хлопотала, но и въ этомъ отказали. Хотѣлось бы еще покомерировать съ вами о прежнихъ Министрахъ, о Кандидатахъ ихъ, о Берьѣ и Дюпенѣ, но сонъ клонитъ, и еще не возвратилась письмо-охотливость, хотя и сегодня написалъ уже пять писемъ и, какъ видите, не краткихъ.

11 *Февраля.* Сей часъ прислали мнѣ два экземпляра рѣчей Вильменя и Скриба: болѣе достать не могъ; ибо они продаются только съ разрѣшенія Академіи, а напечатанные въ Журналахъ врядъ-ли такъ полны, какъ Академическіе.

12 *Февраля*, *полночь.* Все еще Министерство не составлено и начинаютъ поговаривать для Иностраннаго о Сент-Олерѣ, который Посломъ въ Вѣнѣ. Для меня было бы это очень выгодно, и я снова могъ бы надѣяться попасть въ Архивъ. On prête un mot à Humann sur la loi financière, qu' on a transformé en loi politique: « C'est bien mon enfant », сказалъ онъ, «mais on l'a changé en nourrice». Увѣ-

ряютъ, что сегодня Адвокаты въ дѣлѣ Фіэски были превосходны. Segur-Lamoignon обѣщалъ мнѣ или на завтра, или на послѣ завтра, (т. е. вѣроятно на послѣднее засѣданіе) билетъ. Фіэсковы литографіи продаются дорогою цѣною: увѣряютъ, что онъ завѣщалъ вырученную сумму въ пользу *Нины Лассавъ.* Я провелъ вечеръ съ Баланшомъ, Карне (Авторомъ Considérations sur l'histoire contemporaine etc. etc.) Первый рекомендовалъ мнѣ для тебя: Musset, Confessions d'un enfant du siècle, но если эти два тома послать, то нельзя будетъ послать Кине и пр.

Я давалъ С. П. С—ной читать *Минье* предисловіе къ Испанской войнѣ: она чрезвычайно хвалитъ его и не ожидала такого взгляда на Исторію и такой методы, какую нашла въ новомъ трудѣ его. Теперь читаетъ она Вильменя предисловіе къ Лексикону и ставитъ его выше всѣхъ другихъ мелкихъ его сочиненій.

Я нашелъ здѣсь у одного собирателя рукописей собраніе писемъ одного Француза-шпіона, Полковника Драгунскаго Valeroissant, коего Шаузель въ 1780—782 годахъ послалъ въ Царьградъ помогать тайно Туркамъ и Полякамъ (во время Барской конфедераціи) противъ насъ. По бѣглому обозрѣнію я замѣтилъ, что это его переписка съ Посломъ Французскимъ въ Турціи Графомъ Сен-при изъ Турецкой арміи, съ воинскими подробностями; но не могу оцѣнить степени исторической важности этихъ бумагъ. Предписаніе Шуазеля шпіону оригинальное

за его подписью: онъ предписываетъ ему скрывать отъ Русскихъ цѣль даннаго ему порученія. Важенъ фактъ, что Франція подбивала и помогала Туркамъ и Полякамъ, будучи въ дружбѣ съ нами; но фактъ этотъ мы знаемъ. Подробностей войны и ошибокъ съ Турками также много. У него же купилъ я вѣроятно оригинальную рукопись о Петрѣ, Екатеринѣ I, Меншиковѣ и проч., другая копія хранится въ Королевской Библіотекѣ и мною переписана.

О Фіэски: увѣряютъ, что по всей дорогѣ отъ тюрьмы до мѣста казни ни одного окна нѣтъ не занятаго; а что увидитъ это кровавое любопытство? одну фуру закрытую, фуру съ преступникомъ или съ преступниками; ибо съ недавняго времени возятъ къ гилліотинѣ уже не показывая жертвъ правосудія.

$\frac{2}{14}$ *Февраля*, *Воскресенье*. Разлученный съ Архивомъ вчера провелъ день по прежнему: прочитавъ журналы, отправился въ Камеру Перовъ, но мой билетъ былъ на 16-е засѣданіе, т. е. на сегодня, а вчера было 15-е въ дѣлѣ Фіэски, и я возвратился въ Rue Tournon, осмотрѣлъ литературныя новости, у *Ренуара* встрѣтилъ *** и **. Онѣ возвращались отъ Дюшессы Деказъ, живущей въ самомъ Люксенбургѣ: она показывала сквозь потаенное отверстіе Камеру и подсудимыхъ (Дамъ въ Камеру Перовъ не пускаютъ). Она увѣряла ихъ, что сегодня уже не будетъ открытаго для публики засѣданія, что Перы хотятъ непремѣнно кончить судъ, хотя бы засѣданіе должно было продолжаться за полночь,

что Референдарій и обѣдъ для нихъ заготовилъ: слѣдовательно мой билетъ былъ для меня безполезенъ. Поболтавъ съ М., пошелъ разносить карточки и себя по Сенжерменскому предмѣстью; поболталъ у Мортемарши; она пользуется правомъ тобою ей даннымъ и *медленно спѣшитъ* отвѣчать тебѣ. Отъ нее къ M-me Recamier, въ которой нашелъ ужасную перемѣну, продолжительнымъ нездоровьемъ произведенную; но мила по прежнему, и я подосадовалъ на самого себя или на свои Архивскія хлопоты, что такъ долго лишалъ себя этой бесѣды. Шатобріянъ, говоря о Франціи, о теперешнихъ обстоятельствахъ и пр., оживился какимъ-то необыкновеннымъ жаромъ: тутъ былъ Баланшъ, всегда остроумный и *откровенный* наблюдатель Beaumont, сотрудникъ Токевиля Chateauvieux, Писатель Женевскій и Секретарь Государственнаго Совѣта, который привезъ намъ свѣжія вѣсти изъ Камеры Депутатовъ о возможности сложенія стараго Министерства на новый ладъ. Пренія наши начались о политическихъ партіяхъ, о вліяніи оныхъ на салоны и на все общество Парижское; вспомнили давно-прошедшее. M-me Récamier разсказала какъ *встарину* встрѣчались у нее Бареры съ Роялистами и не разстроивали салона, что даже и въ мое время, въ ресторацію, люди различныхъ партій и совершенно противоположныхъ мыслей, Mathieu Montmorancy съ Издателями Constitutionel и т. п., сходились у ней, и у того же камина любезничали и грѣлись; но что теперь этого сближенія лицъ, безъ сближенія мыслей, нѣтъ уже болѣе, что она часто въ большомъ затрудне-

нiи отъ встрѣчь разнородныхъ, хотя и одного и того же класса общества: именно сiе разномыслiе въ *томъ*-же классѣ и причиной бо̀льшаго, хотя и не сильнаго ожесточенiя. Шатобрiянъ прекрасною фразо̀ю резюмировалъ ея замѣчанiя. Но я заспалъ форму оной, ибо вчера записать не успѣлъ: Les Royalistes se rencontraient avec d'autres partis; maintenant ils se rencontrent avec eux mêmes, но въ разныхъ оттѣнкахъ, и ожесточенiе сильнѣе. Удивлялись энтузiазму Ламартина къ Фiэски: онъ бываетъ почти на каждомъ засѣданiи Камеры Перовъ. Тѣмъ лучше: впечатлѣнiя суда и фанфаронства злодѣя передастъ онъ въ стихахъ сильныхъ, и Поэзiя найдетъ, если не новые образы, то новыя наблю́денiя въ Психологiи. Я проболталъ до 6 часа у *милой* par excellence и отъ Фiэски перешли мы къ Сенсимонистамъ, къ Нѣмецкой философiи и пр. и пр. Поутру звала меня на прiятельскiй обѣдъ Thécla S. en s'excusant de la tardive invitation, я отвѣчалъ: qu'en poësie, comme en-fait de bon diner, le tems ne faisoit rien à l'affaire—и явился. Туда принесли намъ и вечернюю газету съ извѣстiемъ, que « la séance a été levée pour être reprise demain dimanche à une heure ». Фiэски не успѣлъ говорить въ послѣднiй разъ; послѣднее слово еще не вымолвлено, и я, отзавтракавъ поранѣе и пробѣжавъ колонны Курьера, въ 11 часу буду уже въ Камерѣ Перовъ....

Кончилъ вечеръ на балѣ у M-me Ancelot; Субботнюю вечеринку на масляницѣ превращаетъ она въ балъ, гдѣ толпа всякой всячины, со всѣхъ кон-

цевъ Парижа, всѣхъ мнѣній и всѣхъ Академій и пр. въ комнатѣ двухъ-оконной, толкалась въ кадрилѣ; но потолковавъ съ Монмерке объ Историческомъ Бюлетенѣ и о рукописяхъ о Россіи, съ Мериме о литтературныхъ новинкахъ, въ полночь я былъ уже въ постелѣ съ Дворомъ Людвига XIV, который все еще царствуетъ, кажется кое-гдѣ въ закоулкахъ Сенжерменскаго предмѣстья. Но пора въ Камеру — оттуда, если участь Фіэски и процесса кончится до 7 часовъ вечера, отправлюсь на фамильный обѣдъ къ Г. Шленкуръ, если нѣтъ, то останусь до самаго нельзя. Турецкій Посолъ даетъ обѣды и льетъ Шампанское; вчера угощалъ онъ здѣшнихъ ученыхъ: само собою разумѣется, что Оріенталистъ Sylvestre de Sacy былъ однимъ изъ почетныхъ гостей его. Досада на тѣхъ, кои вторятъ еще съ Вольтеромъ: c'est du nord aujourd'hui que nous vient la lumière, заставляетъ Журналистовъ превозносить Цареградскаго Мецената.

Кое-какъ добрелъ я домой, встрѣчая маски и блестящіе экипажи, кои провожали масляницу. Народное веселье меня какъ-то потревожило. Но скоро заболтался и я за обѣдомъ съ Поэтомъ Gans, который въ Саратовскихъ степяхъ у Скорятиныхъ написалъ два волюма стиховъ, между коими и Поэма: Моисей. Кажется въ стихахъ есть и Поэзія. Тутъ же былъ и Издатель записокъ du Duc de Crequy. Кончилъ вечеръ у С—ой и точно хотѣлось *отвести съ ней душу* и повѣрить впечатлѣнія, полученныя поутру.

Гансъ, учитель Скорятиныхъ, читалъ намъ вчера изъ одного своего волюма переводъ Цыгановъ; кажется, очень вѣрно и удачно переведено.

16 *Февраля.* Вчера расплатился я съ писцами въ Архивѣ — и унесъ изъ моей каморки всѣ мои бумаги! На моемъ столѣ работаетъ уже Bignon!! Вы скорѣе прочтете, вѣроятно, его умную компиляцію, нежели мои голыя выписки; но для Русскихъ мои врядъ ли не любопытнѣе?

Между тѣмъ сіяетъ весеннее солнце; народъ толпится на всѣхъ улицахъ: я встрѣтилъ *жирнаго быка* le boeuf gras (въ 3,000 пудъ), покрытаго бархатно-атласнымъ покрываломъ и погремушками, въ сопровожденіи музыки, паясовъ, жандармовъ и франконіевой кавалеріи: шумно и какъ будто весело, а воображенію чудится Фіэски босый и подъ чернымъ покровомъ и вдали три головы на воздухѣ! Досадно, что эта кровавая площадь въ сосѣдствѣ Pere Lachaise (кладбище): тамъ инаго рода воспоминанія, тамъ грусть и печаль безъ ужасовъ; иду толкаться въ толпахъ народа: авось встрѣтимъ—быка; Можетъ быть ввечеру въ маскерадъ — къ *Мюсару* но врядъ-ли? Въ салонѣ С — ной пріятнѣе, и въ моемъ кабинетѣ тише и даже забавнѣе; ибо Сен Симонъ разсказываетъ мнѣ важно важныя пустяки Двора важнаго Лудвига XIV.

Вчера былъ послѣдній день здѣшней масляницы и первый Парижской весны. Солнце блистало. Я

встрѣтилъ *жирнаго быка*, коего угощалъ одинъ мясникъ виномъ, передъ лавкой своей, увѣшенной говядиной и гирландами. Оттуда гость съ шумными своими провожатыми отправился съ визитами къ Королю, Министрамъ и по Сенжерменскому предмѣстью, гдѣ въ нѣкоторыхъ старинныхъ домахъ никогда не отказываютъ ему въ угощеніи. Вездѣ дарили и деньгами Амура, который сходилъ для принятія даровъ съ колесницы своей. Въ три часа я отправился бродить по булеварамъ, гдѣ экипажи тянулись въ два ряда (ливрейные имѣютъ право занимать, съ масками, средину). Толпы тѣснились по обѣимъ сторонамъ булевара. Окна унизаны были зрителями и шляпками. Маски, фуры и коляски съ разноцвѣтными костюмами, кавалькады тянулись отъ храма Магдалины до Бастиліи. Полиціи мало, порядокъ сохранялся самъ собою, почти какъ въ Римѣ на Святой недѣлѣ, гдѣ во все время не случилось ни одного несчастія, и гдѣ еще тѣснѣе булеварной масляницы. Одна изъ многолюднѣйшихъ фуръ съ масками заѣхала къ *Тортони*; изъ оконъ началась съ толпою перестрѣлка букетами, конфектами, апельсинами; Тортони затворилъ ставни. Мы прогуляли до 5 часовъ. Ввечеру маски разъѣзжали съ факелами. Я отказался отъ *Мюсара* и провелъ вечеръ въ чтеніи Токевиля о *демократіи* (въ Америкѣ). Талейранъ называетъ его книгу умнѣйшею и примѣчательнѣйшею книгою нашего времени; а онъ знаетъ и Америку, и самъ Аристократъ, такъ какъ и Токевиль, котораго всѣ связи съ Сенжерменскимъ предмѣстьемъ. Вы согласитесь съ за-

ключеніемъ Автора. «On rémarque aujourd'hui moins de difference entre les Européens et les descendans du nouveau monde, malgré l'océan qui les divise, qu'entre certaines villes du treizieme siecle qui n'étaient separées que par une rivière. Si ce mouvement d'assimilation rapproche des peuples étrangers, à plus forte raison il s'oppose à ce que les rejetons du même peuple deviennent étrangers les uns aux autres» и т. д. Авторъ кончитъ сближеніемъ двухъ противоположныхъ народовъ: Русскихъ и Англо-Американцевъ. Leur point de depart est different, leurs voies sont diverses; néanmoins chacun d'eux semble appelé par un dessein secret de la Providence á tenir un jour dans ses mains les destinées de la moitié du monde.

Вчера сіяло солнце и грѣла насъ весна: сегодня постъ и пошелъ снѣгъ. На улицахъ кое-гдѣ запоздалые провожаютъ масляницу. Кухарка наша возвратилась съ балу въ 6 часовъ утра.

Безъ масляницы не узнаешь вполнѣ Парижа. Нигдѣ нѣтъ такой суматохи: всѣ пляшутъ, почти въ каждомъ домѣ балъ, по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ кварталахъ. Работница à 25 sols par jour, несетъ послѣдній франкъ на балъ и въ нарядную лавку. Пьяныхъ меньше, но веселыхъ болѣе. Увѣряютъ, что никогда еще такой свалки экипажей и пѣшеходцевъ не бывало на гуляньяхъ и въ маскерадахъ. Начнутся проповѣди въ Notre-Dame и въ главныхъ церквахъ, но посѣтителей будетъ болѣе изъ высшэго класса. Въ Воскресенье въ Notre-Dame начнетъ свои поученія Лакордеръ, экс-сотрудникъ Ла-

мене. Надобно заранѣе запастись мѣстомъ, иначе не услышишь его. Постараюсь не пропустить ни одной проповѣди. Есть и другіе Духовные Ораторы, но менѣе блистательные.

Я видѣлъ сей часъ въ мастерской M me Lefranc, племянницы M me Lebrun, сходный портретъ *Жанена* и актрисы Volny (т. е. Leontine Fay) въ ролѣ Еврейки, когда она пишетъ роковое письмо. Сходства много; отдѣлка золотомъ шитаго бѣлаго платья прекрасная; и въ портретѣ блѣдная бѣлизна оригинала. Не могу привыкнуть ни къ здѣшнимъ выставкамъ, ни къ здѣшнимъ картиннымъ галлереямъ послѣ Итальянскихъ.

Полночь. Старецъ Буанароти (потомокъ Микель-Анджело) обѣдалъ у насъ. Онъ живая хроника послѣдняго полувѣка; вотъ вкратцѣ жизнь его. Онъ былъ въ молодости другомъ Тосканскаго Преобразователя Леопольда; и до революціи еще, оставивъ отечество, пріѣхалъ во Францію. Здѣсь обольстили его первыя идеи революціи: онъ написалъ къ Леопольду, отсылая ему Тосканскій орденъ его, что онъ душею и помышленіемъ принадлежитъ тогдашней Франціи и не можетъ ужиться въ отечествѣ. Съ тѣхъ поръ дѣйствовалъ онъ въ сферѣ, въ которой кружилась тогда Франція: Директорія посадила его въ тюрьму. Наполеонъ его не освободилъ; но во все время его владычества онъ жилъ или по тюрьмамъ, или по городамъ, подъ присмотромъ, гдѣ засталъ его и 1814 годъ. Въ заговорѣ, Бабеномъ описанномъ, его едва не повѣсили. Послѣ 1814 года онъ скитался въ бѣдности,

жилъ трудами и не принималъ помощи ни отъ богатаго сына, въ Сіенѣ живущаго, ни отъ пріятелей: теперь Voyer d'Argenson даетъ ему канурку, гдѣ онъ философомъ доживаетъ вѣкъ, одинъ, съ воспоминаніями. Дряхлая жена въ бѣдности въ Женевѣ. Онъ характеризируетъ многихъ прекрасно и разсказываетъ подробности о произшествіяхъ и лицахъ, не многимъ извѣстныхъ. Въ молодости и послѣ коротко знавалъ Наполеона; въ Корсикѣ жилъ въ домѣ его матери и, когда Наполеонъ пріѣзжалъ повидаться съ нею, то въ послѣднюю ночь, которую Подпоручикъ Буонапарте провелъ въ домѣ родительскомъ, Буонароти спалъ съ нимъ на одной постелѣ. Съ тѣхъ поръ они иногда ссорились, но никогда не мирились. Буонапарте попалъ на тронъ, Буонаротти въ тюрьму.

Я надѣялся видѣть M-lle Mars въ Mariage de Figaro и пошелъ во Французскій театръ, но обманулся; давали Marino Faliero, котораго видалъ не разъ. Я зашелъ въ театръ du palais Royal и изъ четырехъ пьесъ видѣлъ двѣ съ половиною. L'aumonier du Regiment очень забавенъ: Онъ на сценѣ сперва въ своемъ костюмѣ, но послѣ въ Егерскомъ! Поётъ, любезничаетъ и спасаетъ честь своего брата; забываясь, иногда дѣлаетъ пастырскія увѣщанія. Другая пьеса: les chansons de Desaugiers, очень забавна: всѣ его пѣсни въ лицахъ и онъ самъ на сценѣ. Во второмъ актѣ олицетворена пѣсня: Souvenez-vous-en! въ третьемъ сцена съ живописцемъ и съ его моделью. Все знакомое, но все оживлено

дѣйствіемъ. Лафонтеновскій характеръ Дезожье изображенъ въ анекдотахъ его жизни и въ пѣсняхъ его, коими онъ выкупалъ изъ тюрьмы, давалъ приданое. Скрибъ называетъ его: «Le premier chansonier peut-être de tous les tems, qui faisoit des chansons, comme Lafontaine faisoit des fables.» Въ послѣднемъ актѣ не забытъ и Beranger.

Всѣ мои письма отсылайте къ ***; я ихъ пишу болѣе для себя, чѣмъ для васъ.

18 *Февраля.* Министерство все еще не сложилось: увѣряютъ, что Монтебелло, мой пріятель, котораго и Ж. знаетъ, воспитанникъ Кузена, будетъ Министромъ Просвѣщенія. Лучше бы ему оставаться Посломъ въ Бернѣ! Вѣрнѣе.

Стезя величія къ *отставкѣ* насъ ведетъ.

Я разбираю теперь собранныя мною въ двухъ архивахъ сокровища и привожу ихъ въ порядокъ: бумаги Иностраннаго Архива по хронологическому порядку, а другія по матеріямъ. Начальство Архива, вѣроятно съ вѣдома Министра, пересмотрѣвъ всѣ мои бумаги, кромѣ тѣхъ, кои я самъ переписалъ, вынуло нѣсколько листовъ, кои почитаетъ неприличными для сообщенія въ чужія руки; но нѣкоторыя изъ сихъ бумагъ извѣстны мнѣ по содержанію; другія я самъ переписалъ въ свои тетради, и слѣдовательно потеря почти ничтожная. Существенный трудъ будетъ состоять въ перепискѣ и въ приведеніи въ порядокъ моихъ собственноручныхъ отмѣтокъ; ибо часто я отмѣчалъ наскоро, по Рус

ски и по Французски, смотря по удобности; но всегда съ педантическою точностію. Конечно много и неважнаго; но большая часть существенно принадлежитъ Исторіи, для нее необходима. Всѣ списки на большой бумагѣ, самой огромной величины, какую я найти могъ; писано довольно мелко — и конечно болѣе двухъ сотъ листовъ, а если считать все переписанное, то дойдетъ и до четырехъ сотъ. Сверхъ тóго есть и другіе акты. Окончательный трудъ будетъ въ Москвѣ, на досугѣ и, если позволятъ, съ помощію Московскаго Архива и его чиновниковъ.

Б. М. Ф. издалъ еще какой-то сборникъ: если въ немъ есть что либо изъ моего Архива, напр. « Карамзинѣ и проч.; то не худо бы прислать его к мнѣ, съ журналомъ, который такъ исправно посылаетъ почтенный и любезный С**. Обоимъ кланяюсь всѣмъ сердцемъ.

Я возвратился сейчасъ отъ братьевъ Сіямцевъ les jumeaux-Siamois, и жалѣю, что прежде не побывалъ у нихъ, когда еще статья, напечатанная въ журналѣ Дебатовъ, не выпарилась изъ головы моей. Я ожидалъ найти двухъ сросшихся уродовъ, но нашелъ двухъ хорошо и опрятно одѣтыхъ мальчиковъ, двадцати четырехъ лѣтъ, хотя по росту и лицу имъ этихъ лѣтъ и нельзя дать; куртка, пантальоны; бѣлье съ модными запанками. Черноволосые и сбиваются на Китайскія или Калмыцкія физіономіи; довольно смуглые. Они встрѣтили мен

Англійскимъ привѣтомъ и подошли ко мнѣ; я взялъ ихъ за руки; но, признаюсь, долго не могъ рѣшиться пристально смотрѣть на кожаный, живый рукавъ, который на половинѣ бока связываетъ тѣла ихъ.

Я не Физіологъ и не обязанъ дѣлать наблюденія надъ печальною игрою природы. Mr. Bolot (professeur de langues et d'éloquence pratique), служащій имъ дядькою и объяснителемъ для публики, разсказывалъ намъ свои наблюденія, увѣряя, что въ психологическомъ отношеніи это явленіе труднѣе объяснить, чѣмъ въ физіологическомъ. Они любятъ другъ друга *братски*; съ самаго младенчества привычки, пища и сонъ, все было имъ общее, они просыпаются и засыпаютъ въ одинъ моментъ; принимаютъ одну и туже пищу и въ одно время; вкусы ихъ одинаковы, какъ физическіе такъ и интеллектуальные, въ одно время развернулись ихъ способности, зажглась въ нихъ искра божества: умъ. Они оба любятъ лучше читать поэтовъ, чѣмъ прозаиковъ — Шекспира, Байрона. Выучились языкамъ: Англійскому и Французскому, съ одинаковымъ успѣхомъ. Послѣднему недавно начали учиться и уже понимаютъ много и кое-какъ говорятъ. Сверхъ того они знаютъ по Китайски и по Сіямски: языки сіи, какъ увѣрялъ меня Mr. Bolot, совершенно различны, хотя народы, ими говорящіе, и сосѣды. Они почти всегда веселы и во взаимной любви находятъ источникъ наслажденій. Странно было видѣть ихъ въ ходьбѣ, или въ разговорѣ другъ съ другомъ

садятся, встаютъ въ одинъ моментъ, какъ будто повинуясь единственному движенію невидимой воли. Къ родителямъ пишутъ всегда заодно, говоря: *я*, а не *мы*, хотя это *я* и къ обоимъ относится. Желаютъ, собравъ капиталъ достаточной, возвратиться восвояси, и спѣшатъ выѣхать изъ Парижа; ибо, странное дѣло! здѣсь они менѣе всего, судя по пропорціи многолюдства, собрали денегъ, чѣмъ въ другихъ городахъ. Не удивительно! До нихъ ли? Здѣсь и Ласенеръ и Фіэски и Камеры — и смѣна Министровъ и булевары и вѣчно полные театры! Да и кто здѣсь дѣлалъ надъ ними наблюденія? Но физіологи часто являлись. Geoffroy de St. Hilaire, Flourens—Cuvier уже нѣтъ! Но по части Психологіи? Учитель Реторики! Изъ разговора его замѣтилъ я, что онъ не имѣетъ первыхъ началъ науки о душѣ и о связи ея съ тѣломъ! Вообразите себѣ Блуменбаха или Крейсига — и предоставьте сію двойчатку Шуберту, подъ высшимъ надзоромъ друга и наставника его Шелинга. Какими результатами обогатили бы они, каждый по своей части, науку о человѣкѣ! Афишка дастъ вамъ слабое понятіе о ихъ наружности. Если удосужусь, то еще разъ побываю у нихъ, и постараюсь предупредить толпу, дабы наединѣ побесѣдовать съ ними. Вечеръ провелъ я въ трехъ Русскихъ салонахъ; поболталъ о матушкѣ Москвѣ; поспорилъ съ Издателемъ de la France, *Делилемъ*, о нравственномъ состояніи Франціи, и пролюбезничалъ за полночь съ нашими дамами: М. К. Ш. и проч. Тамъ узналъ я, что въ 8 часовъ утра на другой день совершится казнь трехъ пре-

ступниковъ; но принужденъ былъ дать слово дамамъ нейти туда — и сдержалъ его.

19 *Февраля.* Она совершилась и я тамъ не былъ. *Пепенъ* ничего не открылъ новаго о другихъ, но болѣе еще обвинилъ себя. Журналисты оппозицій возстаютъ за то, что его жену допускали менѣе и на кратчайшій срокъ къ нему, чѣмъ Нину къ Фіэски. Но пора развеселить васъ *цвѣтами Луизы* Colet (née Pervil). Я нашелъ ихъ вчера въ окнѣ книгопродавца: Fleurs du midi, Poësie par Louise Colet, и вспомнилъ, что мнѣ, кажется, когда-то о нихъ говаривалъ Шатобріянъ, коего именемъ, то есть похвалою, желала она украсить заглавіе своей книжки. Шатобріянъ отказалъ, но такъ, что и отказъ служитъ ей комплиментомъ. Два письма его напечатаны въ предисловіи. Въ нихъ, кромѣ комплиментовъ, есть что-то похожее и на глубокое чувство, и почти на мысль: Permettez moi, toute fois de Vous dire, avec ma vieille experiènce, que Vous louez beaucoup trop le malheur; la peine ignorée vous a dictée des stances pleines de charme et de melancolie; la douleur connue n'inspire pas si bien. Ne dites plus: Laissez les jours de joie à des mortels obscurs. (Tourmens du Poëte p. 10.)

« Il faut maintenant prier pour Vous même, Madame, quant à moi, je demande au ciel qu'il ne sépare jamais pour Vous le bonheur de la gloire. »

Я, кажется, вамъ писалъ о кандидатствѣ Моле въ Академіи, на ваканцію Лене. Il y avoit hier trois

concurrens, Molé, Hugo et Dupaty. Mr Molé qui saisissait déjà la présidence — n'est *pas même Academicien*; c'est Dupaty qui a obtenu la majorité. On dit que ce sont les Academiciens du tiers parti qui n'ont pas voulu de lui, en disant: «Il n'a pas voulu de nous pour collegues, nous ne pouvions pas vouloir de lui pour confrère». J'en suis d'autant plus faché pour Ballanche, car ceux qui lui ont conseillé de ne pas se mettre sur les rangs, ne l'ont fait que dans l'éspoir de faire entrer Mr Molé. Je n'ai pas pû encore me procurer son ouvrage des années 1806 et 1809. On dit qu'il y est le Platon de l'absolutisme.

19 *Февраля. Вечеръ.* Сего дня обѣдалъ я у Лежитимистовъ и съ Лежитимистками и кончилъ вечеръ у Полурусскихъ съ Русскими. Сообщу вамъ четверной каламбуръ: «Pour être aimé de son peuple il faut au Roi des Grecs quatre choses: coton, soie, fil et laine» (Qu'Othon soit philhelène).

Поутру осматривалъ бронзовый Surtout, который Посолъ нашъ заказалъ за сорокъ тысячъ франковъ dans le gout de la Renaissance, первому бронзовому мастеру въ Парижѣ. Журналы разхвалили его и богачи съѣзжаются въ магазинъ любоваться. Послѣ завтра увидитъ его и Король. Въ самомъ дѣлѣ отдѣлка прекрасная. Тутъ же и бронзово-малахитовый храмъ, сдѣланный по заказу Д—ова для одного изъ дворцовъ въ С. Петербургѣ.

Въ Генварской книжкѣ этого года London Review нѣсколько превосходныхъ статей, въ числѣ литтературныхъ: о лекціяхъ *Гизо* и о новой книгѣ *Гюго* les chants du Crepuscule. Описавъ наружность и характеръ и всю жизнь Гюго, онъ разбираетъ его какъ Поэта и, кажется, довольно безпристрастно: прекрасная характеристика Байрона и Beranger и опять о Гюго. Кончитъ предвѣщаніемъ близкой литтературной кончины Гюго. Но мнѣ недосугъ выписывать именно тѣ сужденія, съ коими хотѣлось васъ познакомить и кои такъ безпристрастно, съ Англійскимъ практическимъ взглядомъ на Поэзію и на Поэтовъ, изложены. Въ концѣ разборъ сочиненія Гюго. Какъ ни говори, а все онъ имѣлъ болѣе права занять мѣсто въ Академіи, чѣмъ Дюпати, почти забытый водевилистъ, коему Скрибъ проложилъ туда дорогу. Если бы въ Академіи шло дѣло объ однихъ талантахъ, то Лирикъ Гюго конечно можетъ быть сосѣдомъ Ламартина и пр. Но тамъ, по завѣщанію *Монтьона*, раздаютъ призы скромной добродѣтели: согласится ли юная дѣва принять вѣнецъ изъ рукъ того, о коемъ можно бы сказать: «Мать дочери *претитъ* стихи его читать!»

Скажутъ, что Академія не церковь; что тамъ не проповѣдуютъ, и что Пѣвецъ Орлеанской дѣвы былъ красой ея — но съ тѣхъ поръ Cuvier исполнялъ строгое завѣщаніе добродушнаго Монтьона, и Академія навсегда приняла на себя сію обязанность.

Скажутъ, что Гюго образцовый мужъ, образцовый отецъ семейства; но Академія, но Публика знаютъ его по нѣкоторымъ пьесамъ, по множеству стиховъ, кои не могутъ быть образцовыми въ нравственномъ отношеніи.

22 *Февраля.* Я не успѣлъ кончить дневника моего, ибо съ утра до вечера былъ три дня въ хлопотахъ. M-me. S. приняла меня въ своей уборной, которую убрала она во вкусѣ Маркизши Лудв. XV. и обѣщала отправить съ *Лебуромъ* нѣсколько книжекъ, о коихъ увѣдомлю въ концѣ письма. Отъ нея прошелъ я къ Б. которая познакомила меня съ прелестными стихами Гишпанскими и съ Адвокатомъ Ораторомъ Berryer, коего по сіе время знавалъ я только au Palais de Justice и въ Камерѣ Депутатовъ. Она учится по Гишпански и перевела мнѣ нѣсколько оригинальныхъ стиховъ, кои хотѣлось бы мнѣ запомнить. Къ ней сбирается весь высшій кругъ, по Воскресеньямъ, до обѣда; но *немногихъ* принимаетъ она въ тотъ же часъ по Субботамъ. Я радъ былъ встрѣтить Берье и поболтать съ нимъ о дѣлѣ и о музыкѣ. Онъ любитъ *жить* и любитъ жизнь въ большомъ свѣтѣ и съ Артистами; страстенъ къ Италъянской музыкѣ и въ связи съ Россини и проч. но охотникъ говорить и о дѣлахъ Государственныхъ; не смотря на Легитимизмъ, видитъ его съ высока, такъ какъ и всѣ вещи и людей, имѣющихъ вліяніе на были и небылицы вѣка сего. Отъ любезной вѣтреницы прошелъ онъ къ С. которая не надивится универсальности и его глубоко-

мыслію и таланту, съ коимъ и то и другое выражаетъ онъ въ рѣчахъ своихъ и въ разговорѣ. Возвращаясь отъ М. встрѣтилъ я (полу-отставнаго тогда, а сегодня уже совершенно отставнаго) Министра Гизо; мы пожали другъ другу руку и онъ приглашалъ меня въ свой скромный домикъ Rue Ville l'Evêque, гдѣ я видалъ его чаще, нежели въ Министерскихъ палатахъ его Сенжерменскаго предмѣстья. Вечеръ провелъ у С., и кончилъ у Ш съ Русскими дамами и съ Литтераторомъ St. Felix; но одинъ изъ примѣчательнѣйшихъ дней въ моей Парижской жизни — Воскресенье первое поста, 21 Февраля. Въ одно утро слышалъ я двѣ проповѣди: одну въ Соборѣ Notre Dame, гдѣ молодой (34 лѣтъ) Лакордеръ проповѣдывалъ, или лучше сказать импровизировалъ съ необыкновеннымъ краснорѣчіемъ, съ чувствомъ непритворнымъ и съ вѣрою истинною и внутреннею. Я пріѣхалъ туда въ одиннадцать съ половиною и нашелъ уже почти всю церковь полною; кое-какъ пробрался я поближе къ каѳедрѣ, у коей пріятель заготовилъ для меня стулъ. Въ часъ вся церковь огромная и пространная, съ хорами и переходами, наполнилась большею частію молодежью; на хорахъ были и дамы. Парижскій Архіерей съ причетомъ и четверо другихъ Епископовъ прибыли къ проповѣди. Лакордеръ, хотя слабый грудью и разстроенный потерею недавно матери, говорилъ часъ съ искреннимъ, сильнымъ убѣжденіемъ. Я еще ничего подобнаго во Французскихъ церквахъ не слыхалъ. Въ Берлинѣ слыхалъ я часто Шлейермахера, въ Англіи и въ Шотландіи другихъ зна-

менитыхъ проповѣдниковъ; но Католическаго, сильнаго Оратора слышу я въ первый разъ, и какого же? Не подражателя другимъ образцовымъ Французскимъ ораторамъ; а самобытнаго, оригинальнаго. Въ Лакордерѣ есть много Боссюэтовскаго, но это Боссюэтъ, прочитавшій Ламене и знающій умственныя буйства нашего вѣка, Раціонализмъ и Мистицизмъ Германіи, Сен-Симонистовъ и проч. Иногда онъ удивляетъ глубокомысліемъ, какъ Паскаль, и смѣлыми, оригинальными оборотами и выраженіями, кои въ другомъ показались бы площадными. Онъ приводилъ слушателей въ какой-то энтузіазмъ и точно поражалъ ихъ словомъ своимъ. Съ какимъ глубокимъ знаніемъ натуры и характера нѣкоторыхъ системъ философскихъ обозрѣлъ онъ ихъ хотя бѣгло, но достаточно для убѣжденія слушателей. Онъ характеризировалъ Раціоаналистовъ и Мистиковъ. Первыхъ находитъ уже въ вѣкѣ Августа, а потомъ за три столѣтія до насъ. Послѣднихъ доводитъ онъ до самаго пункта, гдѣ они прикосновенны, такъ сказать, самой Церкви, и здѣсь остановился онъ въ сей блистательной и вѣрной характеристикѣ до слѣдующаго Воскресенья. Были движенія истинно Ораторскія, но какъ ихъ упомнить? Я записалъ нѣкоторые *обрывки*, кои напоминаютъ мнѣ только мысль его; но порывы краснорѣчія неосязаемы и должны быть представлены въ связи съ главною мыслію. Въ заключеніи прекрасно сказалъ онъ, кажется, о Словѣ Божіемъ, въ коемъ красоты неистощимы: «Il n'y a rien de nouveau sous le Soleil, mais le Soleil est tous les jours nouveau». Мнѣ хотѣлось

передатъ вамъ хотя нѣсколько красотъ его ораторства, но невозможно. Боюсь также испортить, какъ записки Шатобріяна. Изъ Собора, проникнутый и разтроганный Лакордеромъ, прошелъ я въ другую церковь въ Сенжерменскомъ предмѣстьѣ, St. Thomas d'Aquin; самая модная аристократическая. Тамъ проповѣдуетъ Revellion, Iезуитъ, поступившій въ орденъ изъ Генералъ-Адвокатовъ и даже жившій на испытаніи и въ уединеніи болѣе 10 лѣтъ. Онъ пользуется большимъ кредитомъ у Легитимистовъ, и церковь также была полна, какъ Notre Dame, но преимущественно Аристократками и Легитимистами. И здѣсь едва нашелъ мѣсто близъ каѳедры. Iезуитъ декламировалъ sur les malheurs du tems, sur la société ebranlée dans ses bases et sur des lieux communs dans ce genre; parcequ'il n'y avoit que peu d'élus, и эти избранные едва ли не въ Сенжерменскомъ предмѣстьѣ. Онъ сравнивалъ этотъ остатокъ *немногихъ вѣрныхъ* съ плодами, оставшимися на деревѣ, которое уже отрясено бурею и садовниками. Но эти плоды, кои, не смотря на потрясеніе дерева, не упали съ него, не дозрѣли и обыкновенно кислы: «Ce sont des fruits peu mûrs et aigres», прошепталъ я вслухъ. Сосѣдка моя поморщилась. Выслушавъ проповѣдь, я сказалъ: «c'est un sermon pour le faubourg.» Сосѣдка моя отворотилась отъ меня, а я поспѣшилъ на обѣдъ къ Лукуллу Т—ну; mais l'impression produite sur mon âme étoit encore toute vivante; j'ai bien senti et je l'ai su après que tous les sermons de Lacordaire sont improvisés; il n'en fait préalablement que la charpente et puis il parle d'inspiration, sans

s'embarasser du public qui l'écoute, ne poursuivant que la pensée, et produisant des émotions qu'il éprouve lui même; il présente le Christianisme comme la face la plus lumineuse, que la verité ait revêtue, après avoir tracé en grands traits les ombres du Paganisme, dans toutes ses révolutions. Lacordaire prechera encore sept fois, jusqu'après Paques, et puis une fois dans la chapelle de l'institut Chateaubriand. Puis il compte partir pour Rome et y rester, deux, trois et peut être même cinq ans, pour se remettre et y étudier. Il n'aura pas de grands maitres pour l'éloquence chretienne, mais il sera à la source de grandes inspirations, et apprendra à connaitre l'église de Rome sous d'autres points de vue. La dernière fois il y a été avec Lamenais.

Ms. Trolopp parle aussi d'un sermon de Lacordaire, mais elle dit encore moins de celui qu'elle a entendu: elle se borne à décrire le temple et la foule et ne cite que son propre bavardage.

Послѣ такихъ духовныхъ предметовъ какъ описывать обѣдъ Т—на и трюфли и Стразбургскую говядину? Вечеръ у С. съ милой Л. и съ отцемъ ея; der Alte ueberall und Nirgends! Онъ былъ всѣмъ и при всѣхъ и во всѣ эпохи Французской Исторіи послѣ революціи. Помнитъ все, знаетъ всѣхъ — и охотно разсказываетъ что видѣлъ, слышалъ за годами.

Вы уже знаете о новомъ Министерствѣ: малень-

іе журналы, распредѣляя по мѣстамъ старыхъ, раз-
адили кого въ Банкъ, кого въ иное мѣсто, Mr. Per-
l au jardin des plantes.

Вчера слышалъ я еще одного превосходнаго проповѣдника въ церкви Успенія Богородицы, также модной и аристократической: это Аббатъ *Кёръ* (Coeur) 29 лѣтъ. Онъ говоритъ съ непріятнымъ напѣвомъ, но съ такою возвышенностію въ мысляхъ, съ такою силою и опредѣлительностію выраженій, что многіе—но не я—ставятъ его выше Лакордера. Il est toujours à la même hauteur. Откуда взялись всѣ эти таланты? Съ тѣхъ поръ, какъ Правительство не покровительствуетъ имъ — каѳедры наполнены прекрасными духовными витіями и церкви слушателями. Кёръ проповѣдуетъ три дня въ недѣлю и въ концѣ поста изъ проповѣдей его составится нѣчто цѣлое, полное. Къ сожалѣнію въ Воскресенье онъ говоритъ въ одно время съ Лакордеромъ. Любители духовнаго ораторства дѣлятся здѣсь на Лакордеристовъ, Равиньонистовъ, Кёристовъ и пр. У перваго больше малодежи и публика несравненно многочисленнѣе. Ms. Trolopp обманываетъ, говоря, что онъ жестикулируетъ: нельзя быть проще и непринужденнѣе. Отъ проповѣди прошелъ я къ Рекамье, гдѣ встрѣтилъ въ первый разъ жену Шатобріяна, худощавую, умную старушку: супругъ обращается съ ней съ большою и искреннею почтительностію. Тутъ былъ и М. П . . . . Секретарь здѣшняго Государственнаго Совѣта, который наканунѣ представлялся своему начальнику, новому Ми-

нистру Юстиціи, Sauzet, сказавъ ему: que c'étai au 27 garde des Sceaux qu'il faisait son compliment а Н.... не старикъ.

Ввечеру слышалъ я Норму въ Италіянскомъ театрѣ. M-lle Grizi и Лаблашъ превосходно пѣли но Рубини плохъ въ этой оперѣ. Гризи играла прекрасно; жаль только, что соперница ея въ любви худо вторила, и отъ того Норма во Флоренціи удалась лучше. Я восхищался и по воспоминанію. Къ последнему Duo послѣдняго акта явилась въ ложѣ Герцогиня Бровліо и красавица-Президентша Тьеръ, съ матерью. Взглянувъ на нее и вспомнивъ фортуну Тьера, какъ-то страшно за его будущее. Чего пожелать еще счастливцу міра сего! Но знаете ли, чего онъ самъ себѣ желаетъ? Военнаго Министерства! Онъ и спитъ и видитъ быть другимъ Louvois или Carnot, безпрестанно обдумываетъ планы войны; посылаетъ проекты военныхъ дѣйствій въ Гишпанію и ползаетъ по картѣ, какъ передъ нимъ искатели фортуны. Исторія Французской Революціи дала ему вкусъ къ этому занятію, и Министерство Иностранныхъ Дѣлъ показалось ему ближайшимъ путеводителемъ къ военному. Такъ увѣряли меня ближніе его люди.

Послѣзавтра Президентъ Камеры Депутатовъ дастъ балъ и въ іерархическомъ порядкѣ приглашеній поставилъ Камеру свою выше всего; за нею Камеру Перовъ, потомъ Принцевъ, Дипломатическій Корпусъ и пр. На пригласительной картѣ Наслѣд-

наго Принца Орлеанскаго выставленъ № 840, ибо онъ по алфавитному порядку Членовъ Камеры Перовъ послѣ Депутатовъ — и въ буквѣ *O* (Орлеанскій) 840-й изъ приглашенныхъ на балъ. Пріятели Гизо поговариваютъ уже, что онъ будетъ первымъ преемникомъ Тьера; между тѣмъ онъ переѣхалъ уже въ свой скромный домикъ и будетъ тамъ жить доходомъ своимъ изъ двѣнадцати тысячь франковъ и Профессорскимъ жалованьемъ, изъ коего часть удѣляетъ заступающему его мѣсто Le Normant. Можетъ быть, онъ снова возметъ и каѳедру, но друзья его того не желаютъ.

Сегодня слышалъ я, что Ламене также переводитъ *Мильтона.* Пріятели Шатобріяна опасаются этого соперничества; слѣдовательно, будетъ два перевода въ прозѣ и одинъ въ стихахъ—Делиля. Сказываютъ, что скоро выйдетъ переводъ Шатобріяна, но къ курьерскому отправленію уже не поспѣетъ. Я много слышалъ о Шатобріянѣ сегодня отъ людей, коротко его знавшихъ здѣсь и въ Италіи. Арто (Artaud), бывшій Секретаремъ Посольства въ Римѣ при немъ и при другихъ, много разсказываетъ о первыхъ впечатлѣніяхъ, кои Римъ произвелъ на Шатобріяна. Когда онъ увидѣлъ храмъ Св. Петра, то его бросило будто бы въ жаръ; онъ на площади попросилъ пить: ему подали яблоко, и онъ съ жадностію съѣлъ его.

Une dame, tout en causant, nous a donné ce soir une charmante définition du mysticisme: c'est le christianisme en état de vapeur.

Еще маленькой комеражъ: Философъ Кузенъ, который придерживается предержащихъ властей, восхищаясь сегодня, въ присутствіи своего наставника неизмѣняемаго Royer - Collard, Тьеромъ и политическимъ направленіемъ, которое онъ даетъ Франціи, воскликнулъ: «c'est l'Empire!» — Moins l'Empereur — отвѣчалъ R. Collard.

Два часа пополудни. Je viens d'entendre encore une fois l'Abbé Coeur. Il a parlé aujourd'hui sur le caractère et l'influence du Sacerdoce chrétien et a passé en revue les grands luminaires de l'Orient et de l'Occident — jusqu'à Bossuet, dont il a fait un portrait magnifique. C'est vraiment une jouissance morale et intellectuelle que ces sermons! Je ne me suis pas endormi un instant. Les dames quêteuses étaient charmantes!

Пять часовъ пополудни. Знаете ли, кого я видѣлъ сей часъ? кривую Нину (Ласавъ), любовницу и предательницу Фіэски. Вообразите себѣ, что въ новомъ Café de la Renaissance, близъ биржи, богатоубранномъ, взяли, comme demoiselle de comptoir, Нину, посадили ее за бюро, вмѣстѣ съ другой хозяйкой — и говорятъ, что она получаетъ за эту *выставку* самой себя 1,000 фр. въ мѣсяцъ! — За входъ въ Café платятъ по 1 фр. съ особы, — » sans compter la consommation » кричатъ негодующіе habitués du Café. Вчера была у входа такая толпа, что принуждены были приставить трехъ караульныхъ. Увѣряютъ, что многіе, особливо Англичане, говорили колкости

Нинѣ, осматривая пристально черты ея и кривой глазъ, и будто бы ей сдѣлалось дурно, такъ, что ее должно было на полчаса вывести изъ конторки ея. Сегодня только одинъ караульный у входа. Безъ билета не впускаютъ; любопытные толпились и я съ ними. Мнѣ какъ-то совѣстно было смотрѣть ей прямо въ глаза, или въ глазъ, ибо одинъ почти совсѣмъ закрытъ. Она красива и румянецъ во всю щеку, но, кажется, не стыдливости. Одѣта нарядно, въ шелковомъ кофейномъ платьѣ. Она смотритъ на всѣхъ довольно скромно, не нахально. Я прошелъ разъ пять мимо ея; какъ-то стало жалко за нее, что такое безстыдство въ красивой и румяной молодости! Но что сказать о тѣхъ, кои основываютъ свои расчеты на этомъ безстыдствѣ и проводятъ, въ такомъ тѣсномъ сосѣдствѣ, весь день съ дѣвкой, которая за пять дней предъ симъ разставалась съ отсѣченною головою! Все это матеріялы для будущаго Тацита-Христіанина.

Полночь. Въ первый разъ по отставкѣ Министровъ, провелъ я вечеръ у Брогліо, въ его собственномъ домѣ, который напомнилъ мнѣ 1830 годъ. Я нашелъ тамъ сначала не многихъ, но встрѣтилъ Вильменя. Хозяйка спросила его, читалъ ли онъ *Жоселеня*, который теперь во всѣхъ салонахъ. Онъ началъ хвалить эпизодъ объ Оссіанѣ (стр. 75 и слѣд. въ 1-й части) и стихи (47 и слѣд. стр.). Брогліо отыскала ихъ, прочла и при стихѣ: «A quoi renonce-t-on quand on se jette a Dieu?» сказала: Pourquoi ne pas dire simplement, quand on se donne á

Dieu? Вильменъ находитъ, что Ламартинъ позволяетъ себѣ странныя выраженія, образы и проч., что онъ менѣе придерживается классицизма, что его избаловали и пр. Брогліо также отдаетъ преимущество *Медитаціямъ* и *Гармоніямъ* его передъ новыми отрывками Поэмы. Смѣялись надъ какими-то стихами, гдѣ Ламартинъ дѣлаетъ сравненіе съ вывѣшеннымъ бѣльемъ и пр. Я не отыскалъ ихъ. Не льзя передать бѣглаго и остроумно-легкаго разговора. Начали съѣзжаться дамы, Депутаты; вотъ и Принцесса Ваграмская, кузина Короля Баварскаго—до стиховъ ли? Я поблагодарилъ хозяина за его одолженіе и уѣхалъ пить чай къ Кн. М. Здѣсь познакомился съ Юристомъ-Адвокатомъ *Генекеномъ* и возвратился домой дочитывать брошюру Лев. Веймара, къ вамъ посылаемую.

Вы вѣроятно прочли статью въ *Дебатахъ* о Поэмѣ Ламартина. Aimé Martin превозноситъ ее съ безстыдной экзажераціей, называя эти отрывки: «le plus beau livre qui soit sorti de la main des hommes, un livre comme Platon l'aurait fait si Platon fut venu après l'Evangile.» Руссо (или кто, * не помню) могъ сказать это о *подражаніи Христу;* но гдѣ же Платонъ и Ѳома Кемпейскій, всегда равный своему предмету, въ томъ сборникѣ прекрасныхъ чувствъ и мыслей, неровнымъ и часто падающимъ перомъ писанныхъ? Вотъ тайна энтузіазма Эме-Мартена. Онъ хлопоталъ, чтобы Академія назначила ему призъ за его анти-христіанскую книгу о воспитаніи и уха-

* Fontenelle. *Изд.*

живалъ за Ламартиномъ, который, имѣвъ слабость дать въ пользу его голосъ, увлечетъ, можетъ быть, и другихъ. Рецензію книги—написала благодарность.

Простите! пора укладывать пакеты. 36-я страница всякой всячины! Все въ Москву, когда сами прочтете или недочтете.

НОВЫЯ КНИГИ *.

Историческіе афоризмы Михайла Погодина. Москва. Универс. Тип. 1836 (8) VIII и 128 стр.

Г. Погодинъ во многихъ отношеніяхъ есть лице примѣчательное въ нашей Литтературѣ. Онъ уединенно стоитъ среди писателей нашихъ, не привлекая благорасположенія большинства. Но изъ всѣхъ, посвятившихъ себя исторіи, онъ болѣе всего останавливаетъ на себѣ вниманіе. Онъ первый у насъ сказалъ, что «Исторія должна изъ всего рода человѣческаго сотворить одну единицу, одного человѣка, и представить біографію этого человѣка, во всѣхъ степеняхъ его возраста; что многочисленные народы, жившіе и дѣйствовавшіе въ продолженіи тысящелѣтій, доставятъ въ такую біографію, можетъ быть, по одной чертѣ. Черту сію узнаютъ великіе историки.» Онъ первый говорилъ о великихъ писателяхъ, указавшихъ въ твореніяхъ своихъ на истинное значеніе исторіи. Онъ переводилъ изъ нихъ отрывки для своего

* Книги, означенныя звѣздочками, будутъ въ послѣдствіи разобраны

журнала; наконецъ онъ многихъ изъ нихъ перевелъ вполнѣ, почти не заботясь о томъ, что важность ихъ еще мало у насъ чувствовали. Вотъ реэстръ изданныхъ имъ сочиненій:

Изслѣдованіе о Кириллѣ и Меѳодіи, Іосифа Добровскаго.

О жилищахъ древнихъ Руссовъ, собственное сочиненіе.

Критическія изслѣдованія Эверса.

Начертаніе древней Географіи, собств. соч.

Лекціи по Герену.

Начертаніе всеобщей Исторіи, Бетигера.

Введеніе въ Исторію для дѣтей, А. Шлёцера.

Русская Исторія для училищъ.

Карты Европы, Риттера.

Гецъ Фонъ Берлихингенъ, соч. Гёте.

Марѳа Посадница, драма.

Димитрій Самозванецъ, Исторія въ лицахъ.

Славянская Грамматика, Добровскаго, переведенная вмѣстѣ съ г. Шевыревымъ.

Кромѣ того издавалъ онъ:

Московскій Вѣстникъ за 1827, 1828, 1829 и 1830 годъ.

Уранію, Альманахъ на 1826.

Въ его историческихъ критикахъ видно много ума, обдуманная умѣренность, иногда юношескій порывъ вслѣдъ за собственною мыслію.

Изданная нынѣ книжка заключаетъ отдѣльныя мысли и замѣчанія, записанныя имъ въ разное время. Эти мысли помѣщены безъ всякаго порядка; выражены не всегда ясно. Но въ нихъ ощутительно стремленіе къ общимъ идеямъ. Границы, имъ начертанныя для исторіи, обширны. Онъ заключаетъ ее не въ однихъ явленіяхъ политическихъ; онъ видитъ ее въ торговлѣ, въ литтературѣ, въ религіи, въ художественномъ развитіи, во всѣхъ многообразныхъ явленіяхъ, въ какихъ оказывается человѣчество. Вотъ его мысли объ исторіи вообще:

«Каждый человѣкъ дѣйствуетъ для себя, по своему плану, а выходитъ общее дѣйствіе, исполняется другой высшій планъ, и изъ суровыхъ, тонкихъ, гнилыхъ нитей біографическихъ сплетается каменная ткань исторіи.»

«Исторія для насъ есть поэма на иностранномъ языкѣ, котораго мы не понимаемъ, и только примѣчаемъ значеніе нѣкоторыхъ словъ, много - много эпизодовъ. А сколько мѣстъ искаженныхъ въ нашей рукописи отъ невѣжества, ограниченности переписчиковъ! Исторію надо возстановлять, (restaurare), какъ статую, найденную въ развалинахъ Аѳинъ, какъ текстъ Виргиліевъ въ монастырскомъ спискѣ.»

«Представьте себѣ (я требую возможнаго только въ воображеніи), что человѣкъ, не имѣющій понятія о музыкѣ, но одаренный отъ природы всѣми способностями, чтобъ чувствовать и понимать ее, получаетъ партитуру какой нибудь огромной ораторіи и всѣ музыкальные инструменты, на коихъ она можетъ быть разыграна, съ голымъ извѣстіемъ, что условными знаками, имъ видимыми (нотами), означаются разные звуки, производимые на данныхъ инструментахъ. Онъ хочетъ по симъ двумъ даннымъ представить себѣ исполненіе (exécution) сего великаго музыкальнаго произведенія. Ему должно вопервыхъ испытать всѣ инструменты и узнать всѣ ихъ возможные звуки, перемѣтить ихъ и привести въ порядокъ свои новыя ноты, отыскать посредствомъ соображеній, опытовъ, отношеніе своихъ нотъ къ даннымъ (какъ бы посредствомъ фальшиваго ариѳметическаго правила), узнать такимъ образомъ, какой звукъ и на какомъ инструментѣ тою или другою данною нотою изображается, разыграть партитуры по частямъ и проч. и проч. Сколько усилій ума потребно, чтобы попасть на сіи средства, сколько потребно труда, чтобы воспользоваться сими средствами! Цѣлыя поколѣнія прейдутъ, пока наконецъ внуку внуковъ удастся достигнуть отдаленной цѣли прародителя и насладиться божественною гармоніею.»

«Труднѣйшая задача задается историку: онъ самъ долженъ ловить всѣ звуки (лѣтописи, Несторы,

Григоріи Турскіе), отличить фальшивые отъ вѣрныхъ (историческая критика, Шлёцеры, Круги), незначительные отъ важныхъ, сложить въ одну кучу (Исторія, собранія дѣяній, Роллени), разобрать сіи кучи по родамъ Исторіи, (частныя Исторіи Религіи, торговли, Герены), провидѣть, что въ сей кучѣ и кучахъ должна быть система, какой нибудь порядокъ, гармонія, (Шлёцеры, Гердеры, Шиллеры), доказать это положительно a priori (Шеллинги), дѣлать опыты, какъ найти сію систему (Асты, Штуцманы), наконецъ найти ее и прочесть Исторію такъ, какъ глухой Бетховенъ читалъ партитуры.»

Въ Имперіи Византійской г. Погодинъ видитъ продолженіе Исторіи древней Греціи. Геній Платона, Аристотеля воскресаетъ въ Іоаннѣ Златоустѣ и Григоріи Назіанзинѣ.

Францію онъ полагаетъ родникомъ всего общественнаго, гражданскаго и политическаго, землей, гдѣ совершается вѣчный опытъ. Подведенныя въ подтвержденіе событія доказываютъ большую наблюдательность. У Франковъ, говоритъ онъ, прежде всего была принята христіанская католическая религія и раньше сдѣлалась государственною; у Франковъ прежде началась и развилась феодальная система; коронованный Франкъ Карлъ Великій первый возвысилъ Папу; отозвавши Папу въ Авиніонъ, Франція была отчасти виною его паденія; во Франціи были первые попытки противу Папской власти (Альбійцы);

рыцарство развилось блистательнѣе во Франціи; крестовой походъ былъ подвинутъ Французомъ, Аміенскимъ пустынникомъ; разрушенный феодализмъ прежде всего организовался въ самодержавіе во Франціи; постоянныя войска начались во Франціи; постоянные налоги и Королевскій судъ во Франціи; идея о равновѣсіи истекла изъ войнъ Италіянскихъ, порожденныхъ Франціей; учрежденіе посольствъ, политическіе журналы, кофейные дома, энциклопедія, языкъ, мода, карты — все родилось во Франціи. Общественное мнѣніе нигдѣ такъ не сильно, какъ во Франціи; Франція остановила революціи своимъ ужаснымъ примѣромъ; виною нынѣшняго тѣснаго соединенія Европейскихъ державъ между собою есть Франція и ея Наполеонъ.

Многіе афоризмы суть только сближенія сходныхъ и противоположныхъ произшествій, совершившихся въ разныхъ углахъ міра, или на одной и той же землѣ; сближеніе отдаленной, почти сокровенной причины съ ея колоссальными слѣдствіями, отозвавшимися чрезъ нѣсколько вѣковъ, всегда разительно. Другіе афоризмы суть только вопросы на вопросы. Вездѣ видишь человѣка, обладаемаго величіемъ своего предмета. Это благоговѣйное изумленіе дышитъ на каждой страницѣ. Иногда, пораженный безконечностью науки, онъ какъ будто чувствуетъ безсиліе духа и восклицаетъ: «какъ мудрено распознать, отъ чего что происходитъ, что къ чему клонится! Какъ

переплетаются причины и слѣдствія! Повторяю вопросъ: можно ли представить Исторію? Гдѣ формы для нее? Исторію вполнѣ можно только чувствовать. »

Читатель обыкновенный небрежно и разсѣянно взглянетъ на эту книгу и, отыскавъ двѣ-три незначительныя мысли, дурно выраженныя, можетъ быть, посмѣется надъ нею съ дѣтскимъ легкомысліемъ; но читатель, въ душѣ котораго горитъ пламень любви къ наукѣ, а мысль постигаетъ глубокое значеніе ея, прочтетъ эти страницы съ соучастіемъ, проникнется благодарностію за оживленныя въ душѣ его размышленія, и скажетъ: этотъ человѣкъ видѣлъ и чувствовалъ въ Исторіи то, что не всякому дано видѣть и чувствовать.

Исторія среднихъ вѣковъ, составленная Берлинскимъ Профессоромъ Циммерманомъ. СП.-бургъ. 1836.

Непонятно, отъ чего у насъ Переводчики изъ множества оригинальныхъ сочиненій выбираютъ именно худшее. У насъ не переведены до сихъ поръ Гизо, Тіери, Гюльманъ и проч.

Лѣтописи Русской славы со временъ воцаренія на Русскомъ престолѣ Благословеннаго Дома Романовыхъ. СП.-бургъ. 1836, въ тип. Хр. Гинце, въ 16, 87 стр. съ портретами.

Дѣтскій Карамзинъ, или Русская Исторія въ картинахъ, издаваемая Андреемъ Прево, Коммисіо-

неромъ Общества Поощренія художествъ, выходитъ тетрадями. С. П.-бургъ, въ тип. Гинце, 1836, въ 8 д. л.

*Русскіе классики. Часть I. *Кантемиръ.* 1836. С. П. Б. въ тип. Гинце. Выходитъ небольшими тетрадями.

Вастола, или Желанія, Повѣсть въ стихахъ, сочиненіе Виланда, издалъ А. Пушкинъ. СП.-бургъ, въ тип. Д. Внѣш. Торг., 1836, въ 8. стр. 96.

Въ одномъ изъ нашихъ Журналовъ дано было почувствовать, что издатель Вастолы хотѣлъ присвоить себѣ чужое произведеніе, выставя свое имя на книгѣ, имъ изданной. Обвиненіе несправедливое: печатать чужія произведенія, съ согласія или по просьбѣ автора, до сихъ поръ никому не воспрещалось. Это называется *издавать*; слово ясно; по крайней мѣрѣ до сихъ поръ другаго не придумано.

Въ томъ же журналѣ сказано было, что «Вастола переведена какимъ-то бѣднымъ литтераторомъ, что А. С. П. только далъ ему на прокатъ свое имя, и что лучше бы сдѣлалъ, давъ ему изъ своего кармана тысячу рублей.»

Переводчикъ Виландовой поэмы, гражданинъ и литтераторъ заслуженный, почтенный отецъ семейства, не могъ ожидать нападенія столь жестокаго. Онъ человѣкъ небогатый, но честный и

благородный. Онъ могъ поручить другому пріятный трудъ издать свою поэму, но конечно бы не принялъ милостыни, отъ кого-бы то ни было.

Послѣ таковаго объясненія; не можемъ рѣшиться здѣсь наименовать настоящаго переводчика. Жалѣемъ, что искреннее желаніе ему услужить, могло подать поводъ къ намекамъ, столь оскорбительнымъ.

Исторія Поэзіи. Чтенія Адъюнкта Московскаго Университета, Степана Шевырева. Томъ первый, содержащій въ себѣ Исторію поэзіи Индѣйцевъ и Евреевъ, съ приложеніемъ двухъ вступительныхъ чтеній о характерѣ образованія и поэзіи главныхъ народовъ новой Западной Европы. Москва, въ тип. Семена, 1835 въ 8. стр. 111 — 333.

Плаваніе по Бѣлому морю въ Соловецкій монастырь, сочиненіе Я. Озерецковскаго. СП.-бургъ, 1836, въ тип. Н. Греча, въ 12 д. л., 54 стр.

Нѣсколько занимательныхъ замѣчаній о сѣверной природѣ. Желательно было бы слышать болѣе о семъ угрюмомъ и знаменитомъ въ нашихъ лѣтописяхъ монастырѣ, гдѣ древле томились въ заточеніи наши опальные Патріархи и Святители.

Походныя записки Артиллериста, съ 1812 по 1816 годъ, Артиллеріи Полковника И. Р. . Москва, 1835 — 1836 г. въ 8 д. Четыре части. Стр. 296 — 348 — 354 — 375.

Когда возвратились наши войска изъ славнаго путешествія въ Парижъ, каждый офицеръ принесъ запасъ воспоминаній. Ихъ разсказы всѣ безъ исключенія были занимательны; все наблюдаемо было свѣжими и любопытными чувствами новичка; даже постой Русскаго офицера на Нѣмецкой квартирѣ составлялъ уже романъ. Донынѣ, если бывшій въ Парижѣ офицеръ, уже ветеранъ, уже во фракѣ, уже съ просѣдью на головѣ, станетъ разсказывать о прошедшихъ походахъ, то около него собирается любопытный кружокъ. Но ни одинъ изъ нашихъ офицеровъ до сихъ поръ не вздумалъ записать свои разсказы въ той истинѣ и простотѣ, въ какой они изливаются изустно. То, что случалося съ ними, какъ съ людьми частными, почитаютъ они слишкомъ неважнымъ, и очень ошибаются. Ихъ простые разсказы иногда вносятъ такую черту въ Исторію, какой нигдѣ не дороешься. Возмите на примѣръ эту книгу: она не отличается блестящимъ слогомъ и замашками опытнаго писателя; но все въ ней живо и вездѣ слышенъ очевидецъ. Ее прочтутъ и тѣ, которые читаютъ только для развлеченія, и тѣ, которые изъ книгъ извлекаютъ новое богатство для ума.

Онъ и Она. Романъ. Москва, въ тип. Селивановскаго. 1836, въ 12, 4 части, 169—170, 182, 183 стр.

Политическія рѣчи Исократа, Аѳинскаго оратора и философа, о должностяхъ, какъ всяка-

го человѣка, въ отношеніи его приказнаго и граждан-го состоянія, такъ равно и особъ царственныхъ, касательно благоденственнаго управленія Государствомъ, и что монархическій образъ правленія есть превосходнѣйшій изъ всѣхъ другихъ политическихъ формъ и къ благосостоянію рода человѣческаго есть удобной. Переведены съ Эллиногреческаго языка, съ прибавленіемъ примѣчаній, Коллежскимъ Асессоромъ Иваномъ Дмитревскимъ; вновь же переведены, уяснены и примѣчаніями пополнены сыномъ его Михаиломъ Дмитревскимъ. Москва, въ тип. Смирнова. 1836, 100 стр.

Исторія военныхъ дѣйствій въ Азіатской Турціи въ 1828 и 1829 годахъ. СПб. въ тип. Праца, 1836, въ 8, Часть I. XXIII и 403 стр.

Исторія крестовыхъ походовъ. Часть четвертая, содержащая въ себѣ оба похода Св. Людовика, и общіе взгляды на послѣдствія крестовыхъ походовъ. Сочиненіе г. Мишо, члена Академіи Французской. Перевелъ съ Французскаго Иванъ Бутовскій. СПб. въ Военн. тип. 1836, въ 8, стр. 742.

Phaedri Fabulae. Басни Федра съ присовокупленіемъ Русскихъ примѣчаній на труднѣйшія мѣста и подражаній Лафонтена, Крылова и Дмитріева. Изданіе учебное, очищенное, И. Эйнерлинга, издателя Латинскихъ Классиковъ. СПб. 1836, въ тип. Х. Гинце, въ 12, стр. 187.

Латинская Грамматика, приспособленная къ Русскому языку. Н. Снѣгирева. Изданіе третіе съ дополненіями. Москва, въ Универс. тип. 1836, въ 8, 222 стр.

Начальныя правила Греческой Грамматики, по руководству Шнейдера, изданныя Шадомъ. Изданіе второе, СПб. 1836, въ 8.

Разборъ статьи, помѣщенной въ Сынѣ Отечества на 1835 годъ въ NN° 37, 38 и 39, о мнѣніяхъ касательно Руси. Сочиненіе С. Руссова. СПб. въ тип. Россійск. Академіи. 1836, въ 8, 96 стр.

Недовольные, Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, сочиненіе М. Н. Загоскина. Москва, въ тип. Степанова, 1836, въ 8, 147 стр.

Оперы и Водевили. Переводъ Дмитрія Ленскаго. Москва, въ тип. Степанова 1815—1836, въ 8, три части.

Мужъ всѣхъ женъ. Водевиль въ одномъ дѣйствіи. Ѳ. Кони. Переводъ съ Французскаго. СПб. въ тип. Греча. 1836, въ 8, 76 стр.

Собраніе Рифмъ по Алфавиту. Москва, въ тип. Селивановскаго. Часть 2. 1836, въ 12, IV и 202, Первая часть издана въ 1834 году.

Руководство къ Педагогикѣ, или наукѣ воспитанія, составленное по Нимейеру Александромъ

Ободовскимъ, Инспекторомъ классовъ С. П. бургскаго Воспитательнаго Дома. СПб. въ тип. Вингебера, 1836, въ 8, 352 стр.

Руководство къ сокращенному познанію всѣхъ наукъ, искусствъ и художествъ, для употребленія юношества, расположенное на вопросы и отвѣты. Переводъ съ Французскаго. Москва, въ тип. Степанова. 1836, въ 12, IV и 319 стр.

Опытной помѣщикъ, или вѣрнѣйшій руководитель господъ владѣльцевъ къ увеличенію доходовъ съ недвижимыхъ имѣній въ три и четыре раза болѣе обыкновенныхъ, нынѣ получаемыхъ, и тѣмъ самимъ къ предохраненію заложенныхъ имѣній отъ публичной продажи. Сочиненіе Александра Путяты. СПб. въ тип. Греча. 1836, въ 8, XIII и 297 стр.

Алгебра. Сочиненіе Бурдона, принятое въ руководство для преподаванія въ Институтѣ Корпуса Путей Сообщенія. Переводъ съ Французскаго шестаго изданія. Изданіе второе. СПб. въ тип. Импер. Академіи Наукъ. 1836.

Письма Леди Рондо, супруги Англійскаго Министра при Россійскомъ дворѣ въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны. Перевелъ съ Англійскаго М. К. СП.-бургъ, въ тип. III Отдѣленія собственной Е. И. В. Канцеляріи, 1836, въ 8, стр. 128.

Книжка замѣчательная. Леди Рондо пишетъ къ пріятельницѣ своей о себѣ, о своихъ чувствахъ, о томъ, что занимательно для нея одной, но мимоходомъ задѣваетъ и исторію. Нѣсколько бѣглыхъ словъ о Петрѣ II, объ Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, о Биронѣ, прибавляютъ новыя черты къ ихъ портретамъ.

Путешествіе вокругъ свѣта, составленное изъ путешествій и открытій Магеллана, Гасмана, Дампьера, Ансона, Байрона, Валлиса, Картере, Бугеньвиля, Кука, Лаперуза, Блейга, Ванкувера, Дантркасто Вильсона, Бодена, Флиндерса, Крузенштерна, Головнина, Партера, Коцебу, Фрейвине, Беллинсгаузена, Галля, Деперре, Польдинга, Бичи, Дюмонъ Дюрвиля, Литке, Диллона, Лапласа, Мореля и пр., издано подъ руководствомъ Дюмонъ Дюрвиля, Капитана Французскаго Королевскаго флота, съ картами и многочисленнымъ собраніемъ изображеній, гравированныхъ на мѣди, съ рисунковъ извѣстнаго г. Сенсона, рисовальщика, совершившаго путешествіе съ Дюмонъ Дюрвилемъ. Изданіе А. Плюшара. Часть первая, С. П.бургъ. 1836, въ тип. А. Плюшара, въ 4.

Есть книги, пишущіяся для того общества, которое нужно какъ дѣтей заохочивать и принуждать къ чтенію. Въ этомъ случаѣ безкорыстнѣе дѣйствовали Англичане, которые, при всей народной гордости, отличаются своею филантропіей, составляютъ Общества для распространенія нравственности, воздержанія и проч., издаютъ и

распускаютъ по свѣту безденежно, или по чрезвычайно низкой цѣнѣ, множество полезныхъ книгъ для народа. Что изобрѣтетъ Англичанинъ, то углубитъ, разширитъ и разнесетъ по всему свѣту Французъ. Едва появилось во Франціи одно дешевое изданіе, какъ уже на другой годъ нахлынулъ потопъ дешевыхъ изданій. Еще не успѣетъ Европа получить одно, какъ является другое. Къ числу множества такихъ изданій принадлежитъ и вышеозначенное. Оно замѣчательнѣе другихъ потому, что полезнѣе. Это сводъ всѣхъ путешествій, изображеніе всего міра въ его нынѣшнемъ географическомъ, статистическомъ и физическомъ состояніи, словомъ, книга, болѣе всего находящая себѣ читателей, потому что путешествіе и разсказы путешествій болѣе всего дѣйствуютъ на развивающійся умъ. Свѣдѣнія, принесенныя новѣйшими путешественниками, въ этой книгѣ вложены въ уста одного. Быть можетъ, слишкомъ взыскательному читателю станетъ досадно при мысли, что все это разсказываетъ ему человѣкъ не существующій: свѣжесть впечатлѣній, сохраняемыхъ очевидцемъ, ничѣмъ незамѣнима. Языкъ перевода ясенъ и живъ. Картинки очень хороши. Въ мѣсяцъ выходитъ довольно большая тетрадь въ 4, печатанная въ два столбца. Въ Москвѣ, это же самое сочиненіе началъ переводить г. Полевой. Онъ выдалъ уже одинъ томъ; если выйдутъ остальные пять, то и его изданіе будетъ дешевое.

Путешествіе къ святымъ мѣстамъ, совершенное въ XVII столѣтіи Іеродіакономъ Троицкой Лавры. Издано М. Коркуновымъ. Москва, въ Универ. тип. 1836, въ 8. стр. 39.

* Воспоминанія о Сициліи А. Черткова. Часть первая съ 29-ю рисунками въ листъ. Москва. 1836. XXXI. и 256 стр. въ 8 и 4.

Атласъ космографіи, изд. Ободовскимъ. С. П. б. 1836, въ 2. XVI чертежей.

Атласъ этотъ принадлежитъ къ вышедшей за два года предъ симъ космографіи г. Ободовскаго.

Описаніе Прусскаго государства въ географическомъ и статистическомъ отношеніяхъ, составленное Ардаліономъ Ивановымъ, воспитателемъ и наставникомъ въ Императорскомъ Училищѣ Правовѣдѣнія. С. П. б. въ тип. И. Глазунова, 1836, въ 8. Часть первая, стр. 201.

Указатель губернскихъ и уѣздныхъ почтовыхъ дорогъ въ Россійской Имперіи, составленный по новѣйшему учрежденію почтовыхъ дорогъ и станцій г. Савинковымъ, съ приложеніемъ дорожной карты. С. П. б. 1836, въ 6. осьмушку, 36 гравир. страницъ.

Вечера на хуторѣ близъ Диканьки. Повѣсти, изданныя Пасичникомъ Рудымъ Панькомъ. Изданіе второе. Двѣ части, въ 8 д. л. XIV, 203 и X 233, въ тип. Д. Внѣшн. Торговли.

Читатели наши конечно помнятъ впечатлѣніе, произведенное надъ ними появленіемъ «Вечеровъ на хуторѣ:» всѣ обрадовались этому живому описанію племени поющаго и пляшущаго, этимъ свѣжимъ картинамъ Малороссійской природы, этой веселости, простодушной и вмѣстѣ лукавой. Какъ изумились мы Русской книгѣ, которая заставляла насъ смѣяться, мы, не смѣявшіеся со временъ Фонвизина! Мы такъ были благодарны молодому Автору, что охотно простили ему неровность и неправильность его слога, безсвязность и неправдоподобіе нѣкоторыхъ разсказовъ, предоставя сіи недостатки на поживу критики. Авторъ оправдалъ таковое снисхожденіе. Онъ съ тѣхъ поръ непрестанно развивался и совершенствовался. Онъ издалъ Арабески, гдѣ находится его Невскій проспектъ, самое полное изъ его произведеній. Въ слѣдъ за тѣмъ явился Миргородъ, гдѣ съ жадностію всѣ прочли и Старосвѣтскихъ помѣщиковъ, эту шутливую, трогательную идиллію, которая заставляетъ васъ смѣяться сквозь слезы грусти и умиленія, и Тараса Бульбу, коего начало достойно Вальтеръ-Скотта. Г. Гоголь идетъ еще впередъ. Желаемъ и надѣемся имѣть часто случай говорить о немъ въ нашемъ журналѣ *.

Морскія сцены, соч. Н. Давыдова. С. П. Б. 1836 (8).

Провинціальныя бредни и записки Дорме-

* На дняхъ будетъ представлена на здѣшнемъ Театрѣ его комедія *Ревизоръ*.

дона Васильевича Прутикова. 2 Части. Москва. 1836 г. въ тип. Степанова въ 12, 363 — 306 стр.

Основаніе Москвы, смерть боярина Степана Ивановича Кучки. Историческій романъ, взятый изъ временъ княженія Изяслава Мстиславича. Сочиненіе Н. . . . К. . . . . ва. С. П. Б. въ тип. Вингебера, 1836. Четыре части, стр. VII и 189 149 — 168 — 162.

Убійственная встрѣча, повѣсть Я. А. С. П.б. 1836 г., въ тип. Артил. Департ. Воен. Мин. въ 8, 113 стр.

Картины міра, или полезное и пріятное чтеніе для юношества. Часть 2-я. С. П. бургъ, 1836 г. (4).

Учительская внучка, или почему знать чего не знаешь. Русской, только не исторической и не нравственно - сатирическій романъ въ 4-хъ частяхъ. 1836. Москва, въ типогр. Степанова. Въ I-й части — 279. II — 366. III — 316. IV — 329.

Мое новоселье. Альманахъ на 1836 годъ, В. Крыловскаго. С. П. Б. въ тип. Издателя, 296 стр.

Это Альманахъ! Какое странное чувство находитъ, когда глядимъ на него: кажется, какъ будто на крышѣ опустѣлаго дома, гдѣ когда - то было весело и шумно, видимъ передъ собою тощаго мяукающаго кота. Альманахъ! Когда-то Дельвигъ

издавалъ благоуханный свой Альманахъ! Въ немъ цвѣли имена Жуковскаго, Князя Вяземскаго, Баратынскаго, Языкова, Плетнева, Туманскаго, Козлова. Теперь все новое, никого не узнаешъ: другіе люди, другія лица. Въ оглавленіи, приложенномъ къ началу, стоятъ имена гг. Куруты, Варгасова, Крыловскаго, Грена; кромѣ того написали еще стихи буква С., буква Ш., буква. Щ. Читаемъ стихи—подобные стихи бывали и въ прежнее время; по крайней мѣрѣ въ нихъ все было ровнѣе, текучѣе, сочинители лепетали въ слѣдъ за талантами. Грустно по старымъ временамъ!....

Сорокъ одна повѣсть лучшихъ иностранныхъ Писателей (Бальзака, Бальоль, Блюменбаха, доктора Гаррисона, Е. Гино, Гофмана, А. Дюма, Ж. Жанена, Ваш. Ирвинга, Кинда, Крузе, И. Мока, Сентина, Тика, Цшоке, Ф. Шаля, и другихъ); изданы Николаемъ Надеждинымъ. Москва, въ типогр. Степанова, 1836, въ 12, двѣнадцать частей, стр. 287 — 261 — 259 — 287 — 275 — 276 — 262 — 263 — 227 246 — 251 — 236.

Повѣсти, печатанныя въ разныхъ номерахъ Телескопа. Издатель, выбравъ ихъ оттуда, выпустилъ отдѣльными книжками и хорошо сдѣлалъ. Здѣсь имъ лучше, нежели тамъ. Собравшись вмѣстѣ, онѣ представляютъ дѣйствительно что-то разнообразное. Ихъ развезутъ по первой зимней дорогѣ Русскіе разнощики во всѣ отдаленные города и деревни; онѣ пріятно займутъ въ долгіе вечера и ночи нашихъ уѣздныхъ барышень, по-

крайней мѣрѣ пріятнѣе, нежели наши самодѣльные романы.

Довмонтъ Князь Псковскій. Историческій Романъ XIII вѣка, соч. А. Андреева 1836, въ 12. Двѣ част. 137. — 148 Москва, въ тип. Степанова.

Дѣтскій павильонъ. Книжка, содержащая въ себѣ черты изъ Русской Исторіи, разныя повѣсти, разговоры, анекдоты, стихотворенія, сказочки, и проч., составленная на 1836 годъ Б. Федоровымъ. С. П. Б., въ тип. Гинце, 1836, въ 16, стр. 320.

Ночь. Сочиненіе Темнаго. С. П. Б., 1836, въ 8.

Іоанна Грей, Королева Англійская, павшая подъ сѣкирою палача. Романъ Историческій XVI вѣка, соч. Брота. Переводъ съ Французскаго. Москва, въ тип. Лазаревыхъ Инст. Вос. язык. 1836, въ четырехъ частяхъ. 184 — 174 — 160 — 178.

Прекрасная Астраханка, или хижина на берегу рѣки Оки. Романъ, взятый изъ истиннаго происшествія. Россійское сочиненіе. Москва, въ Универс. тип. 1836, въ 12, двѣ части, стр. IV и 42—76.

Ручная Математическая Энциклопедія Книжка X—я, механика тѣлъ жидкихъ. Москва, 1836, въ тип. Универс. въ 16, 280 стр.

Физика въ приложеніи къ Зодчеству. Г. Классена. 4 части. М., 1835 г. (8).

Теорія Балистики, содержащая приложеніе Математическаго Анализа къ опредѣленію различныхъ обстоятельствъ, сопровождающихъ движеніе тяжелыхъ тѣлъ, брошенныхъ какою нибудь силою, составленная Анкудовичемъ, С. П. Б., 1836 г. (8)

Ночной Соловей, или два жениха, Русская повѣсть, сочиненія Н. З. Москва, въ Университ. тип. 1835, въ 8, стр. 36.

Темные разсказы опрокинутой головы, повѣсти, изданныя Бальзакомъ, переводъ съ Французскаго. С. П. Б. 1836. Тип. Вингебера, въ 2 час. 173—182 стр. въ 12.

Обозрѣніе сельскаго хозяйства удѣльныхъ имѣній въ 1832 и 1833 годахъ, изданное Департаментомъ Удѣловъ. С. П. — бургъ, въ тип. Д. Внѣшней Торговли, 1836, въ 8, 138, съ 4 чер.

Правила построенія мореходныхъ и рѣчныхъ пароходовъ. Перевелъ съ Англійскаго корабельный мастеръ Василій Берковъ. С. П. Б. 1836 года, въ тип. Вингебера.

Полная ручная Кухмистерская книга, выбранная изъ книжекъ: 1) Прибавленіе къ опытному повару; 2) Полный кухмистеръ и кандитеръ и 3) Продолженіе къ книгѣ—полный Кухмистеръ и Кандитеръ; со многими прибавленіями; содержащая объясненіе поварскихъ терминовъ, и рисунокъ печи для Московскихъ калачей, составленная изъ собствен-

ныхъ опытовъ Герасимомъ Степановымъ. Москва, въ Универс. Типогр. 1835, въ 12, стр. VII и 310.

Первый день Свѣтлаго праздника, соч. Л. Я. С. П. Б., въ Гуттенберговой типог. 1836, въ 16 д., стр. 171.

Не много есть дѣтскихъ книгъ, написанныхъ такимъ чистымъ и пріятнымъ слогомъ.

Начальныя свѣдѣнія въ Практической музыкѣ, изданныя Ѳ. Дробишемъ для казенныхъ заведеній. С. П Б., въ тип. Им. Ак. Наукъ. 1836, въ 8, стр. 35 съ литогр. таблицами.

Покотилова метода, или ученіе безъ складовъ; т. е самый легчайшій способъ ученія, состоящій въ пяти урокахъ, коимъ малолѣтныхъ можно безъ затрудненія выучить совершенно читать не болѣе какъ въ два мѣсяца; составленъ изъ опытовъ малолѣтныхъ въ пользу юношества Россійской Имперіи. Москва, въ тип. Пономарева, 1836, XI — 36 стр.

Кальянъ. Стихотворенія А. Полежаева, изданіе второе. Москва, въ Универс. Тип. 1836, въ 8, 130 стр.

Общая Терапія, сочиненная для руководства слушателей Ординарнымъ Профессоромъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ и Московскомъ отдѣленіи Императорской С. П. бургской Медико - Хирургической Академіи, Статскимъ Совѣт-

никомъ, Ордена Св. Анны второй степени Императорскою Короною украшеннаго и Св. Владиміра четвертой степени кавалеромъ и разныхъ Ученыхъ Обществъ членомъ, Іустиномъ Дядьковскимъ. Москва, въ Универс. тип. 1836, въ 8, стр. X — 121.

Торговый Адресъ Календарь или Всеобщій Коммерческій указатель Россійскаго Государства на 1836 годъ, составленный Викентіемъ Жгерскимъ, чиновникомъ для особыхъ порученій въ Министерствѣ Финансовъ, разныхъ Ученыхъ Обществъ и иностранныхъ Академій дѣйствительнымъ членомъ, Спб. 1836. въ тип. Вингебера, въ 8, стр. 128.

Вотъ книги, вышедшія въ продолженіи первой четверти сего года. О большей части ихъ мы ничего не говорили, потому что о нихъ рѣшительно ничего нельзя сказать. Иныя по значительности своей требуютъ особаго разбора. Иныя, взятыя отдѣльно, не принадлежатъ собственно къ Словесности, которой преимущественно посвященъ журналъ нашъ, но, будучи сложены въ общій итогъ книгъ, входятъ такимъ образомъ въ область Литтературы и въ этомъ отношеніи получили здѣсь мѣсто. Изъ сего реэстра книгъ ощутительно замѣтно преобладаніе Романа и Повѣсти, этихъ властелиновъ современной Литтературы. Ихъ почти вдвое больше противъ числа другихъ книгъ. Безпрерывнымъ появленіемъ въ свѣтъ они, не смотря на глубокое свое ничтожество, свидѣтельствуютъ о всеобщей потребности. Исторія заглядываетъ урывками въ Русскую Литтературу.

Капитальныхъ и большихъ Историческихъ сочиненій нѣтъ ни въ переводахъ, ни въ оригиналахъ. На Статистику и Экономію одни намеки. Даже въ значеніяхъ практическихъ, не вторгающихся въ бытъ Литтературный, замѣтно тоже мелководіе.

Конецъ перваго тома.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВАГО ТОМА.

Стихотворенія.

Проза.